

ОЛЕГ ЛЕЩАК · ПАУЛИНА БЕДНАРСКА

РУССКИЕ
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ

в современном обыденном метадискурсе

РУССКИЕ
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ

ОЛЕГ ЛЕЩАК · ПАУЛИНА БЕДНАРСКА

РУССКИЕ
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ
в современном обыденном метадискурсе

Wydawnictwo
Uniwersytetu Jana Kochanowskiego
Kielce 2021

Recenzent

Prof. dr hab. Krystyna Szcześniak

Redakcja i korekta

Oksana Prosianyk

Projekt okładki

Anna Domańska

Skład komputerowy

Józef Bąkowski

Copyright © by Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach,
Kielce 2021

ISBN 978-83-7133-946-2

DOI:10.25951/4651

Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach

25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5

tel. 41 349 72 65

<https://wydawnictwo.ujk.edu.pl>

e-mail: wyd@ujk.edu.pl

Оглавление

Введение	7
Обиходно-бытовой макродискурс vs. обыденный метадискурс	13
1.1. Понятие дискурса в функциональном прагматизме: дискурс – макродискурс – метадискурс	13
1.2. Обыденность как базовое референтное поле обиходно-бытового макродискурса. Типологические черты обыденного метадискурса	24
Языковая прецедентность и прецедентные высказывания	43
2.1. Знаковые единицы языка и речи. Прецедентные знаки	43
2.2. Сущность прецедентных функций, их характеристики и структурные типы	56
2.3. Этапы становления прецедентного языкового знака	79
2.4. Социокультурная и дискурсивная дифференциация прецедентных функций	92
2.5. Прагматическая типология прецедентных высказываний (общие замечания)	103
Коммуникативные прецедентные высказывания в русском обыденном метадискурсе	111
Вводные замечания (специфика прецедентных диалогов)	111
3.1. Прецедентные высказывания – экспрессивизмы	118
3.1.1. Эмотивные прецедентные высказывания	118
3.1.2. Реактивные прецедентные высказывания	121
3.1.3. Эмотивно-когнитивные прецедентные высказывания	130
3.1.4. Декларативные прецедентные высказывания (волитивные экспрессивизмы)	138
3.2. Прескриптивные прецедентные высказывания	147
3.2.1. ПВ-интерrogативы	147
3.2.2. Директивные прецедентные высказывания	149
Когнитивно-культурные прецедентные высказывания в русском обыденном метадискурсе	153
4.1. Прагматическая и структурная типология когнитивно-культурных ПВ	153
4.2. Прагматика, семантика и структура ПВ-остроумий	161
4.3. Прагматика, семантика и структура ПВ-острословий	168
Заключение	181
Литература	183

Введение

Прецедентность в языкознании как научная проблема стала активно разрабатываться после выступления Ю. Н. Караулова с докладом *Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности* на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) в 1986 году, во время которого он впервые использовал термин *прецедентный текст*, тем самым введя его в научную терминологию.

Как отмечается в словаре иностранных слов А. Ю. Москвина, термин *прецедент* означает «случай, имевший ранее место и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода» [Москвин 2003: 536]. Источником определения *прецедентный* является правовая терминология, а конкретнее – англосаксонское прецедентное право. Сейчас понятие прецедентности функционирует не только в области права, но также в социологии, культурологии и лингвистике. Суть термина *прецедентный* в лингвистическом понимании заключается в утверждении существования в инвариантном сознании носителя языка языковой единицы, вербализующей не статичный фрагмент картины мира, а некоторое воссоздаваемое динамичное мыслительное состояние (процессуальное поле смысла). Использование такой единицы позволяет не только соотнести данное состояние с аналогичным или весьма сходным предшествующим состоянием, имевшем место при предыдущем ее использовании, но и отослать реципиента к аналогичному состоянию, имевшему место в его языковом опыте. Именно такое сочленение актуальных предикаций с предшествующими и следует называть *прецедентностью*.

Исследованию прецедентных единиц посвящено значительное количество научных работ, а интерес к данному вопросу не ослабевает. Исследователями рассматриваются разные аспекты прецедентности: начиная с языковых, вплоть до неязыковых прецедентов. В связи с этим в центре внимания оказываются разного рода воспроизводимые языковые функции, включаемые в разряд прецедентных: от основных единиц – «прецедентный текст» (Караулов, А. Е. Супрун, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова), «прецедентное высказывание» (В. В. Красных,

Д. Б. Гудков, Ю. Е. Прохоров, С. К. Павликова) и «прецедентное имя / название / оним / знак» (Красных, Гудков, И. В. Высоцкая, Э. М. Левина), вплоть до многочисленных языковых воспроизводимых явлений, среди которых самыми популярными в языкознании стали: «прецедентная ситуация» (Красных, Гудков, Прохоров), «прецедентное событие» (Высоцкая), «прецедентный феномен / единица» (Красных, Гудков, Прохоров, Н. А. Голубева), «прецедентный жанр» (А. А. Проскурина, Высоцкая), «прецедентный стиль» (Высоцкая), «прецедентный мир» (Красных, Г. Г. Слышкин, Л. В. Балашова), «прецедентный образ / изображение» (И. И. Чумак-Жунь, Высоцкая), «прецедентная дата» (Высоцкая), «прецедентное поле» (Е. С. Бриченкова). Исследователи анализируют также структуры знаний, стоящие за языковыми (или шире – семиотическими) прецедентными функциями, предлагая называть все такого рода информационные явления *когнитивными прецедентами* (С. Лещак).

Для правильного определения того или иного прецедентного явления существенную роль играют: прагматика дискурсивно-речевой ситуации, а также интенции и установки дискурсивных субъектов, сопряженные с экстралингвистическими факторами семиотической интеракции. Наше исследование сосредоточено не только на самих языковых единицах, определяемых как прецедентные высказывания, но и на телеологических и каузальных обстоятельствах, при которых они вовлекаются в речевую деятельность, включая детерминирующие ее культурные, психологические и социальные внеязыковые факторы.

Объектом данного монографического исследования является обыденное метадискурсивное пространство функционирования обиходно-бытовых прецедентных высказываний. В работе предпринята попытка разграничения понятий макродискурса и метадискурса, а также определения места и роли обиходно-бытовых прецедентных высказываний в обыденном метадискурсе. Предметом анализа в работе является наименее изученная и описанная в научной литературе языковая прецедентная функция – прецедентное высказывание, т. е. языковая (воспроизводимая) единица предикативного характера, формально представляющая собой предложение (которое может быть представлено в речи в свернутом виде – в форме полупредикативной конструкции). Особое внимание уделяется функционально-прагматической типологии прецедентных высказываний, порожденных в обиходно-бытовом макродискурсе, и анализу моделей их функционирования в обыденном метадискурсе.

Следует подчеркнуть, что прецедентные высказывания являются не речевыми конструкциями, а языковыми единицами, а специфика типоло-

гизации такого рода предикативных функций обусловлена не их структурой и семантикой, а исключительно их дискурсивной прагматикой. Прецедентные высказывания используются во всех типах макродискурсов: в искусстве (интертекстуальность – цитаты в литературе и кино, относящиеся к другим произведениям), общественно-этической жизни (крылатые выражения, идеологические и политические слоганы, культурные максимы), философии (философские постулаты и тезисы), в науке (научные аксиомы, теоремы, постулаты и законы) и экономике (административно-правовые формулы). Однако то, что определенное прецедентное высказывание используется в данном типе макродискурса, не означает, что оно всегда возникает в том же типе дискурса или тематически с ним связано. Хорошим примером данного явления могут быть цитаты научного, философского, экономического или политического происхождения, используемые в художественной литературе (где нет никаких тематических ограничений) или высказывания общественных деятелей и журналистов, которые используют при обсуждении самого широкого круга проблем в общественно-политическом макродискурсе фразы из самых различных макродискурсов – из обыденной жизни, из сферы экономики, науки, философии или из художественной литературы. Случается, что дискурсивная тематика и дискурсивная сфера возникновения и функционирования того или иного прецедентного высказывания не совпадают. Например, поговорка *Не в деньгах счастье* тематически относится к экономическому макродискурсу, но возникла не в нем и не в нем используется. Иное дело обиходно-бытовой макродискурс, в котором по сравнению с другими типами макродискурсов прецедентные высказывания используются гораздо чаще с целью выражения насущных потребностей коммуникации или лингвосемиотической экспрессии. Следует подчеркнуть, что это не всегда происходит сознательно, что вытекает из арerefлексии и спонтанности этого типа макродискурса.

Целью монографического исследования является определение диапазона языковых единиц предикативного характера с системной (тип и характер) и дискурсивно-прагматической точки зрения (использование), определение функций, выполняемых вышеуказанными языковыми единицами в обыденном метадискурсе, а также типологизация обиходно-бытовых прецедентных высказываний и выявление моделей их функционирования в отдельных дискурсивных ситуациях, характерных для обыденного метадискурса. В области наших интересов находятся и собственно коммуникативные единицы, т. е. единицы утилитарного характера, и когнитивно-культурные единицы, являющиеся знаками определенной

субкультуры, например: паремии, антипаремии, цитаты из кинофильмов, произведений художественной литературы и песен, афоризмы и т. п. При этом в круг нашего исследовательского интереса попадают не все прецедентные высказывания, а лишь те, которые в прагматическом, семантическом и/или формальном плане носят разговорно-бытовой, просторечный и, иногда, сленговый или жаргонный характер. Вне сферы нашего интереса оказываются, например, скороговорки, так как это искусственные тексты, созданные специально для фонетических упражнений или с целью изучения иностранных языков. Исключением являются скороговорки, которые стали прецедентными высказываниями, утратив свою первичную функцию: например, *Шла Саша по шоссе и сосала*. В данном случае скороговорку в силу определенных прагматических причин подвергли трансформации (усечению), в результате чего ее смысл изменился кардинально. Целым жанром, не попадающим в область нашего исследования, являются одностопишия как поэтические произведения, т. к., с одной стороны, областью их функционирования являются художественно-артистический макродискурс и эстетический метадискурс, а с другой – по своей языковой сущности они являются не прецедентными высказываниями, а полноценными прецедентными текстами. Хотя некоторые такого рода тексты нередко тематически и стилистически относятся к разговорному стилю (например, произведения постфольклора), они не используются в повседневной коммуникации как собственно строевой материал общедно-бытового и, шире, – обыденного общения, а прежде всего, удовлетворяют эстетические, общественно-игровые или ритуально-обрядовые потребности личности. К таким же прецедентным текстам мы относим также разного рода считалки, загадки, стихотворения, молитвы, клятвы, заговоры, даже если по форме они являются отдельными предложениями. В отличие от прецедентных высказываний, все такого рода единицы, как и прецедентные тексты, обладают полной культурно-цивилизационной автономностью.

Материалом настоящего исследования послужили в подавляющем большинстве единицы, которые обычно не входят в состав толковых и фразеологических словарей русского языка. Исследовательский материал был собран преимущественно во время включенного наблюдения, поскольку исследуемые единицы не кодифицируются и не фиксируются в традиционных словарях, как другие единицы языковой системы (довольно плодотворной оказалась работа непосредственно с носителями языка). Частично исследовательский материал происходит из корпусных источников, а также из социальных сетей и форумов.

Анализ прецедентных высказываний осуществляется нами с учетом характера носителя языка и ситуативно-прагматических факторов. В связи с этим предметный материал рассматривается как личностно-информационная и деятельностная функция, т. е. как лингвосемиотическое отношение целого ряда факторов – психолингвистических, социолингвистических и лингвокультурных. При этом во внимание бралось существенное ограничение методологического характера, возникающее из противоречия между индивидуальным и социальным аспектом функционирования прецедентных высказываний. Поскольку язык в онтологическом плане может существовать исключительно на личностном уровне, а прецедентность имеет смысл лишь как социальная и культурная конвенция, нужно понимать, что нет никакой возможности описать обиходно-бытовые прецедентные высказывания с учетом всех идиолектов и идиостилей, при этом вряд ли можно говорить об идентичном прецедентном лексиконе у всех носителей русского языка. Поэтому материал нашего исследования обладает обобщенным и усредненным характером. Наше внимание было сосредоточено на наиболее популярных и частотных единицах. Фактическое количество обиходно-бытовых прецедентных высказываний в русском языке намного больше представленного в работе корпуса, а реальный их набор в каждом конкретном идиолекте намного разнообразнее. Проблема отбора материала осложняется тем, что обиходно-бытовой характер исследуемых единиц предполагает их ненормативность и некодифицированность, дискурсивность и динамичность. Кроме того, из-за синкретизма прагматики обыденности прецедентные высказывания, используемые в этом метадискурсе, могут обладать одновременно различными функциями. Многие из них полифункциональны и одной из наших ключевых задач было определение их доминирующей функции. Одновременно приходилось учитывать омонимию многих прецедентных высказываний обиходно-бытового характера. Решить все эти онтологические проблемы можно было только на методологическом уровне. В настоящей монографии используется функционально-прагматическая методология, которая языковую деятельность воспринимает как человеческий психосоциальный семиотический опыт, тесно связанный с другими видами психосемиотической и предметно-манипулятивной деятельности человека. Основу функционального прагматизма составляют две ключевые идеи: антропоцентризм и реляционизм. Согласно функциональному прагматизму, языковая деятельность представляет собой отношение языка как системы знаков – лексического запаса, информационной базы, сопряженной с системой

моделей – внутренней формой, грамматикой, и речи как использования языка в экспрессивно-коммуникативных семиотических интеракциях. Согласно антропоцентрическому подходу, под языковой деятельностью мы понимаем информационные явления и процессы в человеческой психике, сопряженные с семиотическими явлениями и процессами, имеющими место в социальном опыте человека. Такой подход позволяет учесть одновременно дифференцированный характер прецедентных высказываний в языковом опыте каждого субъекта и его интегративный характер, позволяющий разным субъектам осуществлять успешные бытовые интеракции и самоидентифицироваться в качестве членов одного языкового сообщества.

В основе данной работы лежит диссертационное исследование Паулины Беднарской «Прецедентные высказывания в русском обыденном дискурсе (функционально-прагматический анализ)», написанной на методологических и теоретических основаниях, разработанных ее научным руководителем, проф. Олегом Лещаком. Основной обзор литературы предмета, так же, как и сбор, анализ и типологизация языкового материала был осуществлен Паулиной Беднарской. В то же время ряд теоретических положений и некоторые фрагменты типологии русских прецедентных высказываний были развиты, переосмыслены и дополнены Олегом Лещаком в ходе подготовки данной монографии. Исходная работа была существенно реструктурирована. Основные изменения касались, прежде всего, упорядочения положений теории дискурса, макродискурса и метадискурса, обоснования размежевания обиходно-бытового макродискурса и обыденного метадискурса, языковых и речевых единиц, определения семиотической сущности прецедентов на фоне процедур номинации, предикации и полупредикации, конкретизации типологии прецедентных функций, а также изменения обзорно-реферировующего характера теоретической части (характерного для работ диссертационного характера) в полемический (особенно в вопросах концептуализации прецедентных функций). Важные коррективы были внесены и в практическую часть работы. Это касается выделения еще одного типа коммуникативных прецедентных высказываний – делиберативных экспрессивизмов и ревизии отношения между этим типом прецедентов и прецедентными высказываниями когнитивно-культурного типа.

Обиходно-бытовой макродискурс vs. обыденный метадискурс

1.1. Понятие дискурса в функциональном прагматизме: *дискурс – макродискурс – метадискурс*

Функциональный прагматизм как научное мировоззрение основывается на двух философских концепциях – критическом трансцендентализме И. Канта и прагматизме В. Джемса, из которых вытекает антропоцентрический подход к объекту исследования и реляционное понимание человеческого опыта (изложению методологических оснований функционального прагматизма посвящен ряд наших работ: [Лещак 1996, Лещак 2002, Лещак 2008]). Термин *функциональный прагматизм* содержит в себе два элемента: онтологический (понятие функции – взаимодействующего отношения – как формы бытования опыта) и эпистемологический (понятие прагматики как значимого отношения субъекта к опыту). Онтологическая сторона функции заключается в том, что объектом исследований функционального прагматизма всегда является некоторое функциональное отношение. Функциональный прагматизм не сводит исследование объекта только к его функционированию. Функция – это не только сама активная деятельность, но и все без исключения отношения, которые делают ее возможной (материал, орудия, условия, причины, цели, среда, субъекты и объекты) [Лещак 2000]. С онтологической точки зрения объектом исследования функционального прагматизма в лингвистике является лингвосемиотическая деятельность в ее опытной полноте. Функционально-прагматическая методология воспринимает лингвосемиотическую деятельность как психосоциальный опыт, связанный с другими видами психосемиотической и энергоматериальной деятельности. Согласно этой методологии, лингвосемиотическая деятельность представляет собой единство кода (языка как потенциала) и лингвосемиотического действия (реализации этого потенциала в речи согласно

экспрессивным и коммуникативным потребностям). В значительной степени функциональный прагматизм черпает постулаты из психосоциальной концепции языка И. А. Бодуэна де Куртенэ, психосоциальной семиологии Ф. де Соссюра, функционализма Пражской школы (В. Матезиус, Н. Трубецкой), теории деятельности Л. Выготского, теории социального опыта Г. Тарда, теории диалога М. Бахтина и концепции семиотического реляционизма Э. Кассирера.

Вторая составная описываемой методологии – прагматическая эпистемология – по большому счету соответствует постулатам критической и агностической дедуктивной концепции человеческого опыта Канта, антропоцентрического прагматизма В. Джемса, Ф. К. С. Шиллера и Д. Дьюи, а также лингвистического методологизма Соссюра (речь, конечно, идет о Соссюре «Заметок по общей лингвистике» [Соссюр 1990], а не о Соссюре «Курса» [Saussure 2002]). В эпистемологическом отношении функциональный прагматизм как антропоцентризм и реляционизм устанавливает существенную зависимость познаваемого объекта от познавательных возможностей, целей и действий исследователя. Согласно этой концепции, не существует объективных и полностью независимых от исследователя фактов. Более того, невозможно также говорить об отдельных и единичных конкретных фактах, которые были бы полностью независимы от системы фактов и обобщающей деятельности познающего субъекта.

Дискурс, по мнению многих исследователей, – это одно из самых сложных и трудно поддающихся определению явлений, выделяемых в современных гуманитарных и общественных науках, поскольку является объектом междисциплинарного изучения. Кроме лингвистики, исследованием данного явления занимаются также психология, философия, логика, антропология, политология, социология, этнология, культурология, педагогика, литературоведение, историография, юриспруденция, теология и др. дисциплины. Если посмотреть литературу вопроса, можно сделать вывод, что сейчас дискурс – одно из самых популярных понятий в гуманитарных науках. Любая из вышеприведенных дисциплин рассматривает дискурс, учитывая факторы, существенные для данного типа науки, что приводит к изменению семантического объема данного понятия. Многообразие понимания термина *дискурс* влияет также на разнородность, а зачастую, и некомпатибельность дискурсивных исследований. Термин *дискурс* в последнее время стал довольно популярен также в ненаучных актах коммуникации (неофициальных и официальных), не имеющих познавательного характера, хотя нередко его используют так-

же с целью придать высказанному наукообразный характер. Это ведет не только к популяризации самого термина в других сферах, но и различной концептуализации данного понятия, вплоть до его полного размывания.

Возникновение термина *дискурс* в языкознании свидетельствует о таких концептуально-терминологических проблемах, как:

- а) статичное понимание языка и текста (понятие дискурса однозначно динамично и может включать в себя как тексты, так и элементы кода);
- б) отвлеченность языка и текста от реальных ситуаций и речевых процедур (понятие дискурса включает в себя как использование первого, так и порождение/восприятие второго именно в различного рода ситуативных и событийных обстоятельствах);
- в) отвлеченность языка, текста и речевых процедур от языкового субъекта (понятие дискурса предполагает наличие не только активного субъекта лингвосемиотической интеракции, но и наличие коммуникативных соучастников);
- г) изолированность языка, текста и речевых процедур от всех остальных семиотических факторов, кодов и функционально-прагматических обстоятельств межличностного общения (понятие дискурса позволяет рассматривать языковую коммуникацию именно как лингвосемиотическую деятельность, сопряженную со всеми остальными проявлениями семиотического опыта) (подробнее см.: [Лещак 2013]).

Нет смысла здесь в очередной раз проводить анализ всех возможных использований и толкований терминов *дискурс* / *dyskurs* / *discours* / *discourse*. Этому вопросу посвящены десятки работ [Караулов, Петров 1989; Арутюнова 1990а; Степанов 1995; Серио 1999; Кибрик, Паршин (on-line); Хурматуллин 2009; Бжозовска 2010; Гусейнова 2010; Кашкин 2010; Пекот 2010; Ухванова-Шмыгова 2010; Горбунова 2012; Бажалкина 2016 и др.]. Количество определений *дискурса*, выделяемых разными авторами, колеблется от четырех до нескольких десятков. Мы сами неоднократно предпринимали такие попытки ранее [Лещак 2009; Leszczak 2010]. Очертив примерные рамки семантического поля, образующегося на пересечении понятийных объемов различных дефиниций, нам удалось концептуализировать более сорока различного рода пониманий этого термина в различных науках. Термином *дискурс* зачастую называют объекты, которые можно было бы назвать более привычными терминами: *социолект*, *текст*, *речь*, *беседа*, *дискуссия*, *идеологическая картина мира*, *речевая деятельность*, *речевая ситуация* или *речевое событие*.

Такое разное понимание данного термина вытекает, прежде всего, из методологического подхода, который принимает тот или иной исследователь.

Показательно, что подавляющее большинство сторонников использования этого термина подчеркивает наличие в объеме данного понятия равно текстовой составляющей (причем, речь обычно идет об однотипных текстах), динамической речевой составляющей (поскольку дискурс всегда ассоциируется с выполнением целого ряда сопряженных друг с другом речепорождающих и интерпретативных актов), а также составляющей языковой (специфический лексикон и система коммуникативно-экспрессивных моделей). Так, например, Ю. Ф. Тетерина, несколько переосмыслив дефиницию В. И. Карасика [Карасик 2002], представляет дискурс как «(...) речемыслительный процесс, объективированный в некотором множестве текстов, содержащих проявления одного и того же конкретного мотива, связанных друг с другом общими стратегиями порождения и понимания, социально или идеологически обусловленных, воссоздаваемых с учетом всей совокупности языковых и экстралингвистических факторов» [Тетерина 2008: 253]. Осталось только заменить объективированное понятие процесса собственно антропоцентрическим понятием деятельности, и можно сказать, что мы получим дефиницию дискурса, максимально приближенную к нашей.

Определение термина *дискурс* с позиции функционально-прагматической методологии заключается в антропоцентрической постановке в центр внимания человеческого лингвосемиотического опыта (деятельности), частным случаем которого и является дискурс. Кроме того, любой дискурсивный объект, как и любой дискурс как целое понимаются одновременно как функциональное и прагматическое отношение. Таким образом, дискурс в нашем понимании структурно и онтологически сходен с тем, что у Соссюра называлось *langage*, т. е. с языковой деятельностью. Однако дискурс – понятие, одновременно более широкое и более узкое, чем языковая деятельность в ее функционально-прагматическом понимании. Дискурс включает в себя, кроме собственно вербальных, лингвальных, также целый ряд невербальных семиотических и мыслительных функций опыта, поэтому уместнее его определять не через понятие языковой деятельности, а через понятие деятельности лингвосемиотической. Однако наряду с этим дискурс не тождественен по объему ни лингвосемиотической деятельности, ни даже языковой деятельности, которые охватывают семиотический код, коммуникативно-экспрессивные семиотические процедуры и их продукты – тексты и другие семи-

отические произведения. Дискурс – это лишь частное проявление такой деятельности (или такого опыта), характеризующееся специфической целью, функциональной ролью участников (их происхождением, возрастом, полом, профессией, образованием, интересами, физическими или психическими особенностями и под.), обстановкой (временем и пространством опытной деятельности), тематикой, формальными средствами и под. Лишь определив данные характеристики, можно не только очертить условные границы дискурса, но и одновременно определить тип того или иного дискурса.

Таким образом, согласно функционально-прагматической методологии, понятие дискурса понимается нами как функционально-прагматический вариант лингвосемиотического опыта (лингвосемиотической деятельности), специфицированный нижеследующими шестью факторами:

- прагматическим типом и характером опытной деятельности (в т.ч. коммуникативной),
- характеристикой субъектов (количество, возраст, пол, социальный статус, психологические, а также физиологические особенности), т. е. социально-психологическими особенностями участников интеракции;
- культурно-цивилизационными обстоятельствами деятельности;
- пространственно-временной спецификой, т.е. учетом локализации и темпоральных свойств деятельности;
- тематикой;
- сигнальной формой [см. Лещак 2015].

Несложно убедиться, что для функционально-прагматического понимания сути самого явления дискурса как опыта и деятельности одновременно самым важным является первый из всех перечисленных факторов, поскольку именно телеология деятельности определяет характер большинства остальных критериев спецификации – ролей, выполняемых субъектами, пространственно-временных обстоятельств, сигнальных способов организации деятельности и тематики. Социально-психологический и культурно-цивилизационный характер опыта может придавать тем или иным формам целенаправленной деятельности определенный оттенок, но не может менять их принципиально. Лингвосемиотический опыт обслуживает сферы жизни человека, определяемые поставленной целью. Если принять во внимание трехмерность типологизации опыта по шкалам «реальный – виртуальный», «рациональный – эмоциональный» и «публичный (внешний) – индивидуально-психический (внутрен-

ний)», таких сфер окажется шесть (каждая из них имеет свои внешние и внутренние проявления – в поступках и замыслах). Это быт, экономическая жизнь, общественно-политическая жизнь, наука, искусство и философия. Ниже (рис. 1) представлена схема, изображающая сферы человеческого опыта, обслуживаемые наиболее общими формами лингвосемиотической деятельности, которые можно назвать *прагматическими макродискурсами*: бытовым, экономическим, общественно-политическим, научным, художественным и философским.

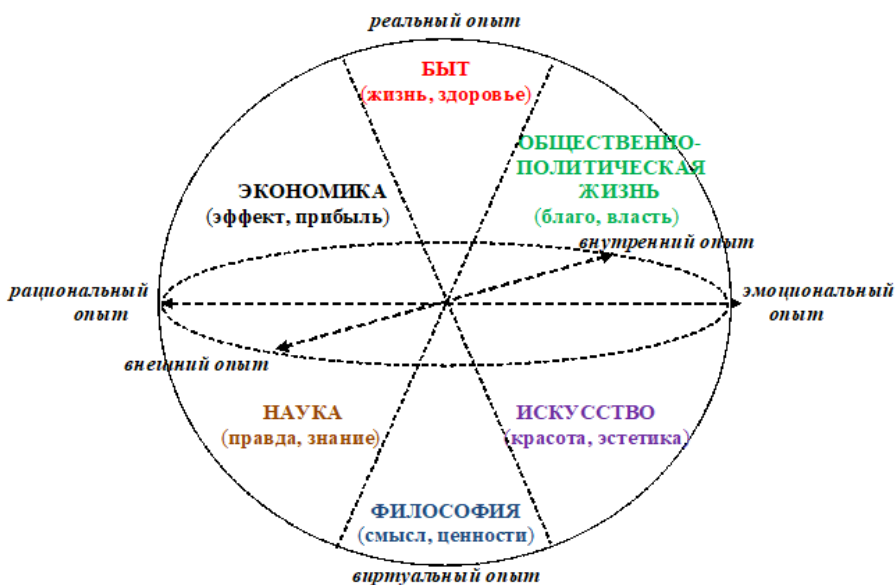

Рис. 1. Типологическая схема опыта

По эссенциальному признаку макродискурсы могут быть реальными и виртуальными. К реальным макродискурсам относятся: экономический, обиходно-бытовой и общественно-политический, к виртуальным же – научный, философский и художественный. Первые три направлены на лингвосемиотическое обеспечение потребностей в выживании, обеспечении благосостояния и безопасности, три последних – на осмысление и аксиологизацию человеческого опыта.

По собственно телеологическому признаку можно выделить рациональные (предметные) и эмоциональные (субъектные) макродискурсы. Мы называем их предметными или субъектными, исходя из способа

понимания объекта, на который направлена деятельность: если объект опредмечивается, управлять им можно только рациональными методами, если же он субъективизируется, совладать с ним можно только через эмоциональное воздействие. К собственно рациональным (предметным) относятся экономический и научный макродискурсы (их объектами являются реальные блага и знания), к эмоциональным (субъектным) – общественно-политический и эстетический макродискурсы (здесь объект деятельности – реальные или виртуальные переживания людей). Обиходно-бытовой макродискурс носит в этом отношении синкретический характер (рациональное и эмоциональное здесь обычно не разделяется), а философский – синтетический (т.е. рациональное и эмоциональное здесь объединяется в одно целое). Исходя из прагматики реализуемой деятельности в рамках данных макродискурсов можно выделить целый ряд частных дискурсов, например: учебный, академический, административный, правовой, коммерческий, производственный, религиозный, идеологический, собственно политический, культурного досуга, медийный, поэтический, театральный, литературный, песенный, естественнонаучный, гуманитарный, общественнонаучный, филологический, экологический, семейный, соседский, любовный, дружеский, феноменологический, экзистенциалистский, постмодернистский, христианский и под.

Третье, каузальное измерение типологизации касается внешней (социальной) или внутренней (личностной) мотивации деятельности и играет существенную роль при установлении характера поведения в той или иной сфере опыта: инновационной или модельной, конформистской или неконформистской, нормативной или деструктивной в отношении нормы, традиционной или идущей вразрез с традицией.

Подчеркнем, что любой дискурс с позиции функционально-прагматической методологии (т. е. антропоцентризма и реляционизма) характеризуется:

- **обобщающим характером.** Невозможно исследовать единичные и совершенно уникальные коммуникативные ситуации, если в них нельзя обнаружить никакой регулярности, методичности, типичности и модельности. Дискурс следует рассматривать как регулярную деятельность определенного характера. Единичный конкретный разговор научно исследовать невозможно, на основании отдельного единичного разговора нельзя осуществить систематизацию и типологизацию, так как дискурс не сводится ни к единичному тексту, ни к единичному акту речи, а предполагает

наличие (или даже потенциальную возможность возникновения) сложного набора однотипных текстов. Следовательно, в центре внимания должен быть не только и не столько единичный текст, сколько определенная реализуемая модель порождения и восприятия текста. Не сводим дискурс и к единичным актам речи. Это, скорее, реализуемые в опыте типы речевых актов. Тип речевого акта должен соответствовать типу текста и типу речевой деятельности, т. е. должен совершаться по дискурсивным моделям;

- **динамикой.** Дискурс всегда рассматривается сквозь призму речевых актов, которые его оформляют. Дискурс не сводим ни к чисто потенциальным лингвосемиотическим функциям – кодам (идио- или социолектам, языкам, системам знаков), ни к результативным функциям – текстам, произведениям. Это всегда комплексная деятельность, состоящая из последовательности дискурсивных событий и дискурсивных ситуаций, в ходе которых используется некоторая часть кода (субкод) и порождаются некоторые лингвосемиотические продукты (высказывания, тексты);
- **прагматической направленностью.** Каждый дискурс как тип лингвосемиотической деятельности – это орудие семиотизации и социализации опыта, а значит, необходимо обладает инструментальной значимостью для организующих его людей. Способ ведения лингвосемиотической деятельности зависит от целей, возникающих в данной опытной сфере. Дискурс нельзя сводить ни к форме, ни к содержанию. Ведущим фактором дискурсивного опыта является именно прагматика – как прагматика смысла, так и прагматика формы. Каждый макродискурс обладает своей целью, заключающейся в реализации опытных ценностей: для обиходно-бытового макродискурса это витальные ценности (жизнь и здоровье), для общественно-политического – идеологические ценности (общественное благо и власть), для экономического – экономические ценности (эффект труда и доход / деньги), для научного – познавательные ценности (верифицируемые знания и правда), для художественного – эстетические ценности (красота и эстетическое переживание), наконец, для философского макродискурса – мировоззренческие ценности (смысл и сами ценности как таковые);
- **концептуальным характером.** Семантическим ядром каждого дискурса является некоторое когнитивное пространство человеческого опыта. Это может быть образ жизни, идеология, род эко-

номической деятельности, научная или философская концепция, художественные представления. Концептуализация такого когнитивного пространства ведет к тому, что набор знаков и речевых моделей, используемых в том или ином дискурсе (прежде всего – макродискурсе), должен быть весьма специфическим. Иной субъязык используется в науке или искусстве, иной – в хозяйственной жизни или политике, иной – в философии или в быту.

Обычно совместно все эти черты характеризуют дискурс как целое. Разные комбинации этих факторов дифференцируют типы дискурсов и единичные дискурсивные события, совокупность отдельных дискурсов образует макродискурсы, а совокупность всех макродискурсов представляет собой лингвосемиотический опыт в целом.

Последний вопрос, который следует обсудить в данном подразделе монографии, касается понятия метадискурса как производной междискурсивной интеракции.

Типологический характер систематизации макродискурсов, представленный выше в виде сферы (Рис. 1), предполагает понимание не только каждого макродискурса, но и каждого отдельного дискурса как аналогичной сферы с теми же тремя шкалами – «реальный – виртуальный опыт», «рациональный – эмоциональный опыт», «лично мотивированный – общественно мотивированный опыт». Это означает, что данную сферу следует понимать как своего рода фрактал, в котором каждая часть сферы представляет собой сферу, аналогичную общей. Сказанное имеет далеко идущие теоретические и практические последствия. Такое понимание устройства лингвосемиотического опыта предполагает, во-первых, что каждая макродискурсивная сфера смежна с каждой из остальных, а значит, может образовывать с каждой из них переходную зону опытной и коммуникативной деятельности (а значит, теоретически возможна сфера смешения всех шести сфер опыта), а во-вторых, каждая из сфер опыта (и каждый из макродискурсов), руководствуясь собственной иерархией ценностей, может стремиться к экспансии своих ценностей на другие сферы и подавлению своими ценностями ценностей других сфер. Именно это явление порождает дискурсивные образования, которые мы здесь предлагаем называть *метадискурсами*.

Понятно, что экономическая деятельность может пониматься в широком и узком смысле. Ни у кого не возникает сомнений, что производство, коммерция, сервис, управление и администрация, а также правовое обеспечение этих видов деятельности входят в состав экономической сферы деятельности, а систему общения в этих сферах можно определить

как экономический макродискурс. Довольно легко доказать также, что к экономической сфере можно отнести и образование как способ приобретения профессии. Однако сфера деловой активности, возникающая в ситуации, когда экономические ценности проникают в политику и общественную жизнь, в быт, науку, искусство и философию, – гораздо более широкая область человеческого опыта, чем собственно экономическая сфера. Люди в быту постоянно должны заботиться о покупках, оплатах, изготовлении чего-либо для собственных нужд, в ходе культурного досуга и политической деятельности постоянно приходится заниматься их материально-финансовым обеспечением, ученые работают над заказными финансируемыми проектами, артисты и писатели заключают договоры и получают гонорары, художники продают свои произведения, зачастую выполняя их на заказ, философы издают свои трактаты, священнослужители собирают пожертвования. Даже дети часто вступают с родителями или друг с другом в финансовые отношения или отношения натурального обмена товарами, трактуя свое обучение или воспитание как своего рода общественно полезный труд. Сфера деловой активности охватывает практически все сферы человеческой жизни. Вслед за прагматикой и семантикой обычно идет и форма. А значит, деловая активность вне собственно экономической сферы опыта требует использования специфического лексикона, специфических моделей коммуникации и экспрессии, а также специфического, характерного для экономических отношений способа концептуализации, например, мышления в стиле «Насколько это выгодно?», «Что я за это получу?» или «Я тебе за это что-то дам». Такой способ организации экономического общения вне сферы собственно экономического макродискурса можно назвать *деловым метадискурсом*.

Аналогично происходит распространение черт других макродискурсов на смежные опытные сферы. Так, идеологизация всех сфер жизни со стороны общественно-политического опыта порождает этико-идеологическую сферу, коммуникативным обеспечением которой занимается *общественно-этический (публичный) метадискурс*. Перенос принципов функционирования искусства на другие сферы жизни можно назвать их *эстетизацией*, а сферу такой коммуникации – *эстетическим метадискурсом*. Экспансия познавательных ценностей в остальные сферы жизни порождает сферу квазинаучной коммуникации – *познавательный метадискурс*, а философская аксиологизация других сфер жизни – *мировоззренческий метадискурс*. Наконец, обытовление экономики, общественной жизни, науки, искусства и философии под воздействием обиходно-бытового макродискурса ведет к появлению довольно широкого

дискурсивного пространства, которое мы предлагаем называть *обыденным метадискурсом*. Все это можно схематически представить в виде своего рода «цветка» с лепестками, символизирующими макродискурсы и расходящимися от них более широкими эллипсами, символизирующими метадискурсы (обозначенные пунктиром, поскольку их границы определить невозможно) (см. рис. 2).

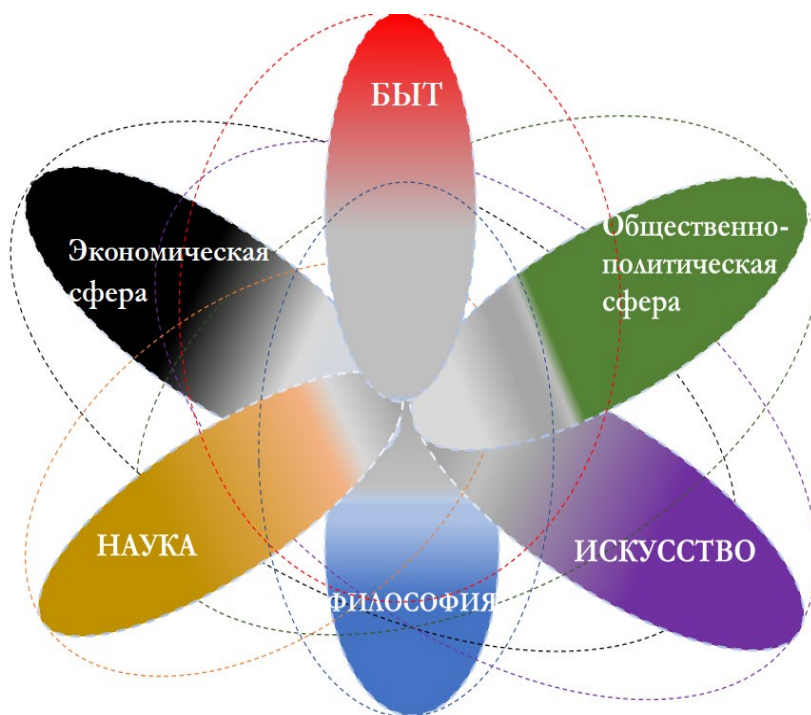

Рис. 2. Макро- и метадискурсы

Таким образом, в дальнейшем мы сосредоточим наше внимание на двух дискурсивных сферах – обиходно-бытовом макродискурсе, в котором возникают интересующие нас просторечные прецедентные высказывания, и обыденном метадискурсе, в котором они функционируют.

1.2. Обыденность как базовое референтное поле обиходно-бытового макродискурса. Типологические черты обыденного метадискурса

Согласно функционально-прагматической методологии дискурс является лингвосомиотической деятельностью, обслуживающей определенный участок человеческого опыта. Таким участком для обиходно-бытового макродискурса является обыденность, т. е. та часть нашего опыта, которая призвана обеспечить человеку основные потребности биологического характера, т. е. те, которые в иерархии по А. Маслоу [Maslow 1954] находятся в самом фундаменте его пирамиды: физиологические потребности, выживание, чувство безопасности и составляют основу нашей частной, личной жизни.

Обыденность (повседневная жизнь) характеризуется синергетической свободой и в значительной степени арефлексией. Однако это не означает, что она лишена каких-либо структурных и функциональных системных оснований. Данные основания специально не нормализованы и не подвержены кодификации – они возникают в ходе непроизвольного витального опыта взаимоприспособления. Обыденность носит неофициальный характер, она не институциональна и редко бывает полностью подконтрольной государственным или политическим институциям (даже в тоталитарных или тотальных культурно-цивилизационных системах). На уровне дискурса это проявляется в полном доминировании узуральности над нормативностью. Она регулируется отчасти привычкой, выработанной в рамках обиходной традиции, а отчасти естественными принципами и схемами поведения. В обществах институционального культурно-цивилизационного типа обиход и быт могут регулироваться общественной моралью, культурой и законодательством. Обыденность синергетична не в полной мере, так как это все же часть культурного опыта человека. Но при этом характерными чертами обыденности всегда был и остается натурализм (господство витальных потребностей), консерватизм (традиционализм, господство привычки) и мифологизм (арефлексия, полная вера в очевидное).

Обыденность характеризуется телеологической и каузальной гетерогенностью, т. е. разнородностью целевых установок (нередко противоречащих друг другу) и наличием происходящих из самых разных источников мотивов поведения (также нередко противоречивых). Обиходно-бытовой опыт синкретически объединяет рациональность непосредственного освоения мира вещей и эмоциональность непосредствен-

ного упорядочивания мира людей. При этом нередко отношение к людям подвергается реификации (именно здесь субъекты нередко опредмечиваются и трактуются как средства достижения целей), в то время как отношение к природе и артефактам, наоборот, антропоморфизуется (предметы наделяются свойствами одушевленных существ). Этот тип опыта характеризуется, с одной стороны, большой арефлексивной стереотипностью (многие поступки совершаются автоматически, по привычке или вследствие подражания), а с другой, – ситуативностью реализуемых в нем моделей поведения (довольно часто в быту человек ведет себя по обстоятельствам или согласно произвольным желаниям).

В обыденности материальное иногда отождествляется с виртуальным, т. е. предмет с мыслью о предмете, мысль – со словом (из этого вытекает культ конкретности). В быту люди подчас не ощущают различия между реальностью, мыслью о реальности и словесным определением этой мысли. Мартин Прайзнер называл такую жизненную семиотическую позицию первым уровнем коммуникативной компетентности, на котором обычно происходит «отождествление текста с действительностью». Как пишет ученый, «эта компетентность действует безукоризненно, когда предметом коммуникации являются доступные на вытянутую руку органам чувств физические объекты, с которыми можно осуществлять операции, которыми можно манипулировать. На таком этапе пребывает значительная часть актантов коммуникации» [Preyzner 2006: 189].

Основы научного исследования обыденной сферы опыта были заложены Тардом, Г. Лебоном и А. Шюцом. Тард противопоставлял два типа ценностей – жизненные (сейчас мы бы употребили термин – *витальные*) и социальные, связывая доминирование первых с понятием толпы, а доминирование вторых – с понятием публики: «Чем более возвышается он <человек – О.Л., П.Б.> над биологическими требованиями, тем более подчиняет он свою жизненную обязанность обязанности социальной» [Тард 1996: 487; см. также Тард 1999: 257–408]. Это именно то разделение, которое можно применить к отмежеванию обыденно-бытовой (базовой, натуральной) формы человеческого опыта от всех остальных – культурно-цивилизационных его сфер.

Шюц отмечал, что в основе обыденного мышления лежат две идеализации, составляющие «всеобщий тезис взаимности перспектив». Это взаимозаменяемость точек зрения (вера в то, что все мы, в принципе, взаимозаменяемы) и соответствие систем релевантностей (вера в то, что мы все воспринимаем, понимаем и оцениваем мир принципиально одинаково). в результате в обыденном мышлении «всеобщий тезис вза-

имности перспектив приводит к способности постижения объектов и их аспектов, реально известных мне и потенциально известных вам, как ко всеобщему знанию. Такое знание является объективным и безымянным (анонимным)» [Шюц 2004: 15].

Обыденное мышление, кроме всего прочего, это также низкий уровень терпимости к мнениям и точкам зрения других людей, особенно из инородной среды. Поэтому оно характеризуется аподиктичностью, стремлению к догматизации взглядов, однозначному и упрощенному восприятию мира без рефлексии над аргументами (пассивность в мышлении), что часто мотивируется страхом перед изменениями. Участникам обиходно-бытового макродискурса свойственны ситуативное нежелание, а подчас и невозможность отделять факты от волевых проявлений и эмоциональных оценок, описания от интерпретаций, эмпирические результаты от спекуляций. Довольно часто здесь встречаются слишком произвольные обобщения на основании неподтвержденной информации, эклектическое смешение умственных процедур, мыслительные редукции, противоречия и парадоксы. Напротив, довольно редко в этом типе дискурса встречаются строгая логика и критицизм оценок.

Специфической формой лингвосомиотического обеспечения бытового опыта является обиходно-бытовой макродискурс. В научной литературе эту форму лингвосомиотического опыта называют по-разному: *дискурс повседневности* или *повседневный дискурс* [Тубалова 2011], *обыденный дискурс* [Одинцова, Шатрова 2004]), *бытовой дискурс* [Пиевская 2007], *обиходный дискурс* или *разговорный дискурс* [Трофимова 2004].

Согласно И. М. Пиевской, «Специфика бытового дискурса состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращенный код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и поэтому актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего» [Пиевская 2007: 109]. И. В. Тубалова пишет, что повседневный дискурс характеризует: «непринужденный и даже фамильярный характер речи (и отдельных языковых единиц), глубокая эллиптичность, конкретизированный (а не понятийный) характер речи, прерывистость и непоследовательность ее с логической точки зрения, эмоционально-оценочная информативность и аффективность» [Тубалова 2011: 49]. Вопрос отсутствия понятийности нам кажется очень спорным, т. к. даже обыденные представления о времени, деятельности, нравственных принципах или мировоззрения носят не сенсорный, а именно понятийный характер. Некоторые психологи используют для

определения такого рода когнитивных функций термин *предпонятие* («Предпонятие (англ. *presconcept*) – не достигший высшей ступени своего развития концепт, находящийся в простом и непосредственном отношении к объекту и не включенный в систему вышестоящего понятия» [Головин 1998]), а лингвисты – *когнитивное понятие* [Гудавичюс 1985; Лещак 1996; Кошелев 2015]. При этом Тубалова дает два определения термина *повседневный дискурс*: совокупность дискурсивных сфер, свободных от институциональных рамок (широкое определение) и конкретный дискурс повседневности, формируемый вокруг отдельной коммуникативной ситуации (узкое определение) [Тубалова 2011: 42]. Ученая обратила внимание на очень важную проблему: как концептуально и терминологически отделить общее представление о сфере и типе языковой деятельности от частного представления о конкретном речевом событии, представляющем такую сферу и такой тип. Мы предложили решение этой проблемы через введение терминологической иерархии: *макро- и метадискурс – дискурс – дискурсивное событие – дискурсивная ситуация*.

Значительная часть информации, относящейся к оценке обиходно-бытового макродискурса, может быть почерпнута из традиционных исследований его кода – разговорного языка и просторечия. Ю. С. Сорокин утверждает, что разговорный язык – это «одна из двух основных разновидностей языка, относящаяся к сфере непосредственного обиходного общения. Разговорный язык в разных отношениях противопоставляется языку письменному, книжному, литературному» [Сорокин 1971]. Автор не без оснований считает, что разговорный язык «является первичной формой существования языка сравнительно с письменным, литературно обработанным, но он находится также во взаимодействии с последним. Типические характеристики разговорного языка, его место и отношения с книжным, литературным языком исторически изменчивы» [там же]. Этот тип кода, по мнению ученого, на уровне синтаксиса характеризуется инверсией, повторами, эллипсами, особым способом употребления союзов и т. п. Однако не любое устное высказывание может и должно быть воспринято как разговорная речь, так как некоторые из форм монологической речи могут характеризоваться книжным стилем, например: доклады, лекции, выступления и т. п. [там же].

Стоит особо подчеркнуть близость разговорной коммуникации к невербальному, особенно остенсивному общению. На это обращает внимание Пиевская: «важнейшей характеристикой единиц разговорной речи является их конкретная денотативная направленность, указательность,

что обеспечивает их заменяемость невербальными знаками. Нечеткость произношения коррелирует с семантической нечеткостью единиц: значения слов весьма подвижны, слова легко заменяются на приблизительные субституты» [Пиевская 2007: 109].

Можно заметить, что в научной среде нет четкой упорядоченности в понимании, что именно является кодом обиходно-бытового макродискурса. У Тубаловой читаем, что «речевая среда повседневности – как совокупности повседневных дискурсов – оформляется речевыми средствами различных форм национального языка: обиходно-бытовой стиль литературного языка, диалектная речь, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны» [Тубалова 2011: 48–49]. Это вполне объяснимо: ведь этот тип макродискурса самый универсальный, его реализуют в повседневной личной жизни и необразованные жители трущоб, и профессора университетов, и политики, и крестьяне, и интеллектуалы, и постоянные жители пенитенциарных заведений. Тем не менее, с прагматической и исторической точек зрения, а также беря во внимание количественные (статистические) данные, нельзя поставить знак равенства в вопросе естественного кода обиходно-бытового макродискурса между обиходно-бытовым стилем литературного языка (или т.н. сниженным стандартом), социальными и профессиональными жаргонами, с одной стороны, а также диалектами и городским просторечием, с другой. Прежде всего, из этого набора следует полностью исключить профессиональные жаргоны и сленги как разновидность социолектов, поскольку это коды совершенно иных метадискурсов – соответственно делового и социально-этического. Совершенно неестественным является использование в частной бытовой жизни узкопрофессионального жаргона или сленга, ведь членами одного и того же семейного, родового, соседского или дружеского круга обычно являются представители различных профессий (также дети и люди без профессии) и представители различных субкультур. Если говорить о социолектах, характерных для определенных гендерных, возрастных или сословных групп, то и эти коды не годятся для использования их в качестве языка семейной или соседской коммуникации, хотя вполне возможно их использование в коммуникации дружеской. Что касается обиходно-бытового стиля литературного языка, то его использование в частной повседневной жизни характерно, прежде всего, для интеллигенции и высших сословий, и это явное перенесение в быт нормативного кода извне, из официальной коммуникации. Обратим внимание на то, что в чистом виде (в своей нормативной форме) литературный язык в быту не используется никем, особенно

в случаях, когда поблизости нет детей или посторонних. В этом не раз нас убеждали записи подслушивания и неофициальные письма персон из высшего общества, политиков, артистов, писателей, представителей власти, журналистов, одним словом, тех, кто в публичной сфере неизменно пользуется именно литературным языком. Во многих случаях т.н. «обиходно-бытовой стиль литературного языка» остается таковым только по грамматике и фонетике. С лексической точки зрения такого рода общение довольно часто является не просто разговорным, но зачастую и просторечным.

С лингвистической точки зрения обыденность (повседневная жизнь) является сферой, в которой преимущественно реализуются в качестве лингвальных кодов территориальные диалекты, разговорный язык и городское просторечие. Поскольку разговорная речь служит для выражения оценок, волитивных и эмоциональных состояний говорящего, постольку особое место в данном макродискурсе занимает лексика с маркерами субъективной оценки, а также т. н. ненормативная лексика, причем не только вульгарная или обценная, но и вообще лексика сниженного стилистического уровня, использование которой недопустимо в официальной речи с использованием литературного языка, которая, однако, позволяет максимально адекватно высказать эмоционально-оценочное отношение говорящего к предмету или адресату речи. Лексика данного типа макродискурса включает диалектизмы, жаргонизмы, варваризмы, сленгизмы, девиантные формы и выдуманные слова (идиостилевые неологизмы), а также уже упоминавшуюся обценную лексику. Тем самым лексика обиходно-бытового макродискурса (ее форма и стилистическая окраска) обнаруживает неофициальный характер высказанного, и поэтому она исключена из официального, публичного общения. Нередко у «натуральных» носителей разговорного и просторечного языка, даже если они являются диглоссантами, возникает проблема с переключением между литературной (или стандартной) и разговорной (или просторечной) формой языка. Это следует из неосознаваемости использования кода, который выбирается спонтанно в определенный момент. Поскольку, как уже отмечалось, данный макродискурс характеризуется арефлексией и ненормализованностью (фактически достаточно большой свободой от запретов), в нем образуются многочисленные штампы, клише, прецедентные и квазипрецедентные единицы, служащие экономии средств и мыслительным редуциям, а также помогающие мгновенно максимально самовыразиться, а также многочисленные окказионализмы: семантически аморфные единицы, формальные вариан-

ты и трансформации уже существующих лексем и прецедентных единиц (например, антипаремии).

Пространственно-временная специфика обиходно-бытового макродискурса универсальна в том смысле, что данный дискурс в своей жизни реализует каждый представитель человеческого вида: как жители городов, так и деревенские жители, как взрослые, так и дети, как здоровые, так и больные, как образованные, так и необразованные. Но при этом он сугубо партикулярен и индивидуален по форме. С темпоральной точки зрения обиходно-бытовой макродискурс не ограничивается временем: испокон веков он являлся неотъемлемым элементом человеческой жизни. При этом он может протекать в любом временном измерении (в любое время года или суток) и, как оказалось в эпоху Интернета, в любой сигнальной форме. Отсюда можно сделать вывод, что обиходно-бытовой макродискурс не ограничивается ни субъектными, ни пространственными, ни временными, ни формальными факторами.

Форма обиходно-бытового макродискурса варьирует в зависимости от уровня цивилизационного развития общества, хотя непосредственный семиотический контакт в нем всегда доминировал над дистантным, отложенным во времени и опосредованным общением. Впрочем, по мере развития грамотности и освоения технических средств, люди в повседневном обиходе уже довольно давно научились общаться удаленно и опосредованно (письма, телефон, Интернет), сохраняя при этом бытовую семантику и витальную прагматику.

Тематика обиходно-бытового макродискурса опирается на необходимость выживания и удовлетворения витальных потребностей. Главными темами данного типа макродискурса являются: жизнь – смерть, здоровье – болезнь, физиологические процессы (в том числе половые и физиологические потребности), личная жизнь, самоопределение в жизненной среде и приспособление к ней (лингвoseмиотическая социализация и индивидуализация). Витальные потребности могут носить как чисто энергоматериальный (потребности в материальных и энергетических средствах поддержания жизнедеятельности), так и информационных характер (потребности удовлетворения любопытства и преобразующей активности, стоящие в основе рационального преобразования окружающей среды и подчинения ее своим целям, а также потребности эмоционального комфорта и эмоциональной привязанности, дающие чувство безопасности в социальном окружении).

Неотъемлемым элементом обыденной картины мира является обыденное мышление и здравомыслие (т.н. «здравый смысл»), заключающи-

еся в мнимом представлении, что действуешь в соответствии с разумной очевидностью и принципами опытной рациональности. В основе здравого смысла лежат традиционные общепринятые принципы и правила, позволяющие идентифицироваться с общностью, в которой господствует эта традиция.

Речемышление обиходно-бытового макродискурса обычно преисполнено стереотипами и схемами, а также оперированием общеизвестными и очевидными знаниями, что не мешает участникам такого общения активно пользоваться эмоционально-волевыми механизмами формирования и оперирования информацией. Знания и логика чаще всего здесь заменяются интуицией и т. н. обыденными мифами. Решения принимаются интуитивно, эмоционально и в согласии со своим здравым разумом. Поэтому, в обыденности настолько популярны псевдонаучные и научно-популярные знания, эзотерика, магия, суеверия, слухи, советы знакомых и старшего поколения, которые, с одной стороны, воспринимаются как проверенная веками и эффективная «народная мудрость», а с другой – позволяют идентифицироваться со своей общиной и демонстрируют безграничное доверие авторитетам [подробнее об этом см. Лещак 2016: 124–155].

Обиходно-бытовой макродискурс, согласно выше приведенной схеме типологизации дискурсивного опыта, занимает промежуточное место между этико-политическим и экономическим макродискурсами. Невозможно поставить четкую границу между ними, поскольку они могут взаимно влиять друг на друга, обогащать друг друга, заимствовать друг от друга некоторые черты. Поля данных макродискурсов размыты, все они относятся к реальному опыту. В отличие от всех остальных макродискурсов, где могут присутствовать, как минимум, две формы коммуникации – неофициальная и официальная, в обиходно-бытовом каждое общение носит неофициальный характер.

Главной целью коммуникации в данном типе макродискурса является выражение насущных потребностей коммуникации и лингвосомиотической экспрессии или импрессиции. Обиходно-бытовая коммуникация характеризуется неосознанностью и арефлексией. Это означает, что во время коммуникации участники часто не полностью осознают, что сказали, предварительно не обдумывают и не подготавливают своего высказывания, как это имеет место в других, прежде всего публичных, макродискурсах. Это заметно в использовании хезитаций, вставок, повторов, отсутствии логической последовательности в построении предложений, наличии синтаксических ошибок (неправильном грамматическом кон-

струировании предложения и неверном использовании правил сочетания словоформ). Общение в обиходно-бытовом макродискурсе динамично и спонтанно, непосредственно и контактно в пространственно-временном отношении. Основной формой коммуникации здесь является диалог. Речевые формы повседневности – это вопрос и ответ, приветствие и прощание, просьба и приказ, выражение радости или сожаления, поздравление и соболезнование и т. п. [см. Тубалова 2011: 48].

Информационную основу обиходно-бытового макродискурса составляет обиходно-мифологическая картина мира, обусловленная индивидуализированным сенсорным опытом, традиционной понятийной сеткой и актуальным состоянием опыта. Мифологизм данного типа дискурса, с одной стороны, заключается в вере (от веры в опыт до веры в чудеса), а с другой – в здраворассудочной уверенности в своей правоте. Обыденный метадискурс насыщен стереотипами (стертостью и привычностью используемых схем, в т. ч. языковых), а также пронизан арефлексией. В одной из работ мы прибегли к метафоре, которая, как нам кажется, хорошо объясняет эту черту исследуемого макродискурса: «Бытовая языковая деятельность напоминает чистое прозрачное оконное стекло, которое мы попросту не замечаем, когда смотрим в окно» [Лещак 2016: 14]. Субъект принимает решения (в т. ч. речевые), опираясь на неосознаваемую индивидуализацию, т. е. индивидуальные витальные переживания и желания, гендерно-возрастные, микросоциальные и локальные факторы, психофизиологические склонности, тем самым обеспечивая себе индивидуальную или групповую выгоду, предпринимает попытку сохранить авторитет у других. Принятие решений в обиходно-бытовом макродискурсе вызывается обычно эмоциями и волеизъявлениями. Такие механизмы поведения в значительной степени обусловлены инстинктом самосохранения, чувством принадлежности к общности, витальными ценностями, нравственностью и традиционной моралью.

Следующей чертой картины мира обиходно-бытового макродискурса является схематичность мышления. Обиходное мышление отличается упрощением действительности и редукциями. Особенно ярко это проявляется в речи, где доминируют семантические пресуппозиции и импликации, а также грамматически неполные, эллиптические и нечленимые конструкции. Обыденное мышление отличается дуализмом, т. е., с одной стороны, использованием неопределенных (размытых) понятий, а с другой – представляет собой конкретное мышление, в котором заметна тенденция к ограничению абстрагирования. Однако следует подчеркнуть, что в данном типе дискурса чаще замечается больше конкретики, чем от-

влеченных понятий. Оно отличается эклектичностью, которая проявляется в тавтологии и многозначности, а также сосуществовании исключających друг друга мнений, что является результатом веры в популярные и распространенные убеждения и суждения, некритического подхода к ним, а также отсутствия рефлексии.

От обиходно-бытового макродискурса принципиально отличается смежный ему общественно-политический макродискурс и его производная – общественно-этический метадискурс, который в научной литературе называют также публичным дискурсом [Болотнов 2012]. Коммуникация в общественной жизни, в отличие от обиходно-бытового макродискурса, даже в устной форме общения характеризуется использованием монологов, например: публичные выступления, доклады, речи, проповеди. Данный тип макродискурса, как на это указывает само название, реализуется в публичной сфере. «(...) в самом широком понимании, публичный дискурс – это дискурс, ориентированный на массового адресата. Однако адресатом такого дискурса может быть как массовый, так и множественный адресат. Следовательно, публичный дискурс включает в себя не только массовое, но и публичное общение. Под публичным общением понимают обычно ряд ситуаций, в которых происходит непосредственное общение адресанта с множественным адресатом, представляющим собой многочисленную и неоднородную аудиторию, но все же объединенную по какому-либо параметру (место, социальная принадлежность, возраст и т. д.)» [Воронцова 2008: 18]. Публичный метадискурс основывается на сдерживании индивидуального произвола и подчинении личности определенным общественным принципам жизни. Большую роль здесь играет право, формальная этика и политическая корректность, которая часто реализуется в сдержанности и нормализованности речи. Важна также общественно значимая тематика, в отличие от индивидуальности, конкретности, «приземленности», а иногда даже физиологичности обиходно-бытовой тематики. Т. А. Воронцова отмечает: «Характер адресации публичного дискурса обуславливает его тематическое ограничение: предмет публичного дискурса должен быть значим и интересен для максимально широкой аудитории. Тематика публичного дискурса определяется прежде всего интересами адресата, а, следовательно, это не только политика, но и экономика, вопросы этики, морали, здоровья и т. п. Поскольку выбор предмета речи должен быть ориентирован на множественного гетерогенного адресата, постольку этот предмет должен обсуждаться в языковых и речевых формах, доступных и понятных такому адресату» [там же].

Принципиально обиходно-бытовой и общественно-политический макродискурсы отличаются и характером участвующих в них субъектов. Обиходно-бытовой макродискурс носит обычно характер интерперсональный (а иногда и интраперсональный – в виде внутреннего диалога). Если он и носит характер полилога, то обычно в довольно ограниченном кругу лиц, связанных друг с другом витальными связями (родство, дружба, соседство, вражда и под.). Иное дело общественно-политический макродискурс, в котором обычно происходит общение чужих друг другу, малознакомых или вовсе незнакомых людей, при этом осуществляемое не на межличностном, а на личностно-институциональном или даже межинституциональном уровне, т. е. когда участники коммуникации (сознательно или не полностью) принимают на себя или приписывают адресату роль институции.

Еще более массовую форму коммуникация приобретает в публичном метадискурсе, активным субъектом которого становятся массмедиа. Как пишет Воронцова, «публичный дискурс (...) подразумевает как опосредованную СМИ форму общения с массовым адресатом, так и непосредственную – с множественным» [там же]. Такую возможность реализации создает информационная и коммуникативная сфера Интернета, в которой публичный метадискурс реализуется в полной мере. Такой метадискурс характеризуется, согласно О. В. Орловой, актуальностью, автономностью, интерактивностью, погруженностью, мозаичностью, ограниченной доступностью и скоростью получения информации, анонимностью, отсутствием пространственных границ, размыванием пространственного и временного факторов, демократичностью общения, свободой самовыражения [Орлова 2012: 164].

Лингвосемиотика общественно-этического (публичного) метадискурса характеризуется высоким уровнем тематической свободы. Сложно найти тему, которая не могла бы стать темой публичного обсуждения: семантический и формальный диапазон текстов, порождаемых в данном типе дискурса, является довольно обширным. Поскольку общественно-этический метадискурс является платформой реально-эмоционального общения всего общества, он использует как собственные текстовые порождения, так и инодискурсивные тексты, а поэтому диапазон воспроизводимых единиц, функционирующих в данном макродискурсе, является довольно обширным и охватывает не только единицы, порожденные внутри данного типа макродискурса (высказывания и тексты политиков, общественных и религиозных деятелей, журналистов и VIP-ов), но также и из других типов дискурсов (цитаты из кино и литературы, выска-

звания известных философов и ученых, экономические формулировки, а также иногда бытовые фразы, в т. ч. просторечные).

Однако есть определенный тематический круг, который для многих все еще остается сомнительным в публичном метадискурсе и совершенно табуированным в общественно-политическом макродискурсе. Это частная интимная и физиологическая жизнь людей, а также сфера разного рода девиаций и преступных деяний. Тем не менее, технические возможности, предоставленные каждому человеку социальными медиа и интернет-коммуникаторами, сделали возможным публикацию самых интимных и морально осуждаемых проявлений частной обиходно-бытовой жизни. Появились феномены реалити, стиллайфа и стриминга, сделавшие частное объектом публичного наблюдения и обсуждения. Таким образом происходит т.н. «зумирование» частной жизни. С другой стороны, те же технические возможности позволили частным лицам стать самостоятельными журналистами (блогерами) и насыщать публичный метадискурс чисто обиходно-бытовым контентом нередко также в обиходно-бытовой языковой форме, т.е. с использованием разговорного языка и просторечия.

У обыденности есть две стороны: индивидуальная (семейная жизнь, личная жизнь, интимность, друзья) и публичная (общественный досуг, повседневное общение с незнакомыми людьми в публичной сфере). Наблюдая обиходно-бытовые проявления в публичном метадискурсе, поведение в публичной сфере как «среди своих», использование одного и того же кода и в общественной, и в частной сфере, можно делать выводы о существовании особого обыденного метадискурса, часть которого в силу своей интимности обычно скрыта и не поддается полноценному исследованию, но другая его часть благодаря социальным сетям и Интернету явлена и вполне может быть подвергнута анализу.

Нам представляется, что от собственно обиходно-бытового и собственно общественно-политического макродискурсов стоит отличить такую дискурсивную разновидность лингвосемиотической деятельности, как **обыденный метадискурс**. Это переходная сфера на их границе, которая совмещает черты обоих рассмотренных макродискурсов и частично пересекается со сферой публичного метадискурса. Именно такой неинституциональный, неофициальный метадискурс, реализуемый в общественной сфере обычно малознакомыми людьми, можно называть *обыденным или повседневным*. Как уже было сказано ранее, обыденный метадискурс – это проекция или экспансия обиходно-бытового макродискурса в публичную сферу, прежде всего – общественно-этическую.

Лингвосемиотика обыденного дискурса характеризуется довольно высоким уровнем непосредственности (это неофициальная сфера общения) и этим напоминает обиходно-бытовой макродискурс, но при этом сохраняет тематическую разнородность и публичный характер общественно-политического макродискурса.

То, что объединяет обиходно-бытовой макродискурс и обыденный метадискурс, заключено в их коде. В обоих случаях роль кода выполняет разговорный язык, включая городское просторечие. Язык обыденного метадискурса отличается гораздо большей спонтанностью, чем в остальных дискурсах публичного метадискурса, особенно таких, как религиозный или медийный. Обыденный метадискурс в этом отношении становится местом соприкосновения и взаимопроникновения обеих форм человеческого опыта – быта и общественной жизни. Поэтому в обыденном метадискурсе наряду с разговорным языком могут широко использоваться сленги и профессиональные жаргоны, но практически не встречаются говоры и территориальные диалекты. Обыденный метадискурс обслуживает, в основном, городскую культуру.

Тексты в обыденном метадискурсе так же, как и в обиходно-бытовом макродискурсе, характеризуются семиотической «прозрачностью», функциональной неразделенностью знака, хаотическим синтаксисом, эллиптичностью, высокой нарративностью, экспрессивностью и прескриптивностью текстов, в которых находится большое количество стереотипных конструкций, семантических и формальных девиаций и редуций, повторов, заимствований из иностранных языков, авторских неологизмов и окказионализмов.

Данный метадискурс носит обычно спонтанный, непринужденный, просодично значимый характер (в силу преобладания устно-контактного сигнального характера во время коммуникации здесь важную роль играют ударение, тон, интонация говорящего, так как они дополнительно выражают информационные интенции). В нем значительна роль невербальных факторов, например, внешнего вида, выражения глаз, жестикуляции. В таком случае можно позволить себе разного рода недоговорки, компенсируемые остенсивностью, т. е. вместо номинации или описания предмета оказывается более удобным указать на него. Данных элементов лишена письменная форма этого дискурса (хотя существует целый ряд ненормативных средств письменного выражения обыденной интенции – подчеркивания, прописные буквы, знаки препинания, эмодзи, эмодзи и под.). Такой формой обладает, в частности, речь сферы интернет-коммуникации, особенно в социальных сетях. Она характеризуется

несоблюдением языковых норм: пользователи совершают многочисленные лексические, грамматические и орфографические ошибки, часто осуществляют контаминации, используют сокращения и девиантные формы слов, образуют неологизмы и неосемантизмы. Тексты интернет-пользователей переполнены просторечной, а подчас также вульгарной и обценной лексикой, что приводит к коллоквиализации изучаемого макродискурса.

Попытаемся собрать воедино ключевые отличия обиходно-бытового макродискурса и обыденного метадискурса:

Табл. 1. Отличия обиходно-бытового макродискурса и обыденного метадискурса

Обиходно-бытовой макродискурс	Обыденный метадискурс
сфера частной жизни	сфера общественной и экономической жизни, искусства, познания и мировоззрения
личное пространство	публичное пространство
витальная прагматика	витально-этическая / витально-экономическая / витально-эстетическая / витально-познавательная / витально-аксиологическая прагматика
бытовая проблематика	неограниченная проблематика (обычно в бытовой перспективе)
полная свобода (ограниченная порогом толерантности личного круга коммуникации)	свобода, ограниченная порогом общественной толерантности и/или законодательствами
межличностная коммуникация	публичная или массовая коммуникация
городское просторечие / говор / разговорный язык (обиходно-бытовой стиль литературного языка)	разговорный язык / сленги / профессиональные жаргоны (+ городское просторечие)
устная непосредственная коммуникация, реже – письменная (письмо, э-мейл, смс) или опосредованная устная коммуникация (телефон, мессенджер)	письменная / устная опосредованная коммуникация (чат, блог, форум, твит, коммент)
диалог (реже – полилог, изредка – монолог)	полилог / монолог (реже – диалог)

Обыденный метадискурс это смешанный тип дискурса: с одной стороны, в нем царит свобода высказывания, как в обиходно-бытовом макродискурсе, а с другой – навязываются определенные общественно значимые образцы поведения, как в общественно-политическом макродискурсе. Поэтому предмет нашего исследования – разговорные прецедентные высказывания – нужно разделить на две группы: единицы, тяготеющие к общественно-этическому метадискурсу (трансформации публичных прецедентных высказываний, антипаремии), и единицы, тяготеющие к обиходно-бытовому макродискурсу (тематически касающиеся физиологии, сексуальности, быта, а формально носящие следы просторечности). То, что делает данные единицы целостной группой, – это их витальная прагматика и полная узуальность. Их задача – обеспечить личности свободное общение (экспрессию и коммуникацию) в повседневном общении одновременно для удовлетворения ее витальных потребностей далеко за пределами бытового опыта и общественно-этических потребностей, исходя из личностных жизненных потребностей.

Проблема возникновения и функционирования в обыденном метадискурсе прецедентных высказываний напрямую связана с демократизацией публичного метадискурса и усиливающейся тенденцией синергетизации информационного общества, приведшими к явлениям, названным постмодернистами «смертью автора» и «деконструкцией». Можно себе легко представить ситуацию, имевшую место в культурном дискурсе XVIII-XX вв., когда горстка интеллектуалов с хорошим университетским образованием без труда запоминает значимые фрагменты произведений культуры и использует их в своей речи, справедливо ожидая от своих собеседников узнавания этих прецедентов. С развитием СМИ и массовой грамотности в XX в. (а фактически – доступности благ культуры и цивилизации), а также в меру снижения качества образования ситуация коренным образом изменилась. Объем цитируемых текстов и фраз, превратившихся в шаблоны, несоизмеримо возрос, в то время как объективизация знания «убила» интерес к источнику информации. Иначе говоря, члены информационного общества все чаще цитируют уже готовые высказывания, не стараясь быть оригинальными и самим познавать истину, но при этом все реже интересуются, кто именно, когда, зачем, почему и в каком смысле впервые высказал эти мысли. Фраза «смерть автора» в этом смысле может в равной степени относиться как к художественной литературе, науке или философии, так и к повседневной и общественной жизни.

Идеальной технической формой реализации обыденного метадискурса стал Интернет (чаты, форумы, твиты, комменты и под.). Тематика

метадискурса повседневности является довольно открытой: «круг тем, сформированных в рамках собственных дискурсивных практик участников общения, является базовым, а темы, содержательно воспринятые в вербальной форме из „чужих” дискурсивных практик, включаются в тело повседневного дискурса на правах тематически инодискурсивных» [Тубалова 2011: 45]. Соответственно в рамках обыденного метадискурса может обсуждаться не только, и не столько бытовая проблематика, но и политика, деятельность официальных структур или общественные события. Данная информация связана не столько с «ретрансляцией собственного опыта» [там же], сколько с данными и оценками, полученными в уже вербальной форме «из различных источников (СМИ, художественная литература, рассказы очевидцев)» [там же]. С другой стороны, здесь реализуется также обратная стратегия – массовое (публичное) обсуждение личной жизни вплоть до самых интимных и откровенных тем (в т. ч. считавшихся до недавнего времени табуированных в публичной сфере общения), а также вынесение на форум общественной дискуссии своих личных, частных взглядов, мнений и сиюминутных переживаний. В данном типе дискурса, так же, как и в обиходно-бытовом макродискурсе, важно актуальное состояние субъекта – в отличие от других типов макродискурсов, например, научного, экономического или философского, где следует абстрагироваться от актуального эмоционального состояния. В обыденном метадискурсе эмоциональность управляет рациональностью, но в отличие также от общественно-политического макродискурса, где доминирует установка на общественный интерес и институциональность общения, в обыденном метадискурсе даже публичное лицо или представитель какой-то институции участвует с перспективы частного лица. Это отражается в отсутствии осознания и контроля своих эмоциональных и волевых состояний, игнорировании норм общественного общения, что зачастую ведет к провоцированию негативных эмоций у реципиентов, которые даже не были адресатами данного сообщения. Специфика обиходно-бытового общения (частного, личностного) состоит в том, что адресат обычно равен реципиенту речи. В общественно-политическом же макродискурсе группа реципиентов намного шире группы адресатов. Сказанное в публичном метадискурсе становится достоянием всех, кто сумел получить доступ к высказанному, а не только тех, кому оно было адресовано. Многие публичные лица, входя в режим обыденного метадискурса, не учитывают того, что в этом вопросе данный тип дискурса тождествен публичному метадискурсу. Именно в ходе лингвосемиотической деятельности в режиме обыденного метадискурса

политики могут позволить себе высказывания, вроде *Мы будем преследовать террористов везде, в аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймаем, мы и в сортире их замочим, в конце концов* (В. Путин), *Лучше быть головой мухи, чем жопой слона* (В. Черномырдин), *Диктатура – это запор. Демократия – понос. Выбирайте, что вам больше нравится* (В. Жириновский), а VIP-ы – допускать столь скандальные выходки, как ответ Ф. Киркорова журналистке на пресс-конференции, бросившей ему в качестве упрека фразу *Звезда! – Пизда!* Обыденный метадискурс – это зона полной свободы, в которой частное лицо может поиграть в VIP-а (собирая лайки в соцсетях), а VIP забыть настолько, что это часто ведет к скандалам и шокирует публику. К примерам последнего рода поведения можно отнести высказывания Джона Гальяно в адрес одной из собеседниц: *Твою мать и твоих предков надо истребить в газовой камере*, Ивана Охлобыстина о гомосексуалистах: *Я бы их всех живьем в печку запихал. Это Содом и Гоморра, я, как верующий человек, не могу к этому относиться равнодушно, это живая опасность моим детям!* или Дональда Трампа на ралли в Айове: *Я могу встать посреди Пятой Авеню и застрелить кого-нибудь, и я ни одного голоса не потеряю, ага. Это невероятно.*

С появлением массовой культуры и Интернета авторство вообще перестало быть объектом интереса большинства публики. Хорошим примером может быть Википедия как коллективно создаваемая информационная база (в которой нет авторства и за содержание и смысл текстов в которой никто не несет личной ответственности), а также статусы (Твиттер, Фейсбук, ВКонтакте), которые представляют собой анонимные (или полуанонимные) источники т. н. «народной мудрости». Хотя Википедию вряд ли можно отнести к обыденному метадискурсу, тем не менее, в ней наблюдаются определенные дискурсивные черты переходного типа – от научно-информационного дискурса к обыденному. Вполне допустимо определить Википедию как продукт одновременно познавательного и публичного метадискурсов.

Классическим примером сферы развития обыденного метадискурса являются социальные сети. Именно здесь возникло явление статусных произведений. Статусные произведения, с одной стороны, могут становиться источниками для следующего анонимного цитирования, а с другой, вполне могут представлять собой такие цитаты. Однако, говоря про статусы, нужно учесть особенную прагматику обыденного метадискурса: пользователи соцсетей осознают, что в Интернете они сами позиционируют себя такими, какими их ожидает видеть их аудитория и какими

они на самом деле не являются. Соответственно, иногда функционирование пользователя в соцсетях – это форма актерства. Это обусловлено тем, что в сфере Интернета пользователи смогут позволить себе больше, чем в «классическом» бытовом общении, с одной стороны, никто и ничто (кроме условий пользования сайтом) их не ограничивает (что невозможно в нормальном публичном метадискурсе), а с другой, никто не сможет верифицировать их характерологическую тождественность и обвинить в «актерстве», что очень быстро происходит в обиходно-бытовом макродискурсе. В соцсетях, в том числе в статусах, пользователи позволяют себе существенные «отклонения» от нормы, включая нестандартное языковое поведение. Цели данного поведения бывают разные – поделиться интересной мыслью (своей, чужой), сообщить о происходящем или продемонстрировать свою реакцию.

Анонимность в сети влияет на активность пользователей – приводит к тому, что они чаще, охотнее и более открыто пользуются возможностями сети Интернет. Такая анонимность¹, распространяющаяся в информационном обществе, сближает область культуры с фольклором, поскольку народное творчество изначально предполагает анонимность и своеобразную прецедентность, но без цитатности. Понятно, что каждая поговорка, пословица, присказка, приговорка и т. д., из которых состоит паремический фонд языка, были когда-то использованы впервые и стали такими именно за счет распространения в сфере культуры и цивилизации. Все они были цитатными текстами или высказываниями и лишь позже превратились в прецеденты. Возникает вопрос: имеет ли смысл узкое понимание прецедентности как цитации в условиях информационного общества или же в условиях функционирования обыденного метадискурса? Мы полагаем, что нет, так как в этих сферах использование шаблонных предикативных конструкций имеет целью не напоминание об их авторе или отсылку к истории их появления, а достижение совершенно других коммуникативных или экспрессивных целей, например: подтверждение своих слов или опровержение слов собеседника, усиление значимости своих слов или умаления значимости чужих, словесную

¹ Следует отметить, что степени анонимности в сети могут быть разными: бывает так, что коммуникатор полностью анонимен для аудитории, иногда аудитория знает о нем немного (только сведения, вписанные в профиль, при этом следует учесть, что они могут быть неправдивыми) но, разумеется, может быть и так, что коммуникатор знаком аудитории лично в реальной жизни. В этом случае перенос коммуникации из реального мира в виртуальную сферу не имеет большого значения.

атаку или оборону, обещание или просьбу, выражение эмоций или волеизъявлений и т. п.

Языковая прецедентность и прецедентные высказывания

2.1. Знаковые единицы языка и речи. Прецедентные знаки

Согласно соссюровской лингвoseмиотической концепции, в языковой деятельности (*langage*) выделяются два функционально связанных и взаимозависимых, но принципиально отличных аспекта: язык (*langue*) и речь (*parole*, или, точнее, *discours, discursif* – согласно новой интерпретации концепции ученого [см. Saussure 2002; Просяник 2018: 113–127]). Язык как семиотический код необходимо включает в себя систему знаков и систему моделей порождения речи. Система моделей выполняет конструктивную (операциональную) функцию, в то время как система знаков – функцию кумуляции знаковых средств. Таким образом, язык в совокупности обеих подсистем служит средством речепорождения и речевосприятия. Речь же является использованием потенции языка в ходе экспрессивно-коммуникативной лингвoseмиотической интеракции человека с социальным окружением (а также в ходе интраперсонального упорядочения внутреннего информационного опыта). Фактически это не язык, а речь является средством коммуникации и лингвoseмиотической экспрессии. Речь нельзя сводить только к коммуникации, т. е. установлению межличностной интеракции с целью информационно-семиотического воздействия на другого субъекта. Не менее важной составляющей речи является экспрессия. При этом речевая экспрессия – это не только выражение эмоций (как это обычно понимается), но и выражение других информационных событий воликативного, когнитивного и сенсорного характера (см. подробнее [Лещак, Лещак 2005а]).

Набор языковых знаков составляет лексикон, который объединяет языковые единицы, большинство которых отличается высоким уровнем семантической и формальной синтетичности (т. е. слова). Однако, в лексиконе также наличествуют аналитические номинативные единицы, т. е. устойчивые словосочетания (языковые клише и фразеологизмы) и некоторые предикативные единицы, т. е. единицы, которые семиотически вербализуют не понятия, а суждения или целые агломераты суждений,

формально же они представляют собой предложения, сверхфразовые единицы или тексты. Кроме того, часть неноминативных единиц, вербализующих разного рода допонятийные представления, можно определить как полупредикативные¹. От обычных синтаксических единиц их отличает именно воспроизводимость – конвенциональность (социальная усредненность содержания и согласованность смысла) и высокая степень узнаваемости в речи. Именно такие единицы мы называем *прецедентными высказываниями* (ПВ) и *прецедентными текстами*. Эти единицы составляют существенную теоретическую проблему, поскольку традиционная лексикология отказывается рассматривать их как предмет своего исследования (в силу их предикативности и повышенной ситуативности), а традиционный синтаксис сосредоточен в основном на моделях предложений, сверхфразовых единств или текстов, а данные единицы обычно утрачивают свойство модельности (характерное для единиц речи) и приобретают свойство инвариантности (характерное для единиц языка). При этом, в отличие от прецедентного текста, ПВ довольно сильно связывается с лексической системой языка, чего никак нельзя сказать об обычных речевых высказываниях (предложениях и сверхфразовых единствах), соотносящихся лишь с системой синтаксических моделей речепорождения.

Знаковые единицы языка характеризуются воспроизводимостью (потенциальностью и инвариантностью), в то время как речевые знаки – производимы (актуальны и ситуативны). При этом подавляющее большинство единиц речи характеризуется модельностью, т. к. их производство осуществляется по языковым моделям. Это обстоятельство оказывается ключевым для проблемы квалификации прецедентных высказываний и определения прецедентности как таковой. Немодельные речевые образования – это либо результаты искусственного словотворчества, либо результаты знакообразовательных сбоев – ономаσιологические казусы. И одни, и другие можно определить как окказионализмы, которые потенциально могут превратиться в неологизмы и войти в состав лексикона. Более того, по их образцу могут быть созданы другие единицы, после чего в языке может появиться новая знакопроизводная модель.

К языковым знакам, без всякого сомнения, можно и следует относить слова, языковые клише (фраземы) и фразеологизмы, а к речевым – словоформы, свободные словосочетания, высказывания (предложения

¹ О таких единицах пишет, например, П. Чайковский, определяя их как вербальные экспрессивы [Czajkowski 2019; Czajkowski 2020].

и сверхфразовые единства) и тексты, образуемые по речепроизводным моделям. Как подчеркивает С. Лещак, «Ни словоформы, ни словосочетания, ни предложения или СФЕ, ни, тем более, тексты не являются языковыми знаками. Они не воспроизводятся, а производятся на основе языковых моделей с использованием языковых знаков (в первую очередь, слов)» [С. Лещак 2006: 27].

Каждая словоформа, которую кто-то использует (если это не первое ее использование), когда-то раньше использовалась, а значит, все слова должны считаться прецедентными единицами. Понятно, что все слова раньше использовались и их узнают – они должны быть такими по своему строевому предназначению. Однако слова должны быть воспроизводимыми по определению, это их типологическая черта. Не имеет смысла называть их *прецедентными* единицами. То же самое касается устойчивых словосочетаний – языковых клише или фразеологизмов. Слова, клише и фразеологизмы номинируют понятия, т. е. единицы, предназначение которых – инвариантная парцелляция информационного поля человеческого опыта и социальная петрификация этих знаний. С функциональной и прагматической точек зрения клише и фразеологизмы ничем не отличаются от слов. Их предназначение – номинировать фрагменты картины мира и быть строевыми единицами речевых высказываний. Некоторые лингвисты распространяют понятие прецедентности также на такого рода единицы, предлагая называть их *прецедентами с определенной степенью феноменологичности* [Голубева 2008б].

Номинативные воспроизводимые сверхсловные единицы (используемые отправителями в готовом виде и легко узнаваемые получателями), которые структурно и прагматически представляют собой словосочетание (*фразеологизмы и языковые клише*), исследованы неплохо (см. работы: [Machaš 1967; Кунин 1970; Пермяков 1970; Čermák 1974; Anusiewicz 1978; Vlková 1978; Жуков 1984; Chlebdá 1993; Степанов 1997; Речевые и ментальные стереотипы 1999; С.Лещак 2006 и др.]). Наибольший интерес и наибольшие проблемы вызывают языковые предикаты, т.е. воспроизводимые сверхсловные единицы предикативного характера формально выглядящие как предложение или секвенция предложений (сверхфразовое единство или текст), но при этом являющиеся элементами информационной системы языковых знаков. Именно о такого рода единицах говорят в связи с явлением прецедентности. Воспроизводимость, потенциальность и инвариантность считаются очевидными типологическими признаками слова как языкового знака. Сложнее со сверхсловными единицами. Во многих случаях перед ис-

следователем может возникать дилемма: это целостный воспроизводимый языковой знак или образованная по модели речевая конструкция – клише / фразеологизм или свободное словосочетание, прецедентное высказывание / прецедентный текст или просто высказывание (предложение, СФЕ) / текст.

Обычно речь ведут о т.н. *прецедентных текстах (ПТ)*, имея в виду либо собственно воспроизводимые тексты (реально или потенциально), либо все без исключения единицы, выражающие семантику актуального события и синтаксически оформленные как предложение или связанная последовательность предложений. Мы предлагаем последовательно отличать собственно прецедентные тексты от всех остальных предикативных воспроизводимых единиц, которые предлагаем называть *прецедентными высказываниями (ПВ)*.

Представим сказанное в виде сводной таблицы:

Табл. 2. Единицы языка и речи

Единицы языка	Единицы речи
слово + семантическая модель актуализации / трансформации значения + морфологические модели + фонетические (графические) модели	словоформа
а) слова + семантические модели сочетаемости слов + грамматические синтагматические модели + морфологические модели + фонетические (графические) модели б) фразеологизм / языковое клише + морфологические модели + фонетические (графические) модели	словосочетание
а) слово / слова / фразеологизм / языковое клише + семантические модели сочетаемости слов + синтаксические модели + фонетические (графические) модели б) прецедентное высказывание + морфологические модели + фонетические (графические) модели	высказывание (предложение / СФЕ)
а) слова / фразеологизмы / языковые клише / прецедентные высказывания + семантическая модель события + синтаксическая модель текста + фонетические (графические) модели прецедентный текст (+ синтаксические модели трансформации текста) + фонетические (графические) модели	текст

Как видим, в некоторых случаях порождение идентичных по типу речевых знаков может осуществляться различными способами (при участии различных языковых знаков). Понятно, что словосочетание *встала на колени* может быть образовано на основе слов *вставать, на* и *колени* по модели сочетаемости (глагола физиологического действия и существительного со значением места действия), синтагматической модели предложного управления и морфологической модели образования глагольной словоформы. Однако оно же может быть образовано еще двумя способами – на основе клише *встать на колени* ('принять позицию, опираясь коленями на какую-то поверхность') или на основе фразеологизма *встать на колени* ('сдаться'). Предложение как речевой знак может быть продуктом сложного семантико-синтаксического конструирования множества лексических знаков при помощи множества синтаксических, морфологических и семантических моделей (*Мы все понемногу как-нибудь и чему-нибудь учились* или *Все мы чему-нибудь и как-нибудь понемногу учились*), но можно его образовать, просто озвучив уже наличное в нашем языковом сознании прецедентное высказывание *Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь*. То же касается и текста. Можно его создать, реализовав некоторую когнитивную интенцию по определенному когнитивному сценарию и используя различные модели образования текста. Но можно просто воссоздать (точно или с определенными трансформациями) кем-то уже созданный текст, который мы запомнили или читаем. Во всех случаях воспроизводства уже существующих в памяти сверхсловных знаков в процессе порождения актуального речевого знака (словосочетания, высказывания или текста) сильно упрощается. Поэтому важно понимать, к какой единице словарного запаса (информационной базы языка) отсылает нас та или иная речевая единица. Словоформа обычно отсылает к одному слову (случаи, когда словоформа представляет в речи одного и того же субъекта сразу несколько слов, редки и касаются т. н. игры слов). Словосочетания отсылают нас одновременно к нескольким взаимосвязанным словам. Высказывания же могут отсылать как к отдельному слову (*Светает. Ночь.*), так и к целому ряду слов (*Иван идет по улице*).

Но это все случаи конструирования речевых единиц из языкового лексического материала. Нас же интересуют случаи, обозначенные в вышеприведенной таблице буквой *б*, т.е. образование речевых знаков в ходе воспроизводства сверхсловных языковых знаков. Несмотря на формальное сходство, мы имеем здесь дело с тремя принципиально отличными ситуациями, если исходить из речевой прагматики. Так, словосочетания

в качестве репрезентаций фразеологизмов и языковых клише представляют собой единицы, принципиально тождественные словам по своей речевой прагматике. Они называют предметы и явления, о которых идет речь в предложении, СФЕ или тексте. Описательная номинация объектов, действий, признаков или обстоятельств – совершенно обычная практика. Многие из таких аналитических номинатов запоминаются и используются в качестве единственно возможных номинатов для этих понятий в данном языке (это же понятие в других языках вполне может называться отдельным словом). Таковы русские клише: *цесарево сечение, шведский стол, Южный полюс, легкая атлетика, сложное предложение, Туманность Андромеды, признать виновным, предоставить услуги, вселять надежду, иметь право, бывший в употреблении, с переменным успехом* и под. В семантическом и прагматическом отношении нет принципиальной разницы между словами и клише или фразеологизмами (понимаемыми, конечно, как образные словосочетания).

Совсем иная ситуация складывается с прецедентными текстами, воспроизводство которых представляет собой довольно непростую задачу. Оставим пока за скобками т.н. «условно воспроизводимые» тексты культуры, созданные писателями, учеными, философами, политиками, хозяйственниками, священнослужителями в ходе своей деятельности или просто обычными женщинами и мужчинами в быту (например, тексты писем). Остановимся на собственно воспроизводимых текстах, сохраненных в памяти обычных носителей языка (слова песен и тексты стихотворений и анекдотов, тексты молитв, клятв, присяг и под.). Чтобы хранить такого рода тексты в памяти и воспроизводить их в точности, необходима неплохая механическая память. Если же человек обладает т.н. изобретательной или рассудительной памятью (если использовать терминологию Канта [Кант 1994, 7: 206]), запоминание целых текстов для него может оказаться проблематичным. В таких случаях неминуемо происходят всевозможные трансформации текста – опущения, перестановки, вкрапления, более или менее допустимые замены и под. Поэтому довольно часто прецедентные тексты выполняют роль своеобразного виртуального идеала, который не столько воспроизводят, сколько аллюзийно подразумевают, к которому лишь отсылают через фрагменты, которые представляют собой не что иное, как отдельные предложения. Такие тексты, без сомнения, могут и должны именоваться прецедентными, но сложно считать их в полной мере воспроизводимыми единицами языка, понимаемого в функционально-прагматической методологии как идиолект (все остальные формы языка – говоры, диалекты, сленги,

жаргоны, литературные языки и под. – являются либо функциональными проявлениями конкретных идиолектов, либо научными конструктами). а значит, собственно воспроизводимыми единицами лексикона являются только те единицы, которые мы выше предложили называть прецедентными высказываниями.

Поскольку высказывание может быть не только репрезентацией хранящихся в языковом лексиконе готовых фраз, но и репрезентацией актуального речевого мышления, созданной из отдельных номинативных единиц по синтаксическим моделям, теоретически можно предположить, что такого рода единицы могут восприниматься как омонимические (хотя обычно фразы, представляющие ПВ, сразу же распознаются и не смешиваются с обычными высказываниями, созданными ситуативно по случаю). Омонимия обычного и прецедентного высказывания возможна либо как случайный ономазиологический казус (в примере – *Никуда не уходи! – а куда я уйду?* – слушающий воспринял фразу как обычную прескрипцию, а не как прецедент, который используется как ироническое замечание в адрес собеседника в ситуации, когда уйти просто невозможно), либо как нарочитая языковая игра: – *Добрый день! – Не уверен.* Игра с «нераспознаванием» прецедентов довольно часто становится средством создания комического эффекта в анекдотах: – *Изя дома? – Нет. а что ему передать? – Передайте ему сто рублей; – Рабинович, почему Вы покрасили корабль только с одной стороны? – А в договоре как написано? Рабинович – с одной стороны, Речфлот – с другой стороны.* Однако подобного рода коммуникативный конфликт возможен также в случае, когда адресат не обладает такой прецедентной единицей и не распознает ее, ошибочно приписывая высказанную мысль ситуативно самому говорящему. Это свидетельствует лишь о том, что данный носитель языка не является одновременно носителем данной культуры или субкультуры, к которой принадлежит данное прецедентное высказывание. В остальных случаях использование «чужих» или же «готовых мыслей» в речи необходимо предполагает их узнаваемость.

Подытоживая анализ представленной выше таблицы соотношения языковых и речевых единиц, можно сказать, что для образования всех без исключения речевых единиц нужны, кроме собственно грамматических и фонетических моделей соответствующего уровня, также семантические модели. Особенно важны они в случаях варьирования семантикой и прагматикой прецедентных единиц, поскольку в основе их семантики лежат не понятия, а суждения или, реже, эмоционально-волевые представления, всегда требующие функциональной актуали-

зации. В случае прецедентных высказываний это обстоятельство создает существенные проблемы, т.к. не всегда легко размежевать или отождествить структурно и лексически идентичные, но прагматически и по смыслу отличающиеся высказывания.

Почему же ПВ качественно отличаются от языковых клише и фразеологизмов, которые некоторые исследователи пытаются включить в перечень прецедентных единиц? ПВ обычно вербализуют суждения, а суждение – это функция актуального мышления. В потоке сознания они возникают и исчезают почти мгновенно. Немногие из них сохраняются в памяти. Для этого мысль должна стать по какой-то причине значимой, а значит должна возникнуть в сознании неоднократно и шаблонизироваться. Но и в этом случае шаблонная мысль – это еще не прецедентное высказывание. Ее можно вербализовать по-разному, особенно если это эмоциональное или волитивное суждение, не обладающее выразительной понятийной структурой. Лишь когда в языковом сознании сохраняется в качестве воспроизводимой семиотической единицы сочленение шаблонизированного содержания (смысла) и хотя бы частично воспроизводимой формы, можно говорить о возникновении ПВ. Суть проблемы сводится к принципиальному разграничению явлений номинации (номинативности) и предикации (предикативности) как ключевых семиотических функций, реализуемых языковыми единицами в ходе речевой деятельности.

Понятия создаются изначально в ходе аналитического разрушения суждений. Их задача – сохранять знания. Цель же самих суждений – мышление, т. е. порождение знания и реализация способности вести разумную деятельность в изменчивых жизненных ситуациях. На первый взгляд может показаться, что предикация возникает в результате развертывания номинатов. Это верно лишь отчасти. Разворачивание понятия в суждении относится только к суждениям, которые Кант в свое время назвал *аналитическими*, т. е. не вносящими в понятия ничего такого, что там ранее не содержалось. В синтетических же суждениях разворачивание понятий полностью подчинено процедуре создания новой пропозиции². Следует задать иной вопрос: как становится возможным разворачивание понятия в суждение? Это возможно лишь в том случае, если

² «Первые можно было бы назвать поясняющими, а вторые – расширяющими суждениями, так как первые через свой предикат ничего не добавляют к понятию субъекта, а только делят его путем расчленения на подчиненные ему понятия, которые уже мыслились в нем (хотя и смутно), между тем как синтетические

данное понятие ранее было суждением или целым рядом суждений, т. е. если сама процедура появления понятия есть свертывание суждений. Сказанное вполне согласуется с эмпирическим пониманием языковой эволюции (представленном, например, в известном соссюрсовском положении, что в языке нет ничего, чего ранее не было бы в речи). Таким образом, номинация в эволюционном плане может и должна рассматриваться как свернутая полупредикация, а эта последняя – как свернутая предикация. В языке (и памяти) не происходит ничего – это статичные информационные функции опыта. Все процессы происходят исключительно в речи. Именно поэтому Соссюр связывал темпоральное свойство идиосинхронии (системности) с языком, а диахронии – с речью, т.е. с протяженными во времени единицами (*identités transversales*) [Saussure 2002: 21]. По мнению одного из основоположников российской ономазиологии И. С. Торопцева всякому словопроизводному акту (акту лексической номинации) всегда предшествует акт номинации синтаксической (описательное наименование объекта в речи – явный или скрытый) [Торопцев 1980], а этот последний может возникнуть исключительно в ходе речевого предикирования.

Сущность знаков как заменителей внесемиотической информации заключается именно в том, какого рода информационные функции они означивают. Проблема семиотической сущности лингвальных знаков является, таким образом, одной из важнейших проблем в языкознании. По выполняемой ими семиотической функции все лингвальные знаки – и языковые, и речевые – можно разделить на две группы: номинативные и предикативные (или полупредикативные). Первые вербализуют понятия как статичные фрагменты картины мира, вторые призваны вербализовать суждения и другие формы мыслительных динамических состояний (например, представления).

С. Лещак понимает термины *номинативный знак* и *номинат* следующим образом: «Термины номинативный знак и номинат (...) используются как взаимозаменяемые синонимы и означают лексическую единицу непредикативного характера, т.е. такую, главная функция которой называть, очерчивать определенный участок картины мира, а не выражать суждение по его поводу» [С. Лещак 2006: 6], номинация же как «процедура лексического называния», по ее мнению, «может осуществляться как с целью пополнения лексического состава (образования новых единиц

суждения присоединяют к понятию субъекта предикат, который вовсе не мыслился в нем и никаким расчленением не мог бы быть извлечен из него» [Кант 1994, 46–47].

языка), так и с целью презентации уже ранее номинированных участков картины мира в речи (т.е. может быть как языковой, так и речевой)» [там же: 23]. Совсем иное дело предикация: «Предикация – это выражение языковыми средствами мыслительных и эмоциональных интенций, представляющее объект мысли или эмоции в форме события» [там же: 25]. Различие между номинативными и предикативными знаками состоит в том, что «первые называют участок картины мира, вторые – выражают мнения, суждения, отношения к этим участкам, представления их в виде событий, проходящих во времени и пространстве» [Лещак, Лещак 2005а: 73]. В ходе предикации мы должны выйти за пределы одного понятия и представить информацию как событийно-модальное объединение нескольких понятий по принципу рема-тематического соположения (в таких случаях часто говорят о пропозиции). Так, например, Г. В. Колшанский в рамках категории номинации наряду с лексической (слова и словосочетания) и дискурсивной (тексты) выделял еще третью разновидность – пропозитивную, в которой вербализация смысла осуществляется при помощи предложений [Колшанский 1977: 121]. В классической схеме пропозиции это соположение тематического понятия о каком-то субъекте действия и рематического понятия о действии, которое он совершил или которое с ним происходит. Следовательно, всякая вербальная единица, в которой заключена мысль о событии, будет считаться предикативной единицей (мысль о событии при этом не тождественна понятию о событии): слово *встреча* называет некое событие и является языковой номинативной единицей, словосочетание *приятная встреча* – номинирует актуализированное понятие встречи, обогащенное новой информацией о приятности этого события, т.е. фактически является полупредикатом, т.к. содержит в себе свернутую пропозицию ‘встреча приятна’, в то время как предложение *Приятная встреча* является единицей собственно предикативной, поскольку сообщает факт события. Это происходит даже тогда, когда данное сочетание входит в состав сложного предложения: *Я вновь повстречался с Надеждой – приятная встреча* (Б. Окуджава).

К номинатам, таким образом, можно отнести не только слова, клише и фразеологизмы (языковые номинаты), но и словоформы и свободные словосочетания (т.н. речевые номинаты, которые одновременно можно трактовать как полупредикаты), к предикативным же знакам – высказывания (предложения и сверхфразовые единства) и тексты (причем как созданные в речи по языковым моделям, так и воссозданные из языковой памяти, т.е. прецедентные).

Как видим, семиотическая дистрибуция не совпадает с онтологической (представленной на табл. 2). Языковые знаки могут носить как номинативный (слова, клише, фразеологизмы), так и предикативный (прецедентные высказывания и тексты) характер. Точно так же среди речевых знаков можно найти как предикативные (высказывания и тексты), так и номинативные (словоформы и словосочетания)³.

Табл. 3. Номинация и предикация

Языковая вербализация		Речевая вербализация	
Лексическая номинация	Прецедентность (лексическая предикация)	Синтаксическая номинация (полу-предикация)	Предикация
Языковые номинаты: слова, фразеологизмы, клише	Прецеденты: прецедентные высказывания и прецедентные тексты	Речевые номинаты: словоформы и словосочетания	Речевые предикативные знаки: грамматические центры, предложения, СФЕ и тексты

Объектом нашего исследования являются только высказывания как единицы предикативного характера. И, поскольку это не единственные предикативные единицы, в первую очередь, нужно отделить их от текстов и микротекстов. Различие между высказыванием и текстом на количественных основаниях можно провести весьма условно. Тексты могут иногда сводиться к отдельным высказываниям (одностишья, вроде *Скажи отцу, чтоб впредь предохранялся* или авторские афоризмы и сентенции, выполняющие в культуре роль самостоятельных произведений, знаков культуры). Трудно, однако, найти текст, который состоял бы из высказывания в одну словоформу или в одно словосочетание. Насколько нам известно, рекорд по лаконичности прозаического текста принадлежит Э.Хемингуэю, который когда-то на спор написал новеллу, состоящую из одного высказывания в 6 словоформ: *For sale: baby shoes, never worn*. Большинство подражаний Хемингуэю все же напомина-

³ Эти последние можно также считать полупредикативными, поскольку в них зачастую происходит не только собственно название некоторого участка картины мира, но и выражение актуального смысла со свернутой предикативностью; см.: [Лещак 2020].

ет либо афоризмы, либо одностишья. Но пока еще никому не удалось свести текст к одной словоформе. Следовательно, когда мы говорим о тексте, следует выйти за пределы семантико-грамматического уровня на уровень прагматический и задать себе вопрос, как обе эти единицы функционируют в языковой культуре. Тексты, в первую очередь, служат семиотическим планом выражения произведений как самостоятельных знаков культуры. Конституция, межгосударственный договор, роман, поэма, научная статья, философский трактат, административный документ – все это текстовые произведения культуры. Каждое из них обладает своим текстом. Но каждое из них можно перевести на десятки и сотни языков мира. Произведение как культурный знак не утратит своей самодостовенности, однако оно будет существовать в виде десятков и сотен вариативных текстов. В этом смысле нет различия, состоит ли текст из одной предикативной речевой единицы или из нескольких – и в одном, и в другом случае тексты являются текстами произведений.

В отличие от текстов, как от целостных и автономных единиц речи, микротексты, сверхфразовые единства (СФЕ) и единичные высказывания не являются самостоятельными единицами языковой культуры и всегда функционируют как составные более крупных единиц – текстов или диалогов как дискурсивных структур.

Для нашей работы особо важно сосредоточиться на том, как становится возможным появление языковых предикативных единиц – языковых прецедентов, представляющих собой совмещение признаков лексических единиц – воспроизводимости / узнаваемости (иногда также инвариантности) и предикативности. Языковая деятельность (как единство языка и речи), или иначе – языковой опыт, выполняет две принципиально различные функции: регулятивную и координативную. Согласно первой функции языковая деятельность должна способствовать согласованию информационных отношений между людьми, а это возможно только в том случае, если знаки языка конвенциональны (согласованы с другими членами языкового сообщества) и воспроизводимы (что существенно экономит время и усилия в информационной интеракции); а речь – модельна (семантически и структурно регулярна) и предсказуема (можно к ней применить механизмы вероятностного прогнозирования). Именно конвенциональность и узнаваемость становятся основанием всякой прецедентности – как на уровне высказываний, так и на уровне текстов. Стоит подчеркнуть, что в методологическом плане оба фактора воспроизводимости вербальных единиц (конвенциональность и узнаваемость)

должны квалифицироваться как функциональная информация, поскольку относятся к семантике и форме знаков языка и речи.

Учитывая же антропоцентрическую двойственность понятия отношения в функциональном прагматизме, нельзя игнорировать еще одно важное обстоятельство, не только имеющее прямое отношение к явлению прецедентности, но и играющее в его существовании ключевую роль. Речь идет о прагматике или значимости языковых и речевых единиц. Знак как целое – содержание и выражение – легитимизируется субъектом: что прагматически значимо для субъекта как семиотический заменитель информации – то и есть знак. В случае номинативных единиц языка (особенно слов) и речи (прежде всего словоформ) прагматическая значимость не столь очевидна и заметна. Ее роль существенно возрастает у языковых клише и, особенно, фразеологизмов, поскольку эти последние выполняют роль коннотативной оценки при вторичном номинировании некоторых фрагментов картины мира. а значит, во фразеологизмах не столько важно, что именно они номинируют, сколько то, зачем и как это делается. Еще более значимой прагматика речевого поведения оказывается в случае закрепления свойств воспроизводимости (конвенциональности и узнаваемости) за отдельным высказыванием или целым текстом, которые в нормальной речевой ситуации существуют только в момент их создания (порождения отправителем) или восприятия (сопровождения реципиентом). Таким образом, воспроизводимость как залог прецедентности всецело лежит в области прагматической значимости единицы для языкового субъекта.

Термин *прецедентное высказывание* требует терминологической и концептуальной конкретизации. Прежде всего, следует обсудить сущность ПВ как собственно высказывания.

Высказывание является минимальной самостоятельной (функционально значимой) предикативной единицей речи. Обычно в традиционном русском языкознании такую роль выполняет предложение. Термин *высказывание* относится к функциональному языкознанию и иногда бывает так, что ученые проводят довольно четкое отличие между *высказыванием* и *предложением*. Данные термины в языкознании не имеют единого определения: иногда исследователи под *предложением* понимают языковую синтаксическую модель предикации, а под *высказыванием* – речевую единицу, построенную по этой модели: «Предложение как единицу языка следует четко отграничивать от его речевого употребления – высказывания» [Морозова 2013: 192]. Бывают и другие подходы к термину *предложение*: «Одни лингвисты понимают предложение как

единицу речи (Ф. де Соссюр, А. А. Шахматов, А. Гардинер, В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, Д. Рис, В. Н. Ярцева). Другие полагают, что термин предложение служит названием и единиц речи, и единиц языка (П. С. Кузнецов, Т. П. Ломтев, Ю. С. Маслов, В. Г. Адмони, И. В. Артюшков, В. В. Бабайцева, Г. В. Валимова, И. П. Распопов)» [там же: 191].

Мы придерживаемся понимания, согласно которому *высказываниями* следует называть любые предикативные единицы нетекстового характера, т. е. единицы, обладающие формой предложения или сверхфразового единства (СФЕ можно понимать как речевую единицу, состоящую из нескольких объединяющихся по смыслу предложений). Подавляющее большинство ПВ с формально-грамматической точки зрения – это предложения. Однако иногда среди них встречаются и структуры, состоящие из нескольких связанных между собой прагматически и функционально предложений, т. е. фактически – СФЕ. Таковы, например, т.н. прецедентные диалоги (*– Как дела? – Как сажа бела! – Кто? – Конь в пальто или – Что вы имеете в виду? – Что имею – то и введу*), о которых речь пойдет дальше. Впрочем, сверхфразовое единство может выполнять как функцию прецедентного текста (фрагмент песни), так и функцию единичного ПВ.

Для понимания сущности и роли прецедентных высказываний в их дискурсивном использовании отдельно стоит остановиться на двух вопросах: установлении сущности явления прецедентности как лингвосомиотической знаковой функции и на анализе факторов и этапов становления воспроизводимого предикативного языкового знака, т.е. на генезисе прецедентности.

2.2. Сущность прецедентных функций, их характеристики и структурные типы

Прецедентность стала настолько существенным вопросом в науке, что ученые решили выделить отдельную категорию – категорию прецедентности, в рамках которой сформировалась теория прецедентных феноменов [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997], что в настоящее время воспринимается как определенный этап в исследовании прецедентности. Согласно представленной этой группой концепции, прецедентные феномены – это основные элементы когнитивной базы, понимаемой как совокупность

знаний и представлений всех пользователей данного языка. Для определения понятия «прецедентный феномен» была использована дефиниция прецедентного текста Караулова. *Прецедентными* авторы концепции считают не только тексты (как Караулов), но все «феномены», «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2007: 216; Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 82]. Отсюда и вывод, что прецедентные феномены (ПФ) как элементы когнитивной базы сознания и языка являются формой выражения особенностей культуры, что заключается в том, что они чаще всего присущи только определенной этнокультуре (или некоей субкультуре). В рамках данной концепции выделяются четыре основных ПФ: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя и прецедентная ситуация.

Термин *прецедентные феномены* использует и М. Золотарев, который понимает под ним «(...) целостные единицы коммуникации, объективирующиеся в речи через апелляцию к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью как для отдельно взятой языковой личности, так и для всего лингвокультурного сообщества в целом» [Золотарев 2016: 42–43], и далее – «(...) в самом широком смысле прецедентный феномен есть шаблон, который используют носители языка для описания ситуаций действительности. Данная идея (...) тесным образом связана с понятием стереотипности языкового поведения, тенденции людей не придумывать что-либо новое, но использовать уже готовые обороты и клише» [там же: 26]. Не сложно догадаться, что речь идет здесь не столько о каких-то конкретных единицах, сколько о самом явлении прецедентности как культурной функции.

В ходе дискуссии «Феномен прецедентности и прецедентные феномены», которая состоялась в ИЯ РАН 28.01.1998 года Ю. А. Сорокин, Д. Б. Гудков, В. В. Красных и Н.П. Вольская [1998] выделили следующие черты прецедентных феноменов:

- 1) фактуальность;
- 2) повторяемость;
- 3) маркированность, т.е. релевантность (сильная или слабая);
- 4) (от)рефлексированность (сильная или слабая);
- 5) клишированность (сильная или слабая), подразумевающая пространственно-временной анализ конструкции;

- 6) свернутость ассоциативной цепочки;
- 7) шкальность оценок.

По нашему мнению, иерархия этих черт не совсем точна. Как верно подметила В. Красных в ходе дискуссии, «С этой точки зрения слово тоже можно рассматривать как ПФ. Давайте возьмем слово как феномен. Слово – это факт? В широком понимании – факт. Повторяется? Повторяется. Маркировано? Может быть маркировано, а может быть и нет. Поддается рефлексии? Что в данном случае может подаваться рефлексии? Словоупотребление? Или значение? Или еще что-то? Это получается очень широкое определение. Оно подходит практически для любого феномена, существующего в языке. Но нам надо отграничить собственно ПФ от феноменов непрецедентных» [там же: 7]. Только после того, как речь пошла о клишированности, т.е. закреплении в памяти определенной пространственно-временной последовательности единиц или действий, появилась возможность отделить синтетические номинативные знаки (прежде всего слова) от аналитических (в т.ч. и от прецедентных высказываний или текстов, если их понимать как аналитические речевые конструкции).

Проблематичны, однако, однословные прецедентные высказывания, вроде фатических (*Превед! Аюшки? Покедова!*) или экспрессивно-эмоциональных (*Опаньки! Приехали!*). Их т.н. «клишированность» неочевидна (сродни «клишированности» слов или отдельных словоформ). В некотором смысле спасает прагматическая по своей сущности «свернутость ассоциативной цепочки», но и она не отделяет прецедентные единицы от обычных словесных культурных знаков, иногда называемых *прецедентными именами*. Маркированность и свернутость ассоциаций у прецедентного имени *Павка Корчагин* ничуть не больше, чем у апеллятивных по своей сущности культурных знаков *березка, самовар, матрешка* или *водка*. Впрочем, на помощь в таких случаях может прийти наличие т.н. изначального факта привязанности к тексту-источнику у *Павки Корчагина* и отсутствие его у апеллятивов. Однако у множества онимов, выполняющих роль культурного знака, когнитивная фактуальность не столь однозначна. Речь о множественных мифонимах, демононимах, теонимах, вымышленных топонимах и под. Культурная значимость и прецедентность – это две совершенно различные лингвосомиотические функции, которые могут коррелировать между собой, но могут и не быть связаны.

Момент существенной важности клишированности именно в речевом (диахроническом, если использовать терминологию Соссюра) плане

отметил Д. Гудков: «(...) то, что классифицируется нами как прецеденты, не потому что за ними стоит образ, а потому что это определенная жестко заданная последовательность. Последовательность развертывания текста, развертывания диалога, построения высказывания. Когда я начал, я должен продолжать только так, а не иначе» [там же: 9]. Заметим, Гудков не упоминает ни устойчивых словосочетаний, чья «жестко заданная последовательность» полностью зависит от единства их понятийного значения, ни, тем более, слов, «жестко заданная последовательность» формы которых гарантируется словопроизводственными моделями, по которым они были образованы. Гораздо сложнее дело обстоит именно с предикативными конструкциями, аналитизм большинства которых относится и к их форме, и к их содержанию. Но и в этом случае сложно увидеть такой аналитизм в односложных предложениях, которые мы воспроизводим в некоторых прецедентных ситуациях. Нельзя исключить, что «последовательность развертывания», о которой говорит Гудков – «Когда я начал, я должен продолжать только так, а не иначе», – должна быть, во-первых, расширена на контекст речевой прецедентной ситуации («Когда кто-то или что-то меня спровоцировало, я должен продолжать только так, а не иначе»), а во-вторых, включена в общую идею предикативности и пропозитивности речи. Каждая функционально самостоятельная единица речи – высказывание – предикативна (или полупредикативна) по определению, поскольку всегда имплицитно несет некоторую развертываемую событийность. Ответы *Да* или *Нет* в качестве высказываний всегда с семантической точки зрения внутренне аналитичны ('я согласен с этим', 'я не согласен с этим', 'я это сделаю', 'я этого не сделаю' и под.). Но кроме этого они аналитичны и внешне, т.к. являются ответами на предшествовавший или предполагаемый вопрос. Следовательно, одной из ключевых типологических черт прецедентных единиц является их полная или частичная предикативность.

С. Н. Должикова ищет основания прецедентности в культуре, выделяя четыре основные черты прецедентных феноменов:

- 1) известность всем представителям национально-лингво-культурного сообщества;
- 2) актуальность в когнитивном и эмоциональном плане;
- 3) возобновляемость в национально-лингво-культурном сообществе;
- 4) не обязательно имеют языковое выражение [Должикова 2011].

Первое условие невыполнимо, как невыполнимо в языке любое требование, содержащее квантификатор *все*. Второе крайне неясно, т.к. неактуальные в прагматическом (а значит, и эмоциональном), семанти-

ческом (а значит, и в когнитивном) или формальном плане единицы просто уходят из употребления и исчезают. Возобновляемость – не самый удачный термин, так как возобновиться может что-то потерянное, утраченное, уничтоженное, а прецедентные единицы просто существуют в памяти носителей языка наряду с другими лексическими единицами. Если бы «актуальность в когнитивном плане» понималась онтологически, а не социологически, с этим вполне можно было бы согласиться: действительно прецедентная единица по сути своей должна быть некоей актуальной пропозицией или актуальным предикативным отношением. Но автор имеет в виду просто актуальное знание единицы носителями данного менталитета. Понятно также, что последнее положение, хотя и верно, явно излишне, поскольку обсуждается не языковая прецедентность, а прецедентность как таковая. Прецедентными могут быть изображения, звуки музыки, жесты и под. семиотические проявления. Более того, прецедентными могут быть и когнитивные функции (концепты, понятия, образы, суждения, максимы).

Согласно Золотареву, к главным признакам прецедентных феноменов следует относить «1. референциальность: способность прецедентных феноменов осуществлять отсылку на первоисточник (отметим, что степень осведомленности носителей языка о первоисточнике в каждом конкретном контексте общения может варьироваться); 2. наличие ценностной составляющей: прецедентный феномен должен выражать определенную (положительную или негативную) ценность, что может проявляться в коннотативной окрашенности языковой единицы, объективизирующей концепт прецедентного феномена; 3. эталонность: способность прецедентных феноменов выступать неким эталоном/шаблоном для факта или явления действительности; 4. семиотический способ существования: возможность прецедентных феноменов выступать в качестве целостной единицы обозначения. к дополнительным признакам/свойствам прецедентных феноменов (которые не всегда могут проявляться в контексте) относим: 1. широкую распространенность и общеизвестность; 2. клишированность; 3. возобновляемость и повторяемость; 4. метафоричность; 5. имплицитность значения; 6. реинтерпретируемость; 7. хронотопическую маркированность; 8. способность выражать определенные отношения между двумя различными текстами; 9. включенность в систему ценностей определенной группы; 10. способность репрезентировать культурный артефакт» [Золотарев 2016: 44].

Рассмотрим это предложение. Сначала четыре базовых свойства. Возможно, такое свойство, как референциальность, и работает при преце-

дентных текстах, но сложно ожидать от носителя языка, чтобы он всякий раз употребляя услышанное от кого-то прецедентное высказывание знал и помнил первоисточник (его первоисточником может оказаться тот, от кого он впервые это услышал, кроме того многие цитаты, крылатые выражения, афоризмы, сентенции, народные мудрости и подобные воспроизводимые высказывания, вроде *Дважды два четыре* или *Угол падения равен углу отражения* несомненно кем-то были когда-то впервые произнесены, но кто это был совершенно не важно для того, чтобы считать эти формулировки прецедентными). Довольно слабым аргументом является и ценностная составляющая. Если ли хотя бы одно слово или устойчивое словосочетание, которое не имеет для человека никакой ценности? Что касается эталонности, то этим свойством обладает каждая языковая единица или каждая инвариантная когнитивная единица (вроде понятия), т.к. именно благодаря им как эталонам мы можем мыслить, порождать и понимать речь в конкретных жизненных ситуациях. Что касается семиотического способа существования, то здесь наблюдается ситуация, противоположная той, которую мы рассматривали ранее, обсуждая четвертое положение списка Должиковой. Если Золотарев настаивает, что ПФ необходимо должен обладать семиотической формой, следовало написать, что предлагается набор типологических черт семиотических прецедентных феноменов. Возможно, проблема заключается в самом слове *феномен*, которое провоцирует субстанциально-вещественное понимание его референта (впрочем, совершенно согласно философскому пониманию этого термина). Именно поэтому, независимо от того, соглашаемся ли мы с предложенными выше положениями относительно прецедентных явлений и сущностей или нет, мы предпочитаем вместо слова *феномен* употреблять более приемлемое для функционально-прагматической лингвистики слово *функция*. Сложно понять, что собой представляет феномен (или явление) – реальный физический предмет или просто объект эмпирического опыта, а может быть, это некая психологическая или метафизическая субстанция, в то время как термин *функция* подчеркивает реляционное понимание его референта как определенного деятельного отношения. Функция – это всегда информация, а поскольку мы говорим о высказываниях и текстах, а также об их свойствах, то, понятно, гораздо точнее говорить о них как о функциях нашего языкового опыта или нашей речевой деятельности, чем о феноменах. В этом случае станет понятно, что прецедентными могут быть, например, некие установки и предписания, называемые иногда *максимами* или *принципами*, которые необязательно обладают одной общепринятой языковой формой.

Человек здоровается и прощается с другими людьми, извиняется или благодарит вовсе не потому, что в его лексиконе есть соответствующие языковые формулы, а потому что воспитан, т.е. обладает моральными принципами, которые весьма условно можно выразить высказываниями «Следует / нужно / надо / стоит / можно здороваться с людьми / приветствовать людей, когда с ними встречаешься / когда к ним обращаешься / когда хочешь обратить на себя внимание». Скорее всего, эта максима не имеет в сознании каждого человека, который ею обладает, вербального выражения, тем не менее, то, что люди так поступают, свидетельствует о ее наличии. То же касается сотен и тысяч других максим, которыми мы руководствуемся в повседневной жизни, совершая те или иные поступки – предметно-манипулятивные, социально-этические, рационально-познавательные, ритуальные. Эстетические и, конечно же, семиотические и речевые. Почему бы не считать такого рода максимы когнитивными прецедентами, которые могут проявляться семиотически, но вовсе не обязательно обладают «семиотическим способом существования». Из остальных свойств, которые Золотарев отнес к дополнительным, особого внимания заслуживала бы повторяемость, но только при условии, что к базовым чертам была бы отнесена предикативность или пропозиитивность.

М. В. Золотарев попытался сопоставить различные подходы к выделению и описанию функции (феномена) прецедентности. По его мнению, в настоящее время в языкознании выделяют три подхода к феномену (или функции) прецедентности.

Первый подход – когнитивный – трактует т. н. прецедентные феномены как ментальные единицы и относит их к положениям теории языковой личности (Караулов, Гудков, Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Костомаров, Бурвикова, Е. А. Нахимова, Голубева, В. Л. Латышева, В. И. Макаров, Н. В. Петрова).

Второй подход основывается на лингвокультурологии и рассматривает ПФ как репрезентанты артефактов (т. е. результатов человеческой культуры) (С. Л. Кушнерук, Е. Ю. Попова, Прохоров, Слышкин, Л. И. Гришаева).

И, наконец, согласно третьему подходу, ПФ – это материализованные знаки интертекстуальности (Супрун, Г. Д. Распаева, Н. В. Иноземцева, Н. А. Кузьмина, А. Д. Васильев, И. И. Яценко, А. А. Евтюгина, С. С. Чистова) [там же: 15].

При этом исследователь совершенно справедливо заметил, что «некоторые признаки прецедентности были выделены в рамках сразу несколь-

ких подходов. По нашему мнению, это отражает тот факт, что многие исследователи использовали различные подходы, чтобы описать явление языковой прецедентности комплексно. Обычно это было совмещение двух (редко трех) подходов» [там же: 35].

Среди выделенных исследователем различных критериев и черт стоит отметить еще две: хронотопическую маркированность (т.е. фиксированную принадлежность определенной эпохе и культуре, которую мы дополнили бы сравнительно четкой дискурсивной принадлежностью) и инвариантность (что позволяет отнести речевые (актуальные) по своей природе прецеденты к языковым единицам) [там же: 34–35]. Социально-культурный аспект ПТ был отмечен уже Карауловым в его классической дефиниции: «знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [Караулов 2007: 216]. Понятно, что в отличие от основного лексико-номинативного фонда или информационной базы языка (состоящей, прежде всего, из слов и клише), фонд прецедентов сильно варьирует в зависимости от эпохи и культуры. Но не стоит забывать, что столь же вариативной частью является фонд фразеологизмов и концептуализированных слов (которые не относят к прецедентным единицам). Кроме этого, многие явно прецедентные единицы (например, молитва «Отче наш» или латинские сентенции) в разных языковых версиях функционировали одновременно в разных культурах в разные эпохи и продолжают функционировать сейчас. Существует т.н. межкультурный прецедентный фонд. Как нам кажется, гораздо более важным критерием социализации прецедентных функций является их дискурсивная распространенность, на чем мы остановимся позже.

И. Высоцкая расширяет категорию прецедентности на целый ряд частных семиотических функций: «прецедентная дата», «прецедентный знак» (имеется в виду графический символ), «прецедентное изображение», «прецедентное звучание», «прецедентный образ», а также на чисто модельные функции – «прецедентное событие», «прецедентный стиль» или «прецедентный жанр» [Высоцкая 2013: 119–120].

Подытожить сказанное можно в виде сводной таблицы прецедентных функций:

Табл. 4. Прецедентные функции (феномены) когнитивного и семиотического плана

Когнитивные	Семиотические	
	неязыковые	языковые
прецедентное событие / прецедентная ситуация прецедентный мир прецедентный образ прецедентная дата	прецедентный жанр прецедентный стиль прецедентный знак прецедентное изображение прецедентное звучание	прецедентный текст прецедентное высказывание прецедентное название / имя (в т. ч. оним)

Классификация прецедентных функций на две большие категории: вербальные и невербальные – сейчас стала уже общепризнанной [Захаренко 1997: 107, Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 93]. Нас интересует, прежде всего, первая их разновидность. Вербальная прецедентность в публичной сфере сегодня реализуется в газетных и журнальных статьях (в первую очередь в заголовках), на телевидении и в радио (например, в названиях передач и их анонсах). Самые разнообразные виды вербальных ПФ: от прямых цитат до довольно тонких аллюзий активно используются в рекламе. В науке и философии функционируют свои прецедентные тексты и высказывания. Эпоха постмодернизма сделала прецедентность одним из отличительных знаков литературы и искусства в целом (здесь все чаще появляются явные и скрытые цитаты, реминисценции, пастиш, иногда новые тексты возникают «поверх» старых).

Однако следует отметить, что прецедентность не является свойством исключительно вербальных или невербальных знаков. Прецедентными могут быть также жизненные события и ситуации (естественно в виде воспоминаний о них, хранящихся в картине мира в виде когнитивных или ментальных пространств), значимые суждения (максимы) и понятия (идеалы, концепты). Понятно, что знаковая форма существенно усиливает возможности мнемонизации всех этих единиц. Но все же гораздо чаще прецедентными становятся именно речевые знаки: тексты и высказывания (или их фрагменты).

Поэтому сосредоточим свое внимание на сущностном различии прецедентных текстов (ПТ) и прецедентных высказываний (ПВ).

Основной и самой изученной прецедентной функцией (феноменом) на сегодняшний день считается прецедентный текст. В реферируемой когнитивной теории прецедентных феноменов под *прецедентным текстом*

понимается: «(...) законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества (...)» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 83–84]. Для того, чтобы быть хорошо знакомым «любому среднему члену национально-культурного сообщества», прецедентным текстом должен считаться текст песни, анекдота, рекламы, известного произведения художественной, публицистической или религиозной литературы, т.е. прежде всего тексты, общедоступные в публичном метадискурсе. Если сделать этой логике, из прецедентных текстов придется исключить произведения, известные ограниченному кругу субъектов научного, философского, экономического, политического или эстетического макродискурсов, и вынести само понятие прецедентного текста в метадискурсивную область (о чем мы поговорим ниже). Если принять дискурсивный фокус видения прецедентности, можно будет сказать, что широта социализации не является типологической чертой ПТ. Свои прецедентные тексты могут быть у священнослужителей определенной конфессии, свои – у театральных актеров, свои – у юристов, свои – у литературоведов или химиков, свои – у учителей математики, свои – у политиков-консерваторов, свои – у детей дошкольного возраста и их мам. Одни ПТ функционируют на уровне отдельных дискурсов, иные – на уровне макродискурсов, еще другие – на уровне метадискурсов.

Обратим внимание на формальные признаки ПТ. Уже Ю. Караулов подчеркивал, что прецедентный текст – это «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности» [Караулов 2007: 216], что повторили и представители когнитивной концепции. Однако, на наш взгляд, определение *законченный* может быть проблематичным, т. к. не совсем понятно, о какого рода законченности идет речь. С точки зрения функционально-прагматической методологии с таким определением можно было бы согласиться, если бы под «законченностью» понималась культурная самодостаточность в оценке носителя языка. Есть масса запечатленных в письменной форме или в аудиозаписи текстов, которые функционируют в метадискурсивной среде только в отрывках, или же функционируют параллельно и в полной версии, и в отрывке (например, многострофовые тексты песен и стихов, которые, в зависимости от традиции и мнемонических способностей человека могут функционировать в сокращенной версии), наконец есть воспроизводимые тексты, которые функционируют в параллельных вариативных формах (классический

пример – романс «Гори, гори, моя звезда», исполняемый в десятках вариаций). в отличие от пословиц, афоризмов, сентенций и прочих прецедентных высказываний прецедентный текст «редко вводится в дискурс целиком, а главным образом вербализуется семиотически (пересказом, фрагментом или намеком)» [Джанаева 2006: 91]. Если считать, что отрывок прецедентного текста и его полная версия – это два разных, по-своему «законченных» текста, – тогда можно сказать, что данная дефиниция является рабочей.

Г. Слышкин дает довольно обширную дефиницию прецедентного текста, под которым понимается «любая характеризующая цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы. Прецедентным может быть текст любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса. Прецедентный текст может включать в себя помимо вербального компонента изображение или видеоряд (плакат, комикс, фильм)» [Слышкин 2000: 29]. С этим вполне можно согласиться, если под культурной группой будем понимать каждую, а не только этнокультурную группу (например, социокультурные группы и дискурсивные группы). Можно согласиться и с включением в область ПТ также видео- и аудиоряда невербальных произведений, хотя удобнее было бы им дать свои терминологические определения. Сложнее согласиться с превращением термина *прецедентный текст* в гипероним для всех прецедентных функций. Прецедентные тексты как «характеризующая цельностью и связностью последовательность знаковых единиц» служат в качестве определенного рода эталонов такого же законченного и связного смысла. к ним либо просто отсылают (через аллюзии, реминисценции, цитирование фрагментов), подразумевая при этом весь ПТ, либо приводят целиком как самостоятельное произведение (песня, молитва, анекдот, стихотворение, присяга, обряд). Прецедентные высказывания не являются текстами произведений. Это строевые единицы, необходимые для выражения определенного рода коммуникативных или экспрессивных интенций в речи (т.е. используются так же, как слова, клише и фразеологизмы). В этом, прагматическом смысле афоризмы (особенно обширные), философские или научные постулаты, а также юридические положения занимают промежуточное место между ПТ и прецедентными высказываниями: если мы просто их цитируем с целью эстетической, мировоззренческой, познавательной или практической презентации, – это прецедентные тексты, если же мы используем их как аргументы или части собственных умозаключений, – это прецедентные высказывания.

Аналогично Е. А. Баженова под прецедентным текстом понимает связную совокупность «(...) потенциально автономных смысловых блоков речевого произведения, активизирующих значимую для автора фоновую информацию и апеллирующих к „культурной памяти” читателя. ПТ, будучи результатом смысловой компрессии исходного текста и формой его метонимической замены, характеризуется признаками автосемантической, дейктивности и реинтерпретируемости, т.е. многократной повторяемости в интертекстуальном ряду. ПТ может быть изъят из речевого сообщения без потери познавательной-эстетической ценности и использован как самостоятельное утверждение в виде отдельного мини-текста или в других текстах. (...) в центре внимания исследователей находятся преимущественно „культурнознаковые” прецедентные высказывания, опирающиеся на общность универсальных – социальных, культурных или языковых – фоновых знаний автора и читателя» [Баженова 2006: 107]. В этом определении для нас важным является слово *потенциально*, т.к. оно оставляет открытым вопрос завершенности и целостности ПТ. Важно также то, что одно и то же прецедентное образование может, по мнению исследовательницы, выступать в двойной функции – части речевого сообщения и автономного мини-текста. Это свойство, как нам кажется, характеризует именно те лингвальные прецеденты, которые занимают промежуточное место между собственно ПТ и прецедентными высказываниями. Сложно представить себе употребление в качестве части собственного речевого сообщения целостный прецедентный текст (если это не цитата), точно так же как сложно себе представить прецедентное высказывание в качестве отдельного мини-текста (если это не специальный словник-собрание таких высказываний).

Обычно ПТ воспринимаются как воспроизводимые единицы собственно текстового характера: «К прецедентным текстам (...) относят тексты, которые десятилетиями служат основой обучения, аккультурации ребенка, при помощи которых он устно и письменно обучается языку. Эти тексты составляют костяк фоновых знаний человека. Периферию же составляют тексты анекдотов, модных песен, фильмов, рекламы, а также лозунги, призывы и социально-исторические мифы» [Бриченкова 2007: 10]. Не будем входить в полемику, что здесь ядро, а что периферия. Если исходить из благих намерений культурной элиты, то автор, несомненно, права – вся попкультура – периферия, а высокая культура – ядро. Но с точки зрения подавляющего большинства членов общества высокая культура – область функционирования горстки интеллигенции, в то время как т.н. «народ» воспитывается и живет именно текстами «анекдо-

тов, модных песен, фильмов, рекламы», а также «лозунгами, призывами и социально-историческими мифами».

Возникает серьезный вопрос соотношения понятий текста и высказывания на уровне воспроизводимых единиц. Не каждое воспроизводимое высказывание имеет право называться текстом, хотя и не каждый текст обязательно должен содержать в себе более одного высказывания. В самом узком смысле прецедентным считается совокупность высказываний (реже – единичное высказывание), представляющее собой воспроизводимую предикативную единицу лексикона, которая может выполнять культурно-цивилизационную функцию произведения. Мы так и понимаем термин прецедентный текст в настоящей монографии. Для нас прецедентный текст – это любая характеризующаяся цельностью и связностью предикативная последовательность знаковых единиц, обладающая значимостью для определенной дискурсивно-культурной личности и потенциалом быть речевым субстратом для самостоятельного произведения культуры. К прецедентным текстам можно отнести: воспроизводимые тексты литературных, публицистических, научных и философских произведений, фольклорные и постфольклорные тексты (например, тексты песен, мифов, легенд), тексты экономических и юридических документов и другие цивилизационно и культурно значимые тексты.

Использование целостных текстов в качестве воспроизводимых единиц лексикона требует своего теоретического обоснования, т. к. кроме клятв, молитв, анекдотов, стихотворных, песенных или обрядовых текстов, изредка также разного рода юридических или научных микротекстов, сложно в коммуникативной практике обнаружить полностью воспроизведенный текст (если под термином *текст* понимать не простую последовательность графем или фонем, а именно содержательно-смысловое речевое единство). Никто в точности не воспроизводит текст романа идентично с другими людьми, тем более, не помнит его в целостности как единый воспроизводимый текст. А значит, прецедентность такого текста весьма условна (самой низкой степени) и сводится лишь к отношению какого-то цитируемого речевого фрагмента к воспоминанию о некотором произведении культуры, поэтому мы согласны с мнением, что: «Средством активизации концептов прецедентных текстов в дискурсе являются текстовые реминисценции как «осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [Супрун 1995: 18], которые служат ассоциативными стимулами,

«оживляющими в сознании носителя языка концепты прецедентных текстов» [Бриченкова 2007: 11].

Прецедентные тексты характеризуются: воспроизводимостью и узнаваемостью (распознаваемостью), ментальной устойчивостью (инвариантностью/вариативностью), дискурсивной, социальной и национальной маркированностью, сравнительной отрефлексированностью, аксиологической отмеченностью, ассоциативной реактивностью. Кроме того важнейшей чертой ПТ является их культурная маркированность, поскольку они обычно теснейшим образом связаны с культурными событиями и ситуациями [Орлова 2012: 166].

Поскольку первично термин прецедентный текст, с одной стороны, являлся довольно обширным по объему, а с другой, не совсем четким по содержанию (при том, что его внутренняя форма все же указывала на текстовый характер речевого произведения), возникла потребность создания более узкого определения, выделяющего среди прецедентных функций многочисленные единицы, структурно меньшие и прагматически менее самостоятельные, чем текст. Таким стал термин *прецедентное высказывание*, понимаемое как воспроизводимая предикативная (реже – полупредикативная) строевая единица речи.

Прецедентные высказывания в научной литературе называют по-разному: *устойчивые коммуникативные фрагменты* (Б. М. Гаспаров), *клишированные выражения* (Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров), *коммуникативные фразеологические выражения* (Н. М. Шанский), *устойчивые формулы общения* (Н. И. Формановская), *шаблонные фразы, стереотипные высказывания, предложения-формулы, устойчивые фразы общения, фразеологизированные или стационарные предложения* (А. Г. Ахмеджанова) [см. С. Лещак 2006: 5].

Относительно самого термина *прецедентное высказывание* среди исследователей также нет единства, поэтому надлежит его проанализировать. Однозначное и четкое определение этого термина найти не просто. Иногда он определяется как «(...) репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само ПВ, как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 83–84]. Здесь ключевыми понятиями оказываются: «сложный языковой знак» (т.е. не слово), «как предикативный, так и непредикативный» (т.е. любой), «законченный и самодостаточный» (непонятно в каком смысле

самодостаточный, и до какой степени законченный). По большому счету перед нами определение сверхсловной языковой единицы. Довольно широко понимает данный термин и Н. Иноземцева, поскольку в группу ПВ включает и некоторые прецедентные тексты, и собственно прецедентные высказывания, СФЕ и даже фразематические словосочетания: «Прецедентное высказывание – феномен собственно лингвистической природы. Его отличие от других видов прецедентности заключается в том, что оно может часто встречаться в речи. ПВ могут иметь следующие формы: весь текст, который служит источником (например, небольшие детские стишки), языковая единица, которая может быть представлена в виде словосочетания, предложения, фразы, подчиняющаяся языковым законам, но признанная прецедентным феноменом» [Иноземцева 2010: 150–151].

Такое использование термина ПВ мы считаем слишком широким, хотя встречаются и более широкие его трактовки. Иногда его используют как синоним термина *прецедентный феномен* (*прецедентная функция*) или как синоним *прецедентного текста*. Так, С. Павликова пишет, что «прецедентное высказывание рассматривается как особая единица языкового сознания, специфика которой обусловлена ее текстовой природой, поэтому под прецедентным высказыванием понимается текстовая самостоятельная репрезентативная единица в лексиконе индивида» [Павликова 2005: 9], что заставляет задуматься над семантикой слова *текстовая*: сложно понять, ПВ является текстовой единицей, т. к. представляет собой текст, или же потому, что текст является полем его функционирования. С первым мы не согласны, т. к. нерационально употреблять одновременно два синонимичных термина – *прецедентный текст* и *прецедентное высказывание* в одном научном тексте, когда можно их дифференцировать по структурному и прагматическому принципу. Второе же кажется избыточным, т. к. каждая единица речи в этом смысле может быть названа *текстовой* (разве что речь идет о единичных диалогических репликах).

Несколько уже понимает этот термин Бриченкова: «Под прецедентным высказыванием (...) понимаем единицу дискурса, сумма значений которой не равна ее смыслу, репродуцируемую в процессе коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности. В круг данных единиц мы относим цитаты (фразы из произведений и также их названия), крылатые слова, пословицы, поговорки, афоризмы, девизы, лозунги» [Бриченкова 2007: 4], хотя в той же статье она относит лозунги к ПТ.

Таким образом, первое условие дифференциации терминов *прецедентный текст* и *прецедентное высказывание* для нас – это культур-

ная самодостаточность первой функции и структурно-строевой характер второй. Тексты (в т.ч. прецедентные) могут становиться самостоятельными произведениями культуры, высказывания же (в т.ч. прецедентные) служат для выражения определенной мысли в рамках более широкой речевой единицы.

Еще уже видится этот термин А. А. Матвеевой: «представляется возможным сформулировать определение прецедентного высказывания как словосочетания или предложения, регулярно воспроизводимого в дискурсе, восходящего к прецедентному тексту или прецедентной ситуации» [Матвеева 2021: 85]. Аналогично понимает этот термин и Е. А. Древо́тень: «Прецедентное высказывание – это широко известная фраза, предложение или словосочетание, которое, как правило, неоднократно воспроизводится в речи носителей языка» [Древо́тень 2020: 418]. По нашему мнению, далеко не все воспроизводимые сверхсловные знаки, меньшие, чем текст, могут и должны считаться ПВ. Суть решения нашего вопроса обуславливается не столько структурным фактором, сколько семиотической функцией предикации или номинации. Мы уже отмечали, что в тексте (или шире – в речи) можно выделить два вида единиц – одни представляют информацию в виде событий, другие – называют какие-то статичные отрывки виртуальной действительности, называемой картиной мира. Языковые единицы, вроде фразеологизмов, языковых клише или словоформ, не представляют событий, а лишь называют определенный фрагмент картины мира, т. е. выполняют номинативную функцию. Прецедентные высказывания же (в форме расчлененного или нерасчлененного предложения или сверхфразового единства) вербализуют мысли (суждения, умозаключения), а значит, выполняют предикативную функцию. В ряде случаев возможно также выполнение ими полупредикативной функции, т.е. функции вербального выражения свернутых «активных рема-тематических отношений между характеризуемым членом и характеристикатором» [С.Лещак 2019б: 13] (это можно наблюдать в т.н. вводных словах и сочетаниях, которые по сути являясь номинативными единицами, выполняют в предложении роль активного компонента пропозиции). В связи с этим следует подчеркнуть, что ПВ как предложения или полупредикативные конструкции в структурном отношении сложнее словоформ и словосочетаний (являющихся речевыми репрезентациями языковых клише и фразеологизмов) именно потому, что в семиотическом плане являются знаками суждений, а не понятий.

Сходное понимание ПВ находим и у других исследователей [см. Незнаева 2019; Панарина 2019; Левина, Якимова 2019], хотя далеко не всег-

да они дают однозначную дефиницию этого рода прецедентных функций, однако исследуемый этими учеными корпус данных однозначно указывает на предикативный и строевой характер данного рода прецедентов.

Что касается семантики ПВ, то она, как нам кажется, самым тесным образом связана с прагматикой их использования. В литературе предмета иногда выделяют три уровня семантики ПВ. Так, например, Ф. С. Рагимова утверждает, что семантическая структура прецедентного высказывания состоит из трех уровней:

- 1) поверхностное значение, равное сумме значений компонентов;
- 2) глубинное значение как семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру;
- 3) системное значение, представляющее собой «сумму» глубинного значения высказывания и знания прецедентного текста и связанных с ним коннотаций [Рагимова 2008: 45].

Это понимание носит явно формальный и семасиологический характер. Данную схему, с нашей точки зрения, стоит несколько видоизменить в концептуальном и терминологическом плане. Дело в том, что как поверхностный, так и глубинный уровни семантики ПВ неразрывно связаны со всей системой языковой и когнитивной картины мира, что делает их автоматически системными. Невозможно понять, о чем говорится в высказывании, если не интерпретировать его с учетом языковой системы (в т. ч. в системной связи с остальными единицами языка). Невозможно также понять смысл этого высказывания, если не будут учтены все его когнитивные связи с системой представлений о мире. Однако в данной схеме отсутствует то, что составляет сущность функционально-прагматического понимания языка – прагматика обстоятельств употребления ПВ в речи, т. е. сведения о том, почему и зачем данное ПВ может или должно быть использовано в данного типа ситуации. Поэтому, основываясь на вышеприведенной схеме, мы предлагаем выделять следующие уровни функционирования прецедентных значений:

- 1) содержание, представляющее собой отношение лексических значений составных высказывания, т. е. информацию, выраженную в структурных элементах речевой структуры, семантику, содержащуюся непосредственно в поверхностной структуре прецедента (это наименее релевантный уровень семантики ПВ);
- 2) когнитивный смысл, который представляет собой отношение когнитивной интерпретации интенционального содержания (знаний, переживаний, эмоциональных состояний, ощущений или волеизъ-

явлений говорящего), т. е. того смысла, который лежит в основе акта вербализации интенции посредством ПВ, и фоновых знаний (дискурсивных, социокультурных или этнокультурных), сопряженных с данным ПВ в языковой картине мира. Невозможно, чтобы языковое содержание ПВ прямо указывало на психосоциальное состояние говорящего и на культурный фон речевого события;

- 3) прагматический смысл, представляющий собой отношение коммуникативно-экспрессивной интенции (включающей целевые и каузальные факторы использования ПВ в речи), когнитивного смысла (с учетом связанных с ним культурных и психологических коннотаций) и содержания ПВ. Это главный аспект семантики ПВ. Можно знать языковое значение всех лексических единиц, входящих в состав ПВ (и понимать содержание ПВ как предикативной единицы), знать, что имеет в виду говорящий (понимать смысл его высказывания), но при этом не понимать, почему и зачем говорящий использовал это ПВ в данной ситуации.

Исходя из типа прагматического смысла все ПВ можно разделить на коммуникативные (утилитарные), целью которых является построение дискурсивно адекватной вербальной коммуникации и экспрессии, и культурные (когнитивные), задачей которых является наполнение этой коммуникации дополнительным когнитивным смыслом, релевантным для данного дискурса.

Рассмотрим характерные черты прецедентных высказываний как таковых.

Первая часть термина *прецедентное высказывание* касается его онтологического статуса. Вторая же – семиотического. Иначе говоря, определяя статус наших единиц как высказываний, мы устанавливаем характер семиотической процедуры, которая их порождает, а оговаривая вопрос прецедентности, определяем способ их существования. Прецедентность как свернутая или возможная цитатность предполагает выполнение единицей дискурсивной функции (важным становится не только то, что сказано, сколько то, кем это сказано, когда, где и зачем). Если под термином прецедент понимать только воспроизводимость, шаблонность, клишированность, можно сосредоточиться на собственно языковом использовании синтаксических конструкций, обладающих формой предложения или СФЕ, т. е. содержащих в себе предикацию.

Одной из характернейших черт ПВ, отличающих их от классических прецедентных текстов, является их анонимность, т. е. отсутствие (незнание или полное игнорирование) их первоисточника. Ею обладает

большинство прецедентных высказываний (в том числе паремии и антипаремии). Этим прецедентные высказывания отличаются от цитат, авторских афоризмов и многих крылатых выражений. Потеря авторства ведет к анонимности, а затем и фольклоризации (постфольклоризации) данных единиц. Генетически часть ПВ характеризуется стертой цитатностью или квазичитатностью (часть культурных ПВ), большинство же полностью анонимно (все коммуникативные и часть культурных ПВ). Мы однако полагаем, что не любое крылатое выражение и не любая цитата может перейти в сферу паремии (динамику порождения прецедентов мы обсудим в следующем подразделе).

Характерной чертой большей части ПВ является их дискурсивный характер, т. е. привязанность к тому или иному макродискурсу. Не во всех социолектах и стилях функционирует тот же запас прецедентных высказываний. Он обусловлен типом деятельности, социальной, культурной и национальной обусловленностью, так как ПВ возникают и функционируют в конкретном языке, культуре, в пределах социальной группы, нации или цивилизации (на этой проблеме мы также остановимся несколько позже).

Часть ПВ характеризуется сильной арефлексивностью употребления. Особенно это касается коммуникативных ПВ. Им свойственна также ассоциативная реактивность, т. е. они заставляют коммуниканта ответить, вовлекая его в общение.

В зависимости от типа дискурса ПВ могут обладать разным уровнем инвариантности (т. н. наличия инварианта восприятия, закрепленного в когнитивной базе определенного сообщества) / вариативности (т. е. наличия вариантов у разных групп или индивидов), ядерности (т. е. определения характера данной языковой культуры или данного дискурса) / периферийности (т. е. нерелевантности для дискурса, в котором они используются).

Остается открытым вопрос о целостности ПВ (иногда исследователи называют эту черту «законченностью»). ПВ (как и прецедентные тексты) закончены в прагматическом и содержательном отношении (у них есть содержание и телеологическая направленность), но не всегда самостоятельны в смысловом и структурном плане (они практически не могут представлять собой самостоятельные произведения культуры).

Реинтерпретируемость и репродуцируемость (воспроизводимость) ПВ обусловлена социальными факторами, знаниями о мире, владением пресуппозицией, механизмами импликации и другими функциями коммуникативной компетентности. Носитель языка использует преце-

дентные высказывания обычно в полной форме – это готовые единицы, которые просто «вкладываются» в более обширный текст, нередко не задумываясь (отсюда вытекает и их арефлексия в использовании). Возможны случаи, когда ПВ используются фрагментарно или в деформированной форме, но это, скорее отклонение от нормы и касается только той части ПВ, которые мы определяем как *культурные прецедентные высказывания*. В случае полной деформации, изменяющей коннотации и прагматику, следует уже говорить не об использовании, а о создании новых единиц на базе ранее существовавших (например, т. н. «антипаремий»).

Таким образом, прецедентное высказывание в нашем понимании – это любое предложение или, реже, небольшое СФЕ, характеризующееся ментальной устойчивостью (в полной форме сохраняемое в памяти и целостно используемое в тексте, тем самым составляя определенный его сегмент) (1), репродуцируемое в процессе коммуникации (воспроизводимость ПВ) представителем данной дискурсивной или лингвокультурной общности (2), распознаваемое усредненным представителем данного лингвокультурного сообщества (благодаря общеизвестности и узнаваемости)⁴ (3), ретранслируемое в других текстах (4), относящееся к дополнительной информации о языковой ситуации и провоцирующее определенную, предсказуемую ассоциативную цепь (5), и, наконец, обладающее инвариантом и вариантами порождения и восприятия (6).

Прежде чем приступить к представлению генезиса ПВ и путей их социализации, следует оговорить ряд проблем, связанных с определением «нижней» границы этого разряда языковых единиц (если за «верхнюю» принять их отличие от прецедентных текстов). В первую очередь следует рассмотреть такую прецедентную функцию как т. н. *прецедентное имя*. *Прецедентным именем* (ПИ) в научной литературе называют «(...) индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (...), или с прецедентной ситуацией (...); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного (...) или более элементов (...), обозначая при этом одно понятие» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 83–84]. В этом первичном понимании прецедентные имена охватывают имена известных людей (ученых, художников, писателей, политических деятелей, спортсменов), а также

⁴ В случае т. н. автопрецедентов такое лингвистическое сообщество ограничено одним лицом.

названия литературных (*Горе от ума*) и публицистических (*Луч света в темном царстве*), реже – научных (*О вращении небесных сфер*) и философских (*Критика чистого разума*) произведений, картин (*Герника*), фильмов (*Тупой, еще тупее*) и других произведений искусства, соответственно «(...) с одной стороны, являются частью когнитивной базы носителя языка, с другой стороны – относятся к классу имен собственных» [Терещенко 2016: 76].

Если мы будем придерживаться объективистского, социоцентрического понимания языка и картины мира и считать, что где-то вне «когнитивной базы носителя языка» существует какой-то мифический «класс имен собственных», эта дефиниция может работать. Как только мы твердо встанем на позиции антропоцентризма, нам станет понятно, что для конкретного человека все т.н. «воплощенные» (*embodied*)⁵ имена собственные, т.е. имена, отнесенные к конкретным референтам (названия городов, стран, фирм, произведений, праздников, товаров, людей, животных) осуществляют апелляцию «не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ», а значит, все они – прецедентные имена. Такова в принципе сущность имени собственного как культурного знака. А если так, то и выделение такого разряда прецедентов, как прецедентные имена, не имеет никакого смысла. Даже если ограничить это понятие персонажами произведений, то современная эпоха постмодернизма с ее тенденцией к эклектике, цитированию и интертекстуальности уже давно превратила такие единицы в обычные строевые единицы для текстовых деконструкций. Слыша *Шерлок Холмс*, уже не знаешь, кто имеется в виду – персонаж произведений Конан Дойля, герой многочисленных экранизаций (в т.ч. осовременивающих персонажа) или же героя не менее многочисленных анекдотов. Ничем не лучше «реальные» онимы. Слыша *Чапаев*, нельзя быть уверенным, что речь идет об исторической личности, военачальнике времен гражданской войны в России, поскольку это может быть романтизированный герой романа Д. Фурманова, жестко привязанный к актеру Борису Бабочкину персонаж одноименного фильма, недалекий пошляк, герой многочисленных анекдотов или утонченный эстет, герой романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота».

Размытые границы между отдельными группами прецедентных функций допускают переход прецедентов между группами, а широкая из-

⁵ Термин А. Гардинера [Gardiner 1954].

вестность делает возможной их реинтерпретацию в другие формы. Это особенно заметно в случае прецедентных высказываний, которые возникают во время «отрыва» и изоляции от текста-источника прецедентного текста и становятся автономными единицами. Что интересно, такое ПВ одновременно может выступать также как репрезентация прецедентного текста. А. Терещенко полагает, что ПВ могут выступать в качестве прецедентного имени, особенно в случаях, когда используются как заголовок [Терещенко 2017: 121]. Нам проще интерпретировать такую ситуацию при помощи понятий и терминов *онимизация* и *идеоним*.

Обсуждая неясные моменты, касающиеся прецедентных высказываний, следует сказать несколько слов о квазипрецедентности. Данное понятие возникло, поскольку объем категории прецедентности оказался недостаточен для характеристики всего диапазона функций, а также для определения четкой границы между «классическими» ПВ и высказываниями, которые только выглядят как прецедентные. В литературе предмета можно заметить разные подходы к данному вопросу. Самое распространенное понимание данного термина представляет собой называние квазипрецедентным высказыванием таких высказываний, которые по определенным причинам принимаются пользователем языка за реально существующие, но таковыми не являющиеся. Иногда их называют также *стереотипные, зачастую ничем не подтвержденные представления* [Сорокин, Гудков, Красных, Вольская 1998: 15]. Чаше, говоря о квазипрецедентности, обращают внимание на кратковременность таких конструкций: «(...) высказывания и тексты массовой культуры, широко употребительные в неофициальном межличностном общении, (...), представляющие собой слова и строчки из известных песен, кинофильмов, анекдотов, рекламы (...) они „сиюминутны“, живут очень недолго, но в данный период они известны и понятны, как правило, любому читателю, создают иллюзию близости позиций автора и читателя, подчеркивают, что автор входит „в общий круг“ с читателем» [Кормилицына 2015: 29]. Исследователи замечают, что квазипрецедентные высказывания – „одноминутки“, т.е. строки из текстов модных песен, популярных фильмов, высказывания известных лиц, анекдоты – существуют недолго. Они быстро забываются, и такое речетворчество утрачивает свою эффективность. Нам кажется, что квазипрецедентность не может быть связана со временем. Все прецедентные высказывания когда-то были свежими и модными. Кто-то их забыл, кто-то сохранил в памяти и использует несмотря на то, что их могут не понимать (достаточно сказать: *как кто-то когда-то сказал / написал...*). Главное не это. Самое важное

– насколько легко запомнить и как используется такое ПВ. Если оно громоздко или неудобнопроизносимо, к тому же используется только в письменной форме (приемом «копируй – вставь»), можно говорить, что это квазипрецедентное высказывание. Иногда социальная и временная ограниченность таких единиц объясняется специфичностью и ситуативностью прецедентной ситуации, которая его породила. Ситуация эта может иметь культурный (*Большому кораблю – Одиннадцать Оскаров; Ты кто такой? Давай до свидания!*), политический (*Скажи мне чей Крым и я скажу кто ты; Путина бояться – в сортир не ходить; В гостях хорошо, а дома – Янукович*), экономический (*Станьте в угол, там 90 градусов* (про цены газа в Украине); *Америка ферст!*) характер. Структурно такое ПВ является новой языковой прецедентной единицей, срок существования которой соразмерен прецедентной ситуации, при которой оно возникло. Значимость ситуации напрямую влияет на срок и характер существования самого КПВ. Такие единицы можно также определить как *потенциальные ПВ*. Если их использование эмансипируется от прецедентной ситуации и обретет более широкую сферу использования (т.е. найдет для себя новую, более универсальную прецедентную ситуацию), они вполне могут стать полноценными ПВ. Таковы, например: *Жить хорошо, а хорошо жить еще лучше* (из «Кавказской пленницы»), *Хотели, как лучше, а вышло, как всегда* (фраза Виктора Черномырдина), *Будем мочить в сортире* (из высказывания Владимира Путина), *Главное, чтобы костюмчик сидел* (из фильма «Чародеи») или *Голова предмет темный и исследованию не подлежит* (из фильма «Формула любви»). Многие уже не помнят обстоятельств, при которых возникли эти единицы. Они уже давно перестали быть цитатами.

Собственно прецедентные высказывания следует также отличать от предикативных фразеосхем, «в которых переосмыслены синтаксическое строение и определенная часть лексического состава, а остальная часть заполняется в контексте» [Телия 1990: 559]. Сам термин *фразеосхема* ввел Д. Н. Шмелев [см. Шмелев 1976]. Фразеосхемы характеризуются модельностью формы и схематичностью смысла, т. е. фразеосхема представляет собой языковую модель, в которой одновременно функционирует некий набор постоянных и изменяемых элементов, сохраняющих при этом общую смысловую семантику⁶, например, построенные по определенной схеме «мудрые изречения», вроде (армия / водка / прогул

⁶ Подробнее о фразеосхемах см.: [Григорьева 2010; Нагаева 2010; С. Лещак 2019б].

/ убийство и под.) он(а,о) и в Африке (армия / водка / прогул / убийство и под) или словесные атаки: *ты + инвектив (идиот / дебил / козел)*, ответом на что бывает также фразеосхема: *от (идиота / козла / дебила / такого) слышу или Сам (ты) (идиот / козел / дебил / такой)*. Ответы могут быть ограниченные (постоянные) и неограниченные (вариативные). ПВ тем отличаются от остальных языковых знаков, что никогда не возникают вследствие единичного фразеопроизводного акта, но являются результатом довольно динамического процесса постепенного преобразования цитат в языковые знаки. Но и на этом процесс не останавливается, т. к. ПВ далее могут преобразовываться в модельные фразеосхемы, после чего проблема прецедентности заменяется проблемой фразеопроизводства. После стадии цитирования прецедентное высказывание может начинать варьироваться. Чем меньше вариантов определенного высказывания, тем вероятнее, что мы имеем дело с прецедентным знаком, чем отдаленнее друг от друга варианты (как по форме, так и по семантике), тем больше вероятность, что перед нами фразеосхема.

Однако это уже проблемы происхождения прецедентных функций.

2.3. Этапы становления прецедентного языкового знака

Парадокс прецедентных единиц заключается в том, что, будучи знаками мыслей как функций мышления, они одновременно являются знаками знаний, но не понятийных, а именно мыслительных, т. е. знаками перифицированных, шаблонизированных суждений разного типа – утверждений, отрицаний, разного рода экспрессий или прескрипций, а также всяческих максим. ПТ и ПВ в отличие от обычных производимых в ходе речевых процедур высказываний и текстов выражают не актуальное мыслительно-коммуникативное (когнитативное) состояние человека, а представляют в вербализованной форме некий целостный и нерасчлененный динамический участок его картины мира. Прагмасемантическое пространство прецедентных текстов несколько сложнее аналогичного пространства прецедентных высказываний, поскольку здесь мы имеем дело с неким целостным когнитивным пространством, организованным согласно определенному когнитивному сценарию при помощи целого ряда дискурсивных стратегий (наррации, дескрипции, экспрессии или прескрипции). В прецедентных высказываниях это обычно одно или не-

сколько тесно связанных суждений, организованных в рамках какой-то определенной дискурсивной стратегии (чаще всего это субъектные стратегии – эмоциональная или делиберативная экспрессия или прескрипция; наррация или дескрипция в чистом виде здесь не встречаются).

Для того чтобы понять путь порождения прецедентных функций, следует провести концептуальный анализ термина / понятия *прецедент*. Он включает в себе не только и не столько отсылку к идеям инвариантности или воспроизводимости, сколько к некоей предыдущей социализированной речевой практике. Прецедент – это то, что ранее уже имело место в общественном опыте. В этом смысле прецедентными высказываниями, а также прецедентными текстами могут считаться любые речевые знаки, которые ранее использовались в каких-то конкретных речевых ситуациях или событиях, но по какой-то причине оказались значимыми для данного языкового сообщества (или индивида) и сохранились в памяти либо в непосредственной связи с этими событиями (ситуациями), либо в связи с некоей значимой прагматикой или обобщенной семантикой, прямо или косвенно выводимой из этого события (ситуации). Их использование должно, по замыслу говорящего, актуализировать в памяти адресатов эту или такого типа ситуацию, т.е. ментально отсылать к ней. Таким образом, условием возникновения ПВ является связь некоторого высказывания с ситуациями / событиями, аналогичными тем, которыми оно было порождено, а иногда и в непосредственной связи с этим первичным использованием.

Суть предикации – вербализация суждений и умозаключений, т.е. динамических ситуативных и событийных элементов жизнедеятельности. Сохранение в памяти понятия и суждения – две качественно различные ментальные функции. Неважно, чем выражено понятие: словом, клише или фразеологизмом, его главная функция – сохранять информацию в готовом и статичном виде (т.е. дискретизированном и отвлеченном от конкретной ситуации или события). Такое отвлечение изначально делает клише или фразеологизм не знаком жизненной ситуации, а средством конструирования нового высказывания. Закрепленное же в памяти суждение позволяет либо воспроизвести в памяти некоторую ситуацию, либо прецедентно реагировать на новые аналогичные ситуации. Именно поэтому прецедентные высказывания и тексты представляют собой совершенно отличные от номинатов единицы языка. Если слова, фразеологизмы и клише могут образовывать таксономическую иерархию классов, то предикативные прецеденты как чисто полевые структуры таких семантических или формальных иерархизированных структур обычно

не образуют. Их приходится запоминать ситуативно, т.е. чисто прагматически.

Исходя из самого названия, можно предположить, что исходным моментом для возникновения прецедентности является повтор в виде цитирования. Стоит обсудить вопрос, можно ли считать все прецедентные единицы *цитатами* и какое отношение имеет цитирование к формированию прецедента. Большинство ученых под термином цитата совершенно справедливо понимает речевые структуры, отсылающие нас к конкретному текстовому первоисточнику, из которого они почерпнуты. Клише, фразеологизмы, фраземы, все коммуникативные (собственно содержательные, утилитарные) и значительное большинство когнитивных (культурных) ПВ – это единицы, не приписанные не только к какому-то конкретному тексту, но даже к какому-то определенному ряду текстов. В лучшем случае это единицы, отмеченные дискурсивной привязкой. Совсем другое дело цитатные онимы (называемые в научной литературе *прецедентными*) – они могут быть приписаны или к определенному тексту-источнику (например, *Анна Каренина*, *Обломов*, *Васюки*), или к нескольким текстам-источникам (*Геракл*, *Иисус Христос*, *Эльдорадо*). Теряя связь с источником, они очень часто превращаются в обычные клише или в слова-символы. Это же очень часто происходит и с остальными цитатными номинатами (клише и фразеологизмами). Цитатные слова и клише могут со временем менять свою функцию, например: *промышленность* Н. Карамзина из цитатного превратилось в обычное слово, а аналитический номинат *категорический императив* Канта сначала считался цитатой, а со временем стал языковым клише, используемым как этический термин уже вне связи с концепцией Канта. Цитатный знак *перейти Рубикон* стал обычным фразеологизмом, для большинства пользователей уже не связанный с Юлием Цезарем.

Очень редко полноценные предикативные цитаты (в форме предложений или сверхфразовых единств) представляют собой воспроизводимые, а значит, языковые единицы. Обычно цитаты (особенно письменные и объемные) должны подвергаться верификации (сверке с оригиналом), что служит дополнительным доказательством принципиального отличия цитат и прецедентов. Если прецеденты являются самостоятельными текстами, не требующими информации об авторе и первоисточнике, то в случае цитат данные элементы являются их неотъемлемой частью, т. е. имеют закрепленный источник и автора. Цитата представляет собой обособленный фрагмент текста-источника, используемый в другом тексте в качестве знака чужой речи. Целью цитаты является ссылка на

мнение авторитета с одновременной отсылкой к тексту-источнику, но: «(...) в процессе включения во вторичный текст оказывается ориентированной на два текста одновременно, на текст-источник и на цитирующий текст» [Сорокин 1997: 13]. Именно поэтому мы не можем согласиться с мнением Ю. А. Сорокина, что «(...) цитата является одним из способов существования прецедентного текста и понимается в качестве семиотического знака, имеющего самостоятельный и автономный смысл и отсылающего к исходному тексту; иными словами, цитата замещает те или иные художественные и концептуальные структуры текста или какого-либо его фрагмента» [там же: 19]. Суть цитаты состоит в совершенно обратном – ее полной несамостоятельности. Нельзя использовать цитату как просто строевой материал собственного текста. Она должна отсылать к источнику и/или автору. В противном случае это будет плагиат. Чаще всего классические цитаты используются в текстах научного, философского, экономического и общественно-политического макродискурсов, поскольку данные типы текстов требуют обоснованности и опоры на источники. Цитата, находящаяся внутри такого текста, отделяется от остального текста либо пунктуационно (т. е. выделена кавычками), либо синтаксически (с использованием оборотов: *по мнению..., как считает..., как сказал..., по словам..., как говорится в..., как писал..., как читаем у..., согласно...*).

То, о чем писал Сорокин, отмечая ориентацию высказывания на два текста одновременно, – это интертекстуальность. Нельзя смешивать цитатность и интертекстуальность. Если мы начинаем использовать некое высказывание или целый текст, уже не апеллируя к его первоисточнику или автору, превращая его фактически уже в самостоятельную единицу собственной речи, а значит в орудие собственной аргументации, уже нельзя говорить о цитировании. Но это все еще интертекстуальность. Именно так происходит фольклоризация текстов или превращение цитатных фрагментов в прецедентные высказывания. Понятно, что в случае еще живой связи между высказыванием и текстом или между текстом и произведением / автором, нас могут уличить в плагиате. Но этого никто не сделает в случае вполне допустимого в публичном, обыденном, деловом, познавательном, мировоззренческом или эстетическом метадискурсах приеме отсылки к анонимному источнику: *как сказал кто-то умный..., как сказал один мудрый человек..., как кто-то когда-то написал..., не помню, где-то я прочитал такое стихотворение...* . Такие конструкции можно считать маркерами формирования прецедентности.

Автономизация цитаты обычно связана с превращением ее в самостоятельный знак культуры. Хорошим примером таких автономных цитат являются афоризмы (понимаемые нами как фразы, порожденные конкретными лицами, приписываемые им и обычно приводимые с указанием автора) или цитаты из литературы, кино, песен – они функционируют в двух видах: как классические цитаты (со ссылкой на автора и обстоятельства использования данного афоризма, первоисточник, отсылающий к какой-то дополнительной информации) или в качестве псевдо- и квазицитат. Такая «цитата» может потерять некоторые из вышеприведенных качеств: связь с автором, источником, контекстом возникновения или функционирования, а иногда также первичный смысл. Человек, использующий такое высказывание, либо не знает, откуда эта фраза, либо определяет ее источник неправильно, либо осознанно игнорирует ее первоначально цитатный характер и вносит в нее собственные смысловые или прагматические, а то и формальные изменения. Одна и та же фраза может функционировать в идиолектах различных носителей языка либо как цитата, либо как прецедентное высказывание. Есть люди, которые идентифицируют некоторый текст (высказывание) как цитатный, но есть и такие, для которых он (оно) цитатным не является. Это обусловлено не только ограничением лексического запаса, но также уровнем образования, происхождением, принадлежностью к разным группам (профессиональным, социальным, семейным), интересами, жизненным опытом, а также индивидуальным языковым вкусом и способностью идентификации цитируемых текстов. Есть также ряд пользователей, которые индифферентно относятся к цитатам, не зная, откуда они и что привносят, что нередко порождает инотолкования и ошибки в их использовании. Бывают случаи, когда пользователю кажется, что он знает источник, хотя на самом деле ошибается и приписывает авторство не настоящему автору, а другому источнику, от которого впервые услышал данный текст. Такие случаи определяются терминами: *псевдоцитатность* и *квазицитатность*.

Как пишет об этом С. Лещак, «Одним из этапов превращения цитатного высказывания в обычное прецедентное высказывание (суть которого сводится единственно к пресуппозиции – „это уже кто-то говорил до меня”) является появление т.н. ложных цитат, т.е. прецедентных высказываний, которые приписываются либо не тому, кому они в действительности принадлежат, либо одновременно многим источникам, но установить истинного автора уже почти никто не может» [С. Лещак 2019а: 169]. Псевдоцитатность касается использования несуществующей цитаты

в отношении конкретного автора с полной убежденностью говорящего о ее функционировании, или наоборот – приписывания существующей цитаты автору, не являющемуся первоисточником. В настоящее время псевдоцитатность используется в сфере Интернета для троллинга, особенно в форме мемов, содержащих фотографии известных людей (политиков, селебрити, актеров, писателей, философов и под.) с новосозданным пользователем текстом. В таких случаях текст должен выполнять роль цитаты (целенаправленность), хотя он ею и не является. Это приводит к ситуации, когда тексты представлены как цитаты и читатель может неправильно приписывать им авторство известного и (обычно) авторитетного лица. В таком случае может происходить сбой в коммуникации: часть сообщения, основанная на апелляции к якобы чужому тексту, адресатом воспринимается неправильно. Особенно в тех случаях, когда автор предполагал, что его мистификация будет правильно прочитана. Происходит т. н. непродуктивное параинформирование (при котором адресант знает о тексте больше, чем может выявить в нем адресат) [см. Мазур 1974: 167–190].

Квазицитаты, согласно С. В. Власову, – это намеренно искаженные «чужие цитаты, приведенные автором в собственном тексте (...) Фразы при этом теряют связь с контекстом, из которого они были заимствованы, меняются по форме и содержанию. В цитате остается некоторая доля достоверности, однако общий смысл сильно меняется под авторскую стратегию воздействия» [Власов 2011: 78]. Квазицитаты отличаются инотолкованиями и трансформациями оригинальных, реально функционирующих цитат. Схожей точки зрения придерживается и О. В. Фокина, которая *квазицитатой* называет «количественную, качественную или комплексную трансформацию интертекстемы» [Фокина 2011: 701]. Согласно данной концепции, квазицитация заключается в трансформации на одном из уровней: лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом или фонетическом [там же: 702].

Цитата представляет собой выделенный фрагмент «чужого» текста, функционирующий в неизменном виде, в отличие от псевдоцитаты, представляющей собой с формальной точки зрения «якобы» цитату (но являющейся собственным образованием автора текста), и требует точного источника с обязательной ссылкой на автора и текст. Квазицитата же представляет собой инотолкование или трансформацию реальной цитаты, но в такой степени, что, несмотря на все изменения, она все равно отсылает нас к первоисточнику. В этом смысле псевдоцитаты гораздо ближе к понятию прецедентности, т.к. их реальная, фактическая связь

с первоисточником намного слабее, чем у квазицитат. С другой стороны сам факт сознательной игры с цитатой может оказаться заразительным. Очередные игры могут привести к тому, что сосредоточение внимания на самом исходном тексте, который следует трансформировать, превращают его в самостоятельную языковую прецедентную единицу. Многие современные любители такого рода языковых игр, говоря *Кто к нам с чем зачем, тот от того и того* или *Чем меньше женщину мы больше, тем больше меньше нас она*, даже если и знают исходные фразы, могут не знать их авторов и источников.

Заметно, что цитирование имеет нечто общее с прецедентностью, особенно в плане повторяемости и воспроизводимости речевого продукта. Но нельзя сказать, что любой прецедент – это цитата, как и нельзя сказать, что любая цитата является прецедентом. Зато можно быть уверенным в том, что если что-то для кого-то является актуальной цитатой, оно для этого человека еще не стало полноценным прецедентом. Тем не менее, можно утверждать, что цитатность – это первый шаг к прецедентности и каждое ПВ – это бывшая цитата.

Фактически основанием появления прецедентов является интертекстуальность, так как она реализуется в ситуациях, нуждающихся в отсылке к другому тексту и, иногда, к его автору: «интертекстуальные механизмы обнаруживаются всюду, где есть следы „чужого“ слова как на уровне содержания, так и на уровне формы, структуры, композиции» [Казак, Махова 2011: 175].

Теория интертекстуальности Ю. Кристевой возникла в 1967 году в рамках литературоведения, со временем диапазон наук, которые стали исследовать эту функцию, постепенно расширялся. В настоящее время вопрос соотношения интертекстуальности и прецедентности является довольно актуальным (данный вопрос активно разрабатывают И. В. Арнольд [1999], Н. А. Кудрина [2005], Н. В. Иноземцева [2010; 2014], М. Ю. Казак и А. А. Махова [2011], Н. М. Орлова [2014], Золотарев [2016] и др.). Арнольд под интертекстуальностью понимает «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций» [Арнольд 1999: 21], тем самым указывая на формы интертекстуальности, которые реализуются в категории прецедентности. Иноземцева отмечает, что интертекстуальность – это «актуализация межтекстовых связей языковой единицы при ее смысловом развертывании в новом контексте» [Иноземцева 2010: 167], не связывая напрямую интертекстуальность ни с цитированием, ни с переносом фрагментов одно-

го текста в другой. У Казака и Маховой читаем: «В самом общем виде интертекстуальность предстает как межтекстовое взаимодействие, „текст в тексте“, „текст о тексте“ (...)» [Казак, Махова 2011: 175] (последнее еще называется «метатекстовостью»). В этом случае можно сказать, что оба вышеприведенных понимания объединяются. Аналогично мыслит интертекстуальность и Золотарев: «Теория интертекстуальности одной из своих задач видит описание явления опосредованной коммуникации, происходящей на уровнях автор-читатель и автор-автор за счет введения в текст отсылок на ранее созданные произведения» [Золотарев 2016: 30].

Нередко в литературе предмета встречается тезис, что прецедентность – это специфическая разновидность интертекстуальности; как отметила Кудрина: «(...) во многих лингвистических работах, посвященных исследованию механизмов интертекстуальности в разных видах текста (и дискурса), понятия интертекста и прецедентного текста не только сближаются, но нередко и отождествляются» [Кудрина 2005: 5]. Поэтому, вопрос разграничения данных понятий является существенным. Отождествление некоторыми исследователями прецедентности с интертекстуальностью вытекает, на наш взгляд, из сходств, которые объединяют оба явления, а именно: сам факт сосуществования двух или более текстов, причем один из них создается, а другой – воссоздается и актуализирует дополнительную информацию: «(...) интертекстуальность включает ряд возможных ассоциаций, которые появляются у читателя в процессе знакомства с новым произведением» [Иноземцева 2010: 150]. Как пишут Казак и Махова, «явление интертекстуальности, охватывающее различные содержательно-структурные и семиотические стороны текстовой гетерогенности, пересекается с прецедентными феноменами в той части теории, где интертекстуальность понимается как сосуществование в одном тексте двух или более текстов в виде цитат, реминисценций, аллюзий, образов» [Казак, Махова 2011: 178]; но также как способ введения одного текста в другой: поскольку любой воспроизводимый текст, состоящий из ряда высказываний, редко вводится в речь целиком, обычно он вводится в свернутом виде – как цитата (т. е. фрагмент оригинала), квазичитата, намек или аллюзия.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что интертекстуальность касается, прежде всего, самого смыслового и прагматического отношения между текстами, т. е. представляет собой любые механизмы (способы) ввода одного текста в другой текст, поскольку прецедентность – это, прежде всего, смысловая характеристика текста.

С точки зрения Кудриной, интертекстуальность и прецедентность связаны, но эта связь не носит характера детерминации: «(...) обращение к прецедентным текстам, неизбежное в процессе создания новых текстов, приводит к интертекстуальности последних, но это, конечно же, не означает справедливости обратного утверждения, то есть того, что интертекстуальность всегда создается только за счет „переклички” с прецедентными текстами» [Кудрина 2005: 5]. На взаимосвязь этих функций указывает и Золотарев, хотя делает это в слишком радикальной форме: «(...) прецедентность как свойство некоторой единицы формируется только благодаря ее неоднократной интертекстуализации» [Золотарев 2016: 30]. Исходная единица могла возникнуть и вне текста, например в диалоге в определенной речевой ситуации. Вспомним хотя бы многочисленные «перлы» В. Черномырдина. Многие из них возникли в качестве реплик политика во время интервью или пресс-конференций. Сложно назвать отсылку к прецедентной ситуации интертекстуальностью. Столь же сложно согласиться с другой мыслью этого же автора, что «интертекстуальность всегда направлена на выстраивание отношений с текстами других авторов для отражения собственной индивидуальности, в то время как при использовании прецедентных феноменов всегда актуализируется оппозиция „свое–чужое”» [там же: 31]. и в одном, и во втором случае в большей или меньшей мере присутствует соотношение «свое–чужое»: использование чужого именно как чужого при интертекстуальности крайне важно, иначе это был бы элементарный плагиат. Интертекстуальность изначально предполагает явное или неявное цитирование. Вместе с тем прецедентность (в отличие от цитирования) – это отсылка не столько к тексту или конкретному речевому событию, сколько подчеркивание стандартного способа речевого поведения и связи данной ситуации с ранее уже имевшей место ситуацией. При этом речь идет не только о модельности речевого поведения, а именно об использовании готовых инвариантных предикативных блоков, в нашем случае – прецедентных высказываний. Таким образом, различие между этими функциями состоит в том, что интертекстуальность – это, прежде всего, смысловая перекличка текстов, а прецедентность – это свойство предикативных знаков отсылать к определенному целостному фрагменту опыта, известному реципиенту. Интертекстуальность по определению конкретна («тот текст»), прецедентность по определению обобщенна («такая же ситуация»).

Прецедентность и интертекстуальность отличает и прагматика: цель использования чужих слов в литературном произведении и в обыденном

дискурсе продиктована разными мотивами: для литературного произведения или научной работы это жанровые ограничения, для социально-политических и философских текстов – идеологические или мировоззренческие, для деловой и административно правовой документации – утилитарные, а для обыденной коммуникации – витальные. С другой стороны, бывают случаи, когда прагматические установки в обыденном общении сходны с принятыми в рефлексивных типах дискурса, например, в случае аргументативной мотивации (ссылка на авторитеты, подтверждение высказанной мысли общепринятыми «истинами») или эстетической орнаментации речи (например, в смеховой людической культуре). Но и в этих случаях они различаются как характером авторитета, так и характером самих лексических средств. Обиходно-просторечные прецеденты, кроме вышеприведенных, могут выполнять и другие прагматические функции, но об этом речь пойдет в дальнейшей части монографии.

Необходимый шаг становления прецедентности, эмансипирующий речевую единицу равно от статуса цитаты, как и от конкретной интертекстуальности можно условно назвать, за Р. Бартом и М. Фуко, т. н. «смертью автора» или фольклоризацией, которая заключается в обретении речевыми фрагментами анонимности: сначала через нерелевантность ссылки на первоисточник и его опущение, а затем вообще полную нерелевантность авторства и переход текста в общий лексический запас (информационную базу языка). В итоге это приводит к тому, что впоследствии не всегда удастся восстановить принадлежность того или иного выражения определенному автору. Данное явление обусловлено переходом языковых единиц из одной группы в другую, например, афоризмов и сентенций в группу паремий. Такое заметно в случае фразы *Хотели как лучше, а получилось как всегда*, приписываемой В. С. Черномырдину, которая ныне все чаще используется в качестве поговорки. Произошел переход крылатого выражения в паремию с одновременным забвением породившего его первоисточника.

Таким образом, как видим, для прецедентности важна прагматическая связанность единицы, т.е. вписанная в ее семантику отнесенность к т.н. *прецедентной ситуации*, понимаемой не как какая-то историческая реальная ситуация, а именно как «(...) „эталонная“, „идеальная“ ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу (...)» [Бриченкова 2007: 83-84]. Иногда исследователи указывают на вторичность прецедентных функций, особенно прецедентных высказываний, относительно преце-

дентных феноменов, текстов или ситуаций: «За прецедентным высказыванием всегда стоит прецедентный феномен, прецедентный текст и/или прецедентная ситуация» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 94–95]. Тут важно это и/или, поскольку возможны различные пути становления прецедентных единиц.

Анализируя ПВ по уровню связанности с текстом-источником или ситуацией-источником, можно выделить три их группы:

- ПВ, полностью сохранившие связь с текстом-источником (*Шампанское по утрам пьют или аристократы, или дегенераты; Киса, я давно хотел у вас спросить как художник художника: вы рисовать умеете?*) – это цитатные ПВ, находящиеся на первой стадии становления;
- ПВ, утратившие связь с породившим их источником и приобретшие (приобретающие) статус автономных (*Ты прав, Аркадий, твоя жопа шире; Полковнику никто не пишет: Пить, курить и говорить я научился одновременно*);
- ПВ, не имевшие связи с ПТ или конкретными ПС, являющиеся полноценными автономными единицами, связанными лишь с определенным типом прецедентной ситуации (*Маринованное сырым не бывает; Два раза переехать – всё равно что один раз погореть*).

Привязка к прагматическому типу ситуации – обязательное условие использования ПВ всех трех типов. Фразу *Шампанское по утрам пьют или аристократы, или дегенераты* вполне можно произносить по случаю чьего-то утреннего употребления алкоголя безо всякой связи с фильмом «Бриллиантовая рука», а фразу *Полковнику никто не пишет* – всякий раз, когда почтовый ящик опять оказывается пуст (при этом почти никто из молодых россиян уже не помнит, откуда эта фраза, полагая, что она из песни группы Би-2.)

Таким образом, следующий этап становления языкового прецедента – ситуационная воспроизводимость – заключается в том, что высказывание используется в ситуациях, аналогичных ситуации момента его образования (даже если сама эта ситуация нам совершенно неизвестна). Использование в аналогичных ситуациях редко требует ссылки на первичную ситуацию и автора. Неотъемлемой частью данного процесса является т. н. *прецедентный потенциал*. Он заключается в том, что высказывание может приобрести статус прецедентного при наличии благоприятствующих тому обстоятельств. к внутренним формальным условиям, входящим в прецедентный потенциал, можно отнести:

- выразительность и прагматическая релевантность ситуации, в которой текст появился первично, позволяющая ее выделить и запомнить;
- тематическая затребованность: содержание высказывания органично вписывается в жизненную идеологию определенного социума (такого рода ситуации характерны для данного сообщества);
- универсальность содержания, позволяющая использовать единицу в аналогичных ситуациях: («Универсальные (...) высказывания – как форма проявления категории обобщенности – самодостаточны для понимания, автосемантически. Отражая общеизвестные истины, они естественно и легко изымаются из контекста; универсальные высказывания обычно афористичны, ближе всего стоят к половицам» [Рагимова 2008: 46]).

Однако, кроме собственно внутренних факторов, на превращение цитатного высказывания в прецедентное влияют факторы социализации, а именно дискурсивная повторяемость и актуальность. Именно они в сочетании с таким внутренним фактором как цельность и простота определенной предикативной структуры (чаще всего запоминаются простые предложения и сложные предложения с упрощенной, периодической и ритмизированной структурой) порождают такое типологическое свойство ПВ как узнаваемость / воспроизводимость. Очевидным является то, что чем чаще данная структура используется, тем более популярной она становится. Однако, преобразование целостных речевых предикативных единиц в элементы лексикона (информационной базы языка) обусловлено еще и тем, что у каждого такая единица запоминается по-разному, а следовательно, каждый использует воспроизводимое высказывание несколько иным образом. Это значит, что прецедентность такой единицы является весьма условной и зависит от индивидуальных факторов. Если рассматривать критерий узнаваемости / воспроизводимости глобально (применительно как к прецедентным высказываниям, так и к прецедентным текстам), потенциал прецедентности можно измерять в уровнях, расположенных на типологической шкале. Можно выделить, как минимум, четыре уровня потенциальной прецедентности речевых функций: нулевой (фактически отсутствие возможности, чтобы данный текст или высказывание стало прецедентным), низкий, средний и высокий.

Нулевой уровень потенциальной прецедентности касается тех текстов и высказываний, которые после порождения не были сохранены в памяти ни одного человека и не были зафиксированы в какой-либо ма-

териальной форме, а, следовательно, воспроизвести его в следующий раз невозможно.

Низкий уровень прецедентности представляют собой запечатленные в какой-то материальной форме тексты, которые почти никогда не воспроизводятся: однажды созданные, они никогда больше не используются. Прецедентность таких текстов исключительно потенциальная. В отличие от незафиксированных речевых произведений, они теоретически все же могут быть воспроизведены.

Средний уровень прецедентности – это тексты, реже высказывания, которые могут быть воспроизводимыми, но не всегда ими становятся, а если становятся – обладают большим количеством вариантов (высокой степенью вариативности), либо запоминаются не в полном объеме. Обычно это популярные тексты или их фрагменты, которые в силу своей структурной или семантической сложности в лучшем случае могут воспроизводиться «с листа» или цитироваться, но не поддаются мнемоническим процедурам (хотя нельзя исключить наличие уникамов, которые способны запомнить наизусть всю «Войну и мир»).

Высокий уровень прецедентности – это высказывания, реже небольшие, чаще ритмизированные тексты, обладающие высокой степенью повторяемости, целиком запоминающиеся и используемые при одновременно низком уровне вариативности. к ним принадлежат, прежде всего, ПВ, но также анекдоты, стихи, считалки и др. тексты фольклорных и постфольклорных жанров.

Однако на этом не заканчивается процесс формирования языкового знака. Особенностью, отличающей языковой знак от речевого, является его инвариантность. Так же, как интертекстуальная цитатность высказываний и текстов, – это первый шаг к прецедентности, прецедентность (системная воспроизводимость) высказываний и текстов – это первый шаг к их инвариантности. В языковой системе воспроизводимых инвариантных знаков мы не находим ни словоформ, ни свободных словосочетаний, ни предложений, ни сверхфразовых единств, ни текстов. Все эти единицы производимы по языковым моделям, а не воспроизводятся из языковой системы. Именно воспроизводимость является условием, преобразующим речевые единицы в языковые.

Каждый языковой знак, с одной стороны, обобщает ряд речевых знаков (представляет собой их класс-инвариант), а с другой, может быть реализован в речи через ряд вариативных знаков (представляет собой класс-парадигму речевых вариантов). Если в случае слов фактор инвариантности «вписан» одновременно в процедуры словопроизводства (в

модели словообразования) и словоупотребления (в морфологические модели) – потенциально каждая новообразованная в речи словоформа может стать словом, т. е. оказаться сохраненной в языковой памяти не как отдельная форма, сопряженная с единичным значением, а как целостный класс соотношения парадигмы форм с парадигмой значений, то с аналитическими номинативами или предикативными знаками такие процессы автоматически не происходят. Единственным путем к их инвариантности является именно прецедентность их использования. Особенно важным это становится в случае предикативных лексических знаков, т. е. ПВ. Использование предикативных знаков не вследствие образования их по моделям речепроизводства (синтаксическим моделям предложения или СФЕ), а именно путем их воспроизведения как целостных единиц, отнесенных к множеству предыдущих их использований, является свидетельством того, что перед нами полноценный языковой предикативный знак – прецедентное высказывание.

2.4. Социокультурная и дискурсивная дифференциация прецедентных функций

ПВ оказываются одним из важнейших объектов лингвокультурологии, социолингвистики и дискурсологии, поскольку «они указывают на интеллектуальные, эмоционально-оценочные и ценностные особенности мировидения народа, поставляя модели, структурирующие поведение представителей лингвокультурного сообщества. Прецедентные высказывания как продукт речевой деятельности „хранятся” в сознании, частотно воспроизводятся в дискурсе и указывают на ценностно-смысловые центры культуры, а также на способ трансляции этнокультурных ценностей» [Павликова 2005: 17]. Поэтому кроме собственно структурного и генетического аспектов, рассмотренных ранее, не менее важным для квалификации и типологизации прецедентных функций является социолингвистический аспект.

Некоторые ученые считают, что прецедентные функции (феномены) включают в себя инвариантную и вариативную части. Под первой подразумевается «наличие неких обобщенных признаков прецедентного феномена, которые известны достаточно широкой аудитории и обязательно присутствуют в структуре индивидуального концепта прецедент-

ного феномена каждой языковой личности» [Золотарев 2016: 8], вторая же составляющая «носит частный характер и зависит от особенностей апперцепции языковой личности» [там же: 9]. Именно это позволяет прецедентным функциям отражать особенности индивидуальных и коллективных картин мира и позволяет выделить у них такие свойства, как эталонность и аксиологическая маркированность (т.е. ценностный характер).

В литературе предмета выделяют, как минимум, три уровня функционирования прецедентности – социумный, национальный, и универсальный. Тем не менее, следует отметить, что вопрос определения конкретных уровней, а также их количества на данный момент в научной литературе остается нерешенным. Так, Красных выделяет в своих работах только эти три типа прецедентности: социумные прецеденты, известные любому среднему представителю того или иного социума; национальные – известные любому представителю определенного лингвокультурного сообщества и универсальные – известные любому современному индивиду [Красных 2002], следовательно можно прийти к выводу, что автопрецеденты в рамках данной концепции не рассматриваются. Концепция Слышкина также исключает автопрецеденты. Но при этом исследователь выделяет пять уровней прецедентности: микрогрупповой, макрогрупповой, национальный, цивилизационный, а также общечеловеческий [Слышкин 2000: 29], а «Единственным классом, который необходимо исключить, является класс индивидуальных прецедентных текстов. Такое понятие содержало бы противоречие в самом себе. Текст вполне может служить основой для образования индивидуального концепта, но прецедентным текст становится лишь в процессе коммуникации, когда носителю концепта удастся добиться того, чтобы текст был включен в систему ценностей какой-либо группы» [там же: 30]. Нам кажется, представленные рассуждения содержат в себе одно существенное недоразумение, причиной которого является социоцентрическая методологическая установка. Авторы верят в то, что языковой знак существует как нечто сверхличностное. В антропоцентрической перспективе, наоборот, любая иная онтологическая форма существования языка считается метафизическим гипостазированием языка как функции опыта конкретной языковой личности. Говоря же о социолингвистическом характере прецедентов, речь следует вести не о том, где, в каком языковом коллективе существует прецедентная единица, а где, в какой сфере общения она функционирует (1) и для какой сферы является «своей» (2). В этом смысле вполне можно себе предста-

вить, например, текст, созданный конкретным человеком, который знает только он и которым он ни с кем не делился. Кроме того, по второму критерию – «свойскости» – можно говорить об идиостилевых прецедентных единицах, характерных для речи конкретного индивида. Такие единицы известны другим людям: все знают, что это типичные фразы или тексты именно для этого человека (например, придуманные им самим сентенции, декларации, делиберации или целостные рассказы из его жизни, который он постоянно воспроизводит почти без изменений). При этом никто, кроме данной личности, этих прецедентов не использует. А значит, при социолингвистической дифференциации ПВ следует брать во внимание не только среду распространения, но и маркирующую функцию единицы.

В то же время некоторые из выделяемых упомянутыми выше учеными социальные типы прецедентов вызывают сомнения. Так, например, очень сложно представить себе, что такое *универсальные* прецедентные функции (феномены). Представители евроамериканского цивилизационного круга или иудеохристианского религиозно-культурного круга в силу своего доминирования ошибочно полагают, что характерные для их систем идеалы и максимы – это не что иное, как т.н. *универсальные ценности*. События последних десятилетий в Азии и Африке заставляют усомниться в этом. Хождение в джинсах, потребление Кока-Колы и использование автомата Калашникова – еще не признак идеологической или мировоззренческой универсализации. А секуляризация Европы вместе с экспансией ислама ставит под сомнение универсальность иудеохристианских ценностей. Поэтому поддерживая идею Слышкина о выделении цивилизационных прецедентов, мы все же отрицаем существование прецедентов общечеловеческих.

Представители когнитивной теории прецедентности говорят обычно об «инварианте восприятия» прецедентной функции: согласно этой концепции, в когнитивной базе любого индивида хранятся не столько представления о прецедентных феноменах как таковых, сколько инварианты существующих и возможных представлений о них: «при наличии индивидуальных вариантов восприятия (...) существует инвариант восприятия прецедентного феномена, общий для всех членов данного культурного сообщества, включающий национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 84]. Наверное, то же касается всех остальных социолингвистических видов ПВ, а не только национально-культурных.

Рассмотрим, какова онтология прецедентности с точки зрения функционально-прагматической (т. е. антропоцентрической) методологии. Процесс декодирования любых прецедентных функций – это всегда индивидуальное речемыслительное развертывание концепта, который скрывается за конкретным прецедентом и возбуждает у носителя языка определенные ассоциации, образные представления, коннотации (например, культурные или коммуникативные), которые непосредственно не вытекают из ситуации. Успешная декодировка осуществляется только тогда, когда определенная прецедентная функция имеет свой аналог в картине мира и когнитивной базе адресата. В итоге даже неожиданное использование ПВ активизирует всю цепочку, которая хранится в сознании слушателя, т. е. в итоге происходит раскрытие адресатом определенных подтекстов, к которым апеллирует адресант. ПВ ориентировано на конкретного адресата или группу адресатов, которые должны опознать интертекстуальную ссылку, а также адекватно понять стоящую за ней интенцию. В таком случае собеседники понимают друг друга по одной фразе, без выяснения подробностей; поскольку контакт был установлен с помощью указанного прецедентного высказывания.

Применение уже функционирующих прецедентных функций в речи актуализирует в сознании адресата определенный ассоциативный ряд, т. е. отсылает за рамки речи в область его знаний и мышления. Используя такую единицу, адресант коммуникации ожидает, что будет правильно понят, т. е. ожидает реакции, подтверждения получения сообщения или действия (если, конечно, он избирает в качестве стратегии речепроизводства коммуникацию, а не экспрессию). Адекватное понимание обеспечивает сходное понимание данного прецедента, которое должно вызывать аналогичные ассоциации у обоих участников коммуникации, т. е. актуализацию того же запаса единиц в когнитивной базе языка. Различия же в данном запасе и различия в способе мировосприятия (как и различия в прагматических дискурсивных установках) могут быть причиной неправильного или неполного понимания собеседников, а также полных коммуникативных неудач. Неадекватное понимание определенной прецедентной функции также может быть обусловлено тем, что адресаты вкладывают различное (иногда индивидуальное) значение в воспринимаемую единицу и различно ее интерпретируют, что впоследствии может привести к варьированию ее значения в речи. Поэтому уже само выделение социально или национально маркированных прецедентных функций создает предпосылки для такого индивидуального расслоения запаса прецедентов. Напомним также, что прецедентный фонд довольно подви-

жен. Постоянно появляются новые прецеденты, сначала как цитаты, привязанные к автору или подразумевающие некую отправную точку (текст, речевое событие). На этом этапе владение прецедентом сложно назвать социальным или этнокультурным. Но и впоследствии запас прецедентных текстов или высказываний у каждого индивида остается различным. Поэтому игнорирование идиолектного или хотя бы идиостилевого фактора в этом вопросе мы считаем ошибочным. Формирование языкового запаса ПВ имеет всегда индивидуальный характер и обусловлено множеством факторов, в том числе неизбежной изменчивостью структуры во время использования. Запас ПВ отражает опыт индивида и актуализируется на основе информационных, эмоциональных, волевых стимулов. Данное явление может быть также результатом неправильного понимания услышанного, трансформации из-за недоразумений или просто невежества.

От рассмотренных выше концепций социолингвистической дифференциации ПВ качественно отличается концепция Д. Гудкова, который предложил четыре социальных уровня прецедентности: самый элементарный – автопрецедентный уровень (реализуемый в идиолекте); социумно-прецедентный (выступающий в масштабах группы); национально-прецедентный (относящийся к этносу), к которому относятся прецеденты, хорошо знакомые среднему представителю лингвокультурного сообщества, и универсально-прецедентный, к которому относятся прецеденты, рассматриваемые в масштабах всего человечества [Гудков 2003: 103]. Здесь, как видим, допускается возможность обладания собственными, индивидуальными или индивидуализированными прецедентами (о неприемлемости выделения универсально-прецедентных единиц мы уже говорили).

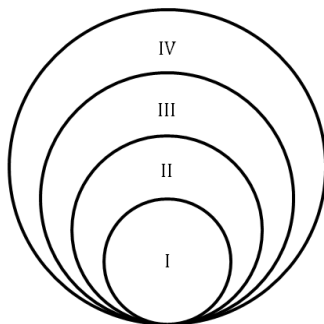
Э. Гос, так же, как и Гудков, выделяет: автопрецеденты, общественные прецеденты и универсальные прецеденты [Gos 2006: 80–81]. В данной классификации также учитывается индивидуальный уровень, которого не хватает у других. Согласно Гос, автопрецеденты имеют личностный характер, это значимые воспоминания, важные мысли, которые представляют особую ценность для конкретного человека. И это уже не индивидуализированность, а полная индивидуальность. Общественные же прецеденты являются совместными воспоминаниями и мыслительными максимумами для определенной группы (семья, профессиональная группа, группа верующих, нация). Об универсальных прецедентах (невербальных, естественно) Гос высказывается сдержанно, так как их суть должна была бы заключаться в общеизвестности для всех представителей человеческого рода (что невозможно) [там же]. Скорее всего, такую условную

универсальность можно было бы приписывать прецедентным единицам узкой культурной группы, составляющих элиту т. н. мирового сообщества. Можно, конечно, и вовсе абстрагироваться от т. н. универсальных прецедентных функций, т. к. очень тяжело привести пример такого прецедента, который был бы известен безусловно всем людям на Земле.

Основываясь на двух последних концепциях, мы предлагаем следующее деление прецедентных функций по степени социализации (распространенности их функционирования):

- идиостилевые прецеденты – т. е. те, которые характерны для индивида, обусловлены его предпочтениями и спецификой его жизненного опыта; они могут быть индивидуально созданными или происходить из общего языкового запаса и быть просто индивидуально предпочитаемыми, но также могут быть индивидуально интерпретируемыми;
- социальные (групповые, социолектные) прецеденты – набор прецедентов, популярных и характерных для определенной социальной группы;
- национальные прецеденты – присущие определенному этнокультурному сообществу;
- культурно-цивилизационные (межкультурные) прецеденты – характерные для нескольких этнокультурных сообществ, обладающих сходными цивилизационными чертами.

Подытоживая вышеприведенные классификации, все прецедентные функции можно свести к схеме (Рис. 3):

(I – Сверхнациональные (культурно-цивилизационные) прецеденты; II – Национальные прецеденты – макрогрупповые, этнокультурные; III – Социальные (групповые) прецеденты – микрогрупповые, дискурсивные прецеденты, например: семейные, студенческой группы, субкультуры и т. п.; IV – Идиостилевые прецеденты)

Рис. 3. Схема социокультурной дистрибуции прецедентных функций

Может показаться, что здесь нарушена логика и индивидуальная группа прецедентов должна быть самой мелкой и все прецедентные функции по очереди должны входить во все более широкие социальные круги. Но это реалистическая или метафизическая логика. В антропоцентризме логика обратная. Носителем картины мира (в т. ч. языковой) является конкретный индивид, а значит социокультурная, этнокультурная или культурно-цивилизационная картины мира могут находиться только и исключительно в сознании у конкретного человека. Таким образом, идиолект – это самая широкая система языковой картины мира. Социолектная информация – это лишь часть идиолектной информации. Каждый человек может обладать социолектными ПВ, но это лишь часть его запаса, поскольку наряду с обиходно-бытовыми, он может знать также научные, экономические, артистические, политические, религиозные ПВ. Лишь часть из этих всех социолектных прецедентов может быть отнесена к т. н. общенациональному фонду, т. е. быть известными всем носителям данной этнокультуры. Значит, запас национальных ПВ по определению должен быть уже социолектных. Но человек может знать больше одного языка и быть носителем более одной этнокультуры. Значит, в его сознании есть какая-то часть ПВ, характерная не только для одной национальной культуры, но общая для нескольких такого рода языковых культур. Поэтому ясно, что запас цивилизационных прецедентов не может быть велик.

Можно говорить также о широкой и узкой сфере бытования прецедентных функций. Это обусловлено тем, что любой пользователь является одновременно индивидуальной и коллективной языковой личностью, так как он, с одной стороны, обладает собственным идиостилем (и единственным реальным носителем языка как информационно-психической системы знаний, умений и навыков), а с другой – принадлежит к определенной социальной группе, зачастую не одной. Это означает, что те или иные прецедентные функции могут относиться одновременно к нескольким группам, или, поскольку их естественным «носителем» является индивид, – могут со временем переходить из одной группы или категории в другую.

Конечно, из всех, перечисленных выше, наивысшей степенью реальности и конкретности обладают идиостилевые прецеденты, которые функционируют как тот элемент идиолекта, который характерен для активной дискурсивной деятельности данной личности. Каждый человек знает и понимает намного больше знаков, чем использует или любит использовать. Идиостилевыми ПВ (IV) на представленной выше схеме

являются те, которые остаются в идиолекте после вычитания из нее известных данному человеку, но не используемых им ПВ из трех оставшихся полей (III, II и I). Фактически данная схема представляет именно идиолект. Идиолект – это сумма идиостилевого (IV), социолектного (дискурсивного) (III), общенационального (II) и культурно-цивилизационного (I).

Категория прецедентности довольно динамична, запас прецедентных знаков постоянно меняется, причем это происходит на всех уровнях (индивидуальном, социальном, национальном и культурно-цивилизационном) – одни из них устаревают и выходят из употребления, другие подвергаются смысловым и структурным трансформациям, приобретают иной смысл и таким образом начинают функционировать как совершенно новые единицы, а наряду с ними постоянно появляются новые прецеденты. Многие факторы, такие как глобализация, развитие общества, актуальные события, изменение моральных ценностей, могут иметь существенное влияние на формирование запаса прецедентных функций. Есть общества с сильным внутренним социолектным расслоением, в которых функционируют параллельные, зачастую не покрывающиеся корпусы прецедентов. Есть также многоязычные общества, в которых функционируют прецедентные высказывания на разных языках.

По мнению М. Золотарева, на степень закреплённости прецедента влияет, прежде всего, его значимость для пользователей, а вот интенсивность процесса накопления прецедентных функций и срок их «жизни» прямо связаны с характером оборота информации в обществе. Как пишет ученый, «объем прецедентных феноменов значительно возрос после изобретения книгопечатания и распространения книг различных авторов. Появление газет, а затем и телевидения, ускорило процесс обновления когнитивных баз прецедентных феноменов и расширило сферы их источников. На данный момент процесс возникновения и „отмирания” прецедентных феноменов (а также их объем и варьирование) значительно ускорился за счет появления глобальной сети Интернет и общения людей в социальных сетях. Речевые стратегии современных носителей языка подвергаются воздействию изменяющихся условий протекания коммуникации, что закладывает основы формирования нового типа языковой личности, для которой общение в виртуальном пространстве становится обыденным явлением» [Золотарев 2016: 10]. Это самым непосредственным образом влияет на исследуемые в нашей работе обиходно-бытовые ПВ, поскольку в доинтернетную эпоху их широкое распространение в российском обществе существенно сдерживалось сначала социальным

расслоением общества в царской России (обиходно-бытовые макродискурсы российской знати, разночинцев, крестьян, купцов, духовенства и пролетариев существенно различались и были зачастую отделены друг от друга, создавая «параллельные» языковые миры), а в советское время – цензурой и культом «литературного языка». Зато ликвидация сословий в советском обществе нивелировала различия между социальными слоями, а сталинские репрессии привели к тому, что огромные массы интеллигенции, рабочих и крестьян прошли через лагеря и вынесли из них громадное количество арготизмов и воровских жаргонизмов (особенно после амнистии 1953 года) в сферу обиходно-бытового дискурса, особенно т. н. городского фольклора. Демократизация публичной сферы опыта в постсоветские времена и уничтожение цензуры создали самые благоприятные условия для широкого проникновения этого, сниженного типа ПВ из обиходно-бытового макродискурса малообразованных масс сначала в постфольклор, а затем и в публичную сферу обиходного дискурса. С популяризацией в России Интернета, а особенно с появлением социальных сетей (сетевых сообществ) обиходно-бытовой лексической запас, включая клише, фразеологию и прецедентные единицы, стал широкой информационно-лексической базой для демократичной по своей сущности сетевой коммуникации.

Ключевым социолингвистическим фактором анализа интересующих нас прецедентных единиц является дискурсивное расслоение лингвосомиотического опыта, а это значит, что наше внимание сфокусировано на второй, социокультурной группе прецедентов. Каждый макрокурс обладает собственной базой ПВ. В науке это разного рода тезисы, постулаты и формулы, известные ученым (причем дифференцированно – по научным дисциплинам), в философии – характерные для разных ее направлений философские максимы, умозаключения, утверждения, которыми пользуются обычно философы для определения тех или иных направлений и концепций, в экономическом макродискурсе – производственные, правовые, управленческие, дидактические максимы, директивы, положения, штампы, шаблоны, необходимые для достижения большей эффективности коммуникации, сотрудничества и управления. Все они могут иногда выходить за пределы своего макродискурса в область соответствующих метадискурсов – познавательного, мировоззренческого или делового – в которых кроме специалистов, участвуют также любители или клиенты. Аналогично выглядит ситуация в общественно-политическом макродискурсе, где существуют свои фонды прецедентных единиц идеологического характера, которыми обычно

пользуются профессиональные идеологи, политики и общественные деятели разной направленности. Как и в предыдущих случаях, этого рода ПВ могут становиться достоянием широкой общественности, когда выходят за пределы этого макродискурса в область публичного метадискурса – через общественную жизнь и массмедиа. Несколько сложнее обстоит дело с литературно-художественными прецедентными высказываниями, поскольку произведения искусства изначально создаются не для самих писателей, режиссеров и артистов, а именно для читающей публики, а значит все собственно литературные прецедентные высказывания сразу же после публикации становятся достоянием общественности и начинают функционировать в эстетическом метадискурсе. Особенность их заключается также в том, что до эпохи постмодернизма цитирование или интердисциплинарное отнесение к чужому творчеству не было столь явным и целенаправленным. Ранее это были, скорее, подражания, воздаяния дани уважения или, наоборот, сатирическое пародирование своих коллег или предшественников. Постмодерн превратил практику интердисциплинарного заимствования в художественный прием. Наконец, интересующие нас обиходно-бытовые ПВ – это наиболее синергетический, натуральный и низовой слой прецедентного фонда, прямо связанный с частной, личной коммуникацией в быту, связанный с первичными экзистенциальными (часто физиологическими) потребностями и витальными ценностями. В языковом отношении это обычно лексический фонд, определяемый как разговорный или просторечный, включая обценную и вульгарную лексику. Благодаря факторам демократизации, о которых мы уже упоминали выше, разговорные и просторечные ПВ выходят за пределы обиходно-бытового макродискурса в область обыденного метадискурса, смешиваясь в нем с частью прецедентов, широко распространенных в других метадискурсах, особенно эмоциональных (т.е. публичном и эстетическом). Первоначально возникшие в различных макродискурсах прецедентные высказывания, проникая в обыденный метадискурс, а через него – в обиходно-бытовой макродискурс, начинают приобретать черты разговорности и просторечности, особенно после того, как подвергнутся разного рода деформациям и трансформациям: *И днем и ночью кот ученый все ходит поц; Все течет, все из меня; Пионерка всем детям примерка* и под.

В. Н. Силантьева в ходе своего исследования выделила семь главных источников прецедентных феноменов: литература, фольклор, музыка, кино/телевидение, история/политика, религия/мифология, спорт [Си-

лантьева 2010: 110]. Несложно заметить, что все это сферы, которые обслуживаются обычно публичным, эстетическим или мировоззренческим метадискурсами. Как считают Казак и Махова, источниками цитат-прецедентов могут быть виды устной народной словесности, сказки, устно-поэтические произведения, предания, мифы, художественная литература, Библия и даже невербальные культурные знаки. Авторы называют эти источники «классическим» или «хрестоматийным» культурным фондом. Но кроме него указывают также на другой источник – медиадискурс (т.е. фактически публичный и обыденный метадискурс), посредством которого тексты из различных макродискурсов распространяются в социальной среде [Казак, Махова, 2011].

Диапазон обиходно-бытовых прецедентных высказываний в области обыденного дискурса охватывает широкий спектр единиц: от клишированных предикативных структур чисто коммуникативного характера до паремий и антипаремий. Источники данного запаса разнообразны: фольклор, постфольклор, СМИ, произведения массовой культуры (анекдоты, популярные художественные и анимационные фильмы, песни, рекламные ролики, режиссерские – литературные произведения), а также бытовая и общественная коммуникативная практика.

К классическим обыденно-бытовым ПВ можно отнести:

- паремии (пословицы и поговорки) – *Дареному коню в зубы не смотрят; Комар носа не подточит; Яйцо курицу не учит; Беда не приходит одна;*
- антипаремии (антипословицы и антипоговорки) – *Чем дальше в лес, тем больше извращенцев; Куй железо, пока Горбачев;*
- афоризмы (реальные или мнимые высказывания известных личностей) – *Хотели как лучше, а получилось как всегда; Вставайте граф, вас ждут великие дела; Караул устал;*
- киноцитаты – *За чужой счет пьют даже трезвенники и язвенники («Бриллиантовая рука»); Короче, Склифосовский! («Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика»); Давайте жить дружно! («Приключения кота Леопольда»); Голова – предмет темный и исследованию не подлежит («Формула любви»); Это просто какой-то праздник! («Буратино»);*
- литературные цитаты – *Почем опиум для народа, святой отец? (И. Ильф и Е. Петров), Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах (М. Горький), Я достаю из широких штанин (В. Маяковский), Если тебе изменила жена, то радуйся, что она изменила тебе, а не отечеству (А. Чехов);*

- языковой узуальный запас – *Чао какао! Приветики! Сколько время? Как делишки? Пошел вон! Вам череп не жмет? А не пошел бы ты? Вперед и с песней! Черт поберу! Ну надо же?! Ни фига себе! Ясен пень.*

Попадание литературных и киноцитат в обыденный, а через него – в обиходно-бытовой прецедентный фонд обычно обусловлено либо тематикой (физиология, повседневность), либо прагматикой (витальные ценности и эмоциональная оценочность), реже формальными факторами (лаконизм, ритмичность). Все перечисленные ПВ (кроме последней группы) определяются нами как культурно-когнитивные. Последний вид мы называем коммуникативными.

2.5. Прагматическая типология прецедентных высказываний (общие замечания)

Коммуникация в обыденном метадискурсе осуществляется на двух уровнях: на утилитарном (собственно коммуникативном, истоки которого уходят в обиходно-бытовой макродискурс) и культурном (социально-групповом, восходящем к публичному метадискурсу). На собственно коммуникативном уровне главной целью общения является ситуативное выражение интенции и воздействие на собеседника, чаще всего направленные на невербальный результат общения. Любое прецедентное высказывание в нашем понимании – это, с одной стороны, семантически самостоятельная единица лексикона, выполняющая структурную, конструктивную функцию в речи (тексте), с другой же стороны, ПВ – это элементы когнитивной базы языка, имеющие собственный, самостоятельный прагматический потенциал. С прагматической точки зрения прецедентные высказывания в целом служат самовыражению субъекта (выражают некое стандартизированное отношение говорящего к предмету речи, в т. ч. эмоции и волю) или стандартизированный способ воздействия на адресата. Прецедентные высказывания, функционирующие в области обыденного метадискурса, – это ментально-языковые единицы, репрезентирующие два вида предикативной информации:

- коммуникативно значимые когитации утилитарного характера (актуальные представления об эмоциональных состояниях, волеизъявлениях и оценках) и

- культурно значимые когитации и рефлексивные оценки (мысли, суждения, умозаключения, нередко парадоксальные или абсурдные).

Первые мы предлагаем называть *коммуникативными (утилитарными)*, вторые – *культурно-когнитивными прецедентными высказываниями*.

Поэтому при изучении функционирования ПВ и для правильного отнесения конкретного ПВ к той или другой группе огромную роль играют: прагматика речевой ситуации, ситуационная интенция (цель, мотив) адресанта, способность адресата правильно интерпретировать высказывание, а также внеязыковые факторы и экстралингвистические условия (социальные, культурные, психологические).

ПВ при помощи как если бы «чужих», готовых предикативных структур позволяют участникам обыденного общения в различных дискурсивных ситуациях выражать собственные эмоциональные и волевые состояния, а также разного рода оценочные суждения, касающиеся их собственных черт, свойств и характеристик их собеседников и третьих лиц, а также свойств и характеристик предмета и обстоятельств общения. Прецедентные высказывания могут выполнять субъектно-информационные функции, быть средством коммуникативного побуждения или принуждения, выражать согласие или несогласие, служить средством изменения хода разговора, выражения своей точки зрения или выполнения иных прагматических функций как выразительного, так и коммуникативного характера, например, быть средством выражения иронии или юмора. Все функции, реализуемые при помощи ПВ, можно разделить на две группы: интенциальные и интенциональные (используя термины Дж.Остина, можно было бы их еще назвать *иллокутивными* и *перлокутивными*).

Интенциальность ПВ состоит в том, что они могут и должны быть, прежде всего, средством экспрессии, самовыражения, т. е. выражения собственной точки зрения, оценки, своей индивидуальности и самосознания, а также средством проявления психического и эмоционального состояния. Данная функция обуславливает возможность реализации личностной коммуникативной интенции. В рамках реализации данной функции ПВ являются средством культурного единения с собеседником, отсылая к тому, что ему известно, опираясь на общность знаний (совместной культурно-языковой компетенции). Подвидом культурной интенциальности является т. н. *парольная* функция, определяющая принадлежность к определенной группе, распознавание «своих» и «чужих», а также идентификация говорящего с определенной группой. В ходе ее

реализации может возникать иллюзия принадлежности к одному и тому же культурному кругу: собеседники понимают друг друга с «полуслова», по отрывкам фраз, аллюзиям, реминисценциям, без выяснения подробностей. Именно прецедентные единицы становятся такими своеобразными «паролями» соучастия в одном культурном дискурсе. Одной из разновидностей интенциональности является и выполняемая многими культурными ПВ орнаментальная функция, т. е. функция украшения, оживления речи. Большинство культурно-когнитивных ПВ выполняет именно такую, интенциональную функцию, поскольку представляют собой способ через готовые фразы выразить говорящим некие умозаключения, с которыми он отождествляется. Однако значительная часть коммуникативных ПВ экспрессивного плана также позволяет говорящему выразить уже готовыми формулами собственные психические состояния (эмотивные или волитивные).

Интенциональные функции имеют целью побуждение адресата к интеракции (коммуникативной реакции, обсуждению), возбуждение его интереса и побуждение его к дальнейшим некоммуникативным действиям. Интенциональность ПВ состоит в некоем контроле над поведением других, например, в побуждении собеседника к предоставлению говорящему необходимой информации, установлении и поддержании вербального контакта, склонении его к желательным для говорящего поступкам, введении его в определенное эмоциональное или волитивное состояние. Последняя функция обычно называется *персуазивной*. Чаще всего этой цели служат именно коммуникативные ПВ прескриптивного типа. Однако часть культурно-когнитивных ПВ также обладает интенциональной направленностью на собеседника. Сюда можно отнести, прежде всего, те обыденно-бытовые ПВ, которые выполняют прескриптивную («мудрые» советы и рекомендации), а также людическую функцию, предполагающую вовлечение адресата в своеобразную языковую игру: говорящий задает когнитивно-речевую загадку, а адресат ищет на нее ответ, пытаясь преодолеть отстранение.

Поскольку нас интересует, прежде всего, запас обиходно-бытовых ПВ, анализ языковых единиц и описание их значений должны проводиться на материале естественных речевых ситуаций носителей языка, реже – на материале письменных источников (личная переписка, форумы, комментарии в соцсетях). ПВ культурного типа сравнительно стабильны, хотя в речи носителей языка может бытовать несколько вариантов одного и того же культурно значимого прецедента (в виду этнокультурного и социального расслоения общественной группы). Преце-

денты коммуникативного типа наиболее подвержены изменениям в силу их чисто утилитарного предназначения. Здесь сложнее установить однозначно, имеем ли мы дело с одним и тем же прецедентом в разных его вариантах, или же это разные, хотя и генетически связанные друг с другом (омонимичные) ПВ. Довольно часто весьма сходные по форме и содержанию ПВ коммуникативного типа могут отличаться некоторым смысловым и прагматическим нюансом, который требует их различения как единиц лексикона.

Деление ПВ на коммуникативные (утилитарные) и когнитивно-культурные обусловлено семантическими, прагматическими и структурными факторами. Первые имеют собственно содержательный характер (т. е. служат для формирования содержания коммуникативного акта), вторые же – характер чисто культурных знаков, связанных с выражением обобщенных идей, максим, ценностных установок и обладают свойствами т. н. «коллективной мудрости». «Народные мудрости» не случайно называются именно так: они являются до определенной степени фольклорными функциями или же претендуют на такой статус, поскольку отражают коллективные знания и отношение к миру, закрепленное в традиции и используемое говорящим как своеобразный аргумент к авторитету. Анализ фонда когнитивно-культурных ПВ определенной социокультурной группы дает возможность установить ее характер и господствующие в ней правила, когнитивно-культурные ПВ определенной этнокультурной группы позволяет определить ряд характерных для культуры данного народа реалий и черт, в свою очередь анализ когнитивно-культурных ПВ цивилизационного типа как нельзя лучше выявляет господствующую в некоторой культурно-цивилизационной системе иерархию ценностей. Следует подчеркнуть, что и коммуникативные (утилитарные), и культурно-когнитивные ПВ обладают статусом языкового и культурного знака одновременно, с той разницей, что у вторых культурный признак обычно выступает с большей интенсивностью.

Коммуникативные ПВ с семантической точки зрения представляют собой информацию о сиюминутном индивидуальном волевом акте, эмоционально-волевом, реже – когнитивном состоянии говорящего. Практически всегда они выполняют функцию организации речевого или, шире, дискурсивного события. Когнитивно-культурные ПВ не организуют речь, а собственно коннотируют ее содержание, придавая ей культурную значимость, поскольку данные единицы сами по себе интенсивно концентрируют лингвокультурные знания.

Со структурной точки зрения коммуникативные ПВ представляют собой простые (очень редко – сложные) предложения различной целевой направленности (часто вопросительные или побудительные), нередко – неполные и эллиптические, а также нечленимые предложения: *Который час? Как дела? Пошел отсюда! Разбежался! Дык ёлы-палы.* Коммуникативные ПВ в речи могут быть как самостоятельными высказываниями, так и составными элементами предложений (чаще всего вводными). Организационно-строевая функция таких прецедентов порождает феномен их широкой лексико-грамматической вариативности (за счет синонимии и разного рода модальных маркеров, например частиц и местоимений): *Как дела? Как делишки-то? Как оно? А сам как? Ну как там?* Когнитивно-культурные же ПВ обычно обладают формой членимого и полного предложения (*Задолбешься пыль глотать; На хрена попу баян?*), нередко – сложного (*Что такое не везет и как с ним бороться; Если хочешь поработать, ляг, поспи и все пройдет*). Это приводит к тому, что культурные ПВ чаще подвергаются разного рода сознательным и намеренным гибридизациям и трансформациям. Одним из результатов таких процессов являются антипословицы – вторично фольклоризованные паремические тексты, дополненные новыми мотивами или наполненные новым содержанием и смыслом, которые структурно очень часто строятся на усечении или дополнении компонентов, иногда замене или контаминации нескольких паремий (*Вот тебе бабушка и юркну в дверь; Кто к нам с чем зачем, тот от того и того; Уходя, гасите всех*).

Различны и цели использования данных единиц: если коммуникативные ПВ являются релевантными, прежде всего, для характера и формы общения, т. е. представляют собой строевые, часто фатические единицы, нередко служат инициации разговора или ответа, побуждению собеседника к действиям, выражению своего эмоционального состояния и отношения к ситуации, то когнитивно-культурные ПВ представляют собой оценочно-смысловое дополнение к высказанной в дискурсивной ситуации мысли, и, хотя относятся к содержанию высказываемого, обычно все же выполняют чисто орнаментальную функцию. Главная задача культурного знака – не решать утилитарные проблемы общения, а вербализовать культурно значимые мысли, придавая сказанному дополнительную коннотацию. Такое ПВ придает содержанию речи социальную и культурную окраску, коммуникативное же ПВ всегда связано с собственно субъектной информацией: выражает личностные эмоции, волю, отношение субъекта речи к сказанному, собеседнику или ситуации.

Нужно отметить, что коммуникативные ПВ характеризуются общеизвестностью и арефлексией использования, т. е. обладают синергетическим характером, не замечаются во время использования и не требуют специальной предварительной подготовки перед использованием, что приводит к тому, что во многих случаях их употребление даже не осознается. Когнитивно-культурные ПВ имеют гораздо более выраженный кибернетический характер: актуализация в речи данных единиц более сложная, так как требует определенной рефлексии и знаний о том, когда и как их вставлять в речь. При этом они могут пониматься только определенным кругом лиц, который их знает и употребляет.

Таким образом, обе группы ПВ отличаются, прежде всего, прагматикой: в коммуникативных ПВ доминирует утилитарная и организационная дискурсивная функция, в когнитивно-культурных ПВ – функция культурно-оценочной коннотации.

Общими чертами обоих типов высказываний является принадлежность к широко понимаемому лексическому запасу (информационной базе языка, лексикону), т. е. им свойственны: воспроизводимость (т. е. сохраняемость в памяти и целостное использование в речи) и распознаваемость, а также предикативный характер и явная коннотированность.

Коммуникативные ПВ характеризуются большей, чем когнитивно-культурные, автоматизированностью использования; это элементарные речевые тактики, которые предполагают шаблонизированное речевое поведение, например, фразы: *Привет, Как дела? Что слышно?* обязательны при встрече; использование их обусловлено определенными традиционными стереотипами поведения и привычками, которые заставляют их произносить. Их использование довольно часто представляет собой выполнение некоторой автоматической речевой программы в зависимости от некоторого коммуникативного эталона. А поскольку утилитарность доминирует в быту, данные типы высказываний в этой дискурсивной сфере весьма распространены. Данные языковые единицы квалифицируются нами как собственно коммуникативные прецеденты не только потому, что за ними стоит привычка и навык, но и потому, что они часто задают определенную (иногда довольно жестко установленную) последовательность развертывания диалога, организацию дискурсивной ситуации. В этом заключается и сценарность ситуации, в которой используются ПВ данного типа: одна высказанная фраза может и часто становится стимулом к столь же шаблонному ответу или шаблонной реакции. Изменение коммуникативного шаблона, если и имеет место в обыденном дискурсе, то чаще всего заключается просто в выборе

варианта из набора заготовок. Реже оно бывает творческим, поскольку это требует высшего уровня рефлексии. Поэтому, если и происходят какие-то изменения шаблона обыденного общения, то обычно они представляют собой языковую игру. Но и в этом случае со временем возникают шаблоны языковой игры.

Коммуникативные прецедентные высказывания в русском обыденном метадискурсе

Вводные замечания (специфика прецедентных диалогов)

ПВ коммуникативного типа нередко функционируют как провокативные или реактивные реплики в качестве средства выражения актуального отношения говорящего к определенному явлению действительности – лицу, предмету, ситуации. Стимулом для использования данных единиц может быть и слово, и фраза, и другие семиотические компоненты шаблонной ситуации, к которой относятся такие ПВ (например, взгляд, жест, смех, улыбка или гримаса). Но таким «стимулирующим» компонентом может быть и другое ПВ. В результате формируется отдельный вид прецедентных высказываний – прецедентный (шаблонный) диалог.

Спорным моментом может казаться принадлежность к кругу наших интересов данных диалогов. Это особо интересный материал исследования, поскольку обиходно-бытовой макродискурс реализуется, прежде всего, в форме диалогической речи. Под диалогом мы понимаем форму речи, состоящую из обмена высказываниями-репликами. Диалог со структурной точки зрения состоит из двух компонентов (например, вопрос–ответ или, шире, акция–реакция) и может восприниматься каждым из участников как сверхфразовое единство, поскольку речевая акция изначально предполагает (прогнозирует) реакцию, а семантика и прагматика реакции немислимы без провоцирующей ее акции. Если уровень предсказуемости реакции при диалоге достигает степени шаблона или стереотипа, такой диалог становится объектом нашего исследования. Нас интересуют как отдельные высказывания, выступающие элементами таких диалогов (особенно если диалог допускает более или менее широкую вариативность), так и сами диалоги в целом (– *Спасибо* – *Не за что* / – *Здорово* – *Здоровее видали* / – *Привет!* – *От приветов слышу!* / – *Здравствуйте!* – *И вам не хворать!* / – *Как дела?* – *Дела у прокурора*). Для различения обычных диалогов и тех, которые характеризуются повторяемостью и воспроизводимостью в устной или письменной речи, мы предлагаем термин *прецедентный диалог*.

Прецедентный диалог – это клишированный, повторяемый диалог, возникший вследствие речевой привычки: «Речевые привычки становятся как для их носителя, так и для окружающих постоянными и обычными, отдельно не воспринимаемыми. Они в виде речевых поступков совершаются машинально, мгновенно, на неосознаваемом уровне» [Куikliна 2005]. Под данным термином мы понимаем сохраняемую в памяти и воспроизводимую единицу, структурно представляющую собой обмен предложениями-репликами в устной или письменной форме, бытующую на социальном (групповом) или индивидуальном уровне (как элемент идиостиля) и функционирующую в обыденном и публичном метадискурсах, которая вызывает определенную реакцию и определенные ассоциации в сознании носителей языка определенной группы. Вариативность большинства прецедентных диалогов склоняет нас к их пониманию как прецедентных фразеосхем.

Обычно первым компонентом прецедентного диалога являются вопросы (*Как дела? Что нового? Как жизнь? Как ты? Что делаешь? Чем занимаешься?*), переспросы (*Кто? Что? Почему? Откуда?*), маркеры вежливости (*Спасибо, Извини, Доброе утро*), речевые волиитивные акты (*Стыдно! Эй! Дай!*) и др. Часто эти фразы представляют собой элемент фатического побуждения к интеракции. Ответы же (речевые реакции) могут быть либо стандартизированными (*Хорошо, Привет, Здравствуйте*) или несколько необычными (*Пока не родила, Дела, как сажа бела*), но все же повторяемыми и узнаваемыми.

Прецедентные диалоги можно типологизировать по структурному, семантическому и прагматическому принципам. В рамках структурной типологии можно выделить простые и развернутые прецедентные диалоги. Первые структурно представляют собой двухкомпонентный диалог, состоящий, обычно, из вопроса (провокации) и ответа (рипоста), которые грамматически являются простыми предложениями, часто эллиптическими, например, – *Что делать? – Сухари сушить;* – *Кто? – Конь в пальто;* – *Откуда? – От верблюда;* – *А? – Хуй на! – Кто там? – Сто грамм*). Вторые же представляют собой либо конструкции, состоящие из нескольких пар реплик, например, – *Как дела? – Да так себе – Выходит, плохо? – Выходит хорошо. Заходит плохо* или же из пары реплик и резюмирующего рипоста: – *Ты какой рукой ешь? Правой или левой? – Правой /левой. – А приличные люди (нормальные люди, я) вилок (ложкой)*.

В плане семантической типологии можно выделить стандартные (собственно стандартные и условно стандартные) и нестандартные прецедентные диалоги. Стандартные прецедентные диалоги представляют

собой диалоги самого высокого уровня воспроизводимости. Некоторые диалоги такого типа обречены только на один ответ (*– Ни пуха ни пера! – К черту!* или *– Христос Воскресе! – Воистину Воскресе!*). Существенную роль здесь играет автоматизм, т. е. в большинстве случаев говорящий не задумывается о выборе соответствующей речевой формулы, а машинально использует усвоенную в опыте фразу. Прецедентные диалоги коммуникативного типа обычно допускают варьирование, т. е. встречается не один, а больше устойчивых ответов (*– Здравствуйте – Здравствуйте / – Добрый день / – Привет / – И вам не хворать!* или *– Как дела? – Все в порядке / – Хорошо / – Нормально*). При этом собственно стандартными диалогами можно назвать те, ответ в которых обычно однозначен и не содержит никакого отклонения от смысла вопроса (*– Как дела? – Нормально / – Хорошо / – Сойдет*), а условно-стандартные – те, которые содержат в ответе дополнительную, обычно коннотативную информацию, т. е. дополнительно информируют о чем-то другом (*– Как дела? – Как сажка бела* или *– Как дела? – Все в шоколаде / – Лучшие всех! / – Все супер*). к нестандартным диалогам мы относим те, которые, хотя и содержат устойчивый ответ, известный в определенных кругах участников обыденного метадискурса, но все же вызывает у инициатора диалога определенный эффект неожиданности и призван внести в диалог дополнительную экспрессивность и привлечь культурно-языковые коннотации. Такие тексты отсылают обычно к внеязыковым знаниям (*– Как дела? – На букву х, не подумайте, что хорошо; – Стыдно должно быть – Стыдно, у кого видно*). Иногда степень воспроизводимости или узнаваемости ответа настолько низок, что можно было бы такой диалог исключить из разряда прецедентных. Однако анализ показывает, что данного типа ответы уже становятся объектом подражания и обладают высоким потенциалом прецедентности (*– Как жизнь? – Как на Марсе – жизни нет; – Как дела? – Дела отлично, жду следующего вопроса / – Вот как вы спросили, лучше стало*).

В прагматическом аспекте мы выделяем два типа прецедентных диалогов: необязывающие и обязывающие. Первые – это диалоги, которые не вносят ничего нового в общение, на них разговор может и закончиться, они выполняют, прежде всего, фатическую функцию. Такие диалоги возникают потому, что так принято говорить и, скорее, привычка, традиция или воспитание заставляет таким образом начать разговор и таким образом реагировать на речевую акцию, например: *– Как дела? – Нормально // – Спасибо, хорошо // – Все в порядке* или *– Готов? – Всегда готов!* Обязывающие прецедентные диалоги, требующие про-

должения разговора, можно разделить на две подгруппы – диалоги, стимулирующие разговор: такие диалоги стимулируют общение, влияют на поддержание разговора, обычно состоят из легко считываемых речевых шаблонов взаимодействия: – *Как дела? – Хорошо, а у тебя? / – Не очень / – Плохо / – Неважно / – Вам это будет неинтересно* (здесь явно содержится ожидание последующего выясняющего вопроса или попытка обратить на себя внимание), и диалоги, стимулирующие прекращение общения (обычно они обладают прескриптивным характером): – *Как дела? – Не твое (собачье) дело / – Пошел к черту! / – Отвали, моя черешня / – Отцепись!*. Такой диалог может возникнуть, например, во время интернет-коммуникации или в реальной жизни, когда целью общения адресанта является установление контакта, но адресат не заинтересован в продолжении общения. Нередко такие ответы имеют эмоциональную окраску и представляют собой рипосты, являющиеся не только проявлениями низкой культуры, но и явными актами языковой агрессии:

– *Да? – В жопе провода! / – Да? – Манда! / – Как дела? – Как легла, так и дала / – Конечно – Конюшня твой дом родной, скотный двор твоя дача / – Кто? – Конь в пальто! / – Можно? – Можно Машку за ляжку // козу на возу // овцу на плацу / – Откуда? – От верблюда! / – А мне? – Рука в говне! / – Дай денег – Поссы на веник / – Ты! – Не тыкай, а то проткнешь! / – Че? – Хуй в плечо! // – Хуй через плечо не горячо, если горячо переложу на другое плечо / – Иди на хуй! – Кусай за хуй: злее будешь / – Покурим? – Покурим у коня под хуем! / – Почему? – По кочану!*

Использование таких ПВ может обретать характер вульгарной языковой игры с намеренной провокацией: – *Пошли! – Куда? – Тащить лошадь из пруда: я руками за узду, а ты губами за пизду*, а иногда превращается в довольно длительную перебранку:

– *А? – Хуй на! – Жуй два! – Соси четыре у тебя ебало шире. – Соси миллион, будешь чемпион. – Соси два миллиона, будешь круче чемпиона. – Соси корзину, хватит на всю зиму. – Хуев тебе сарай сиди, перебирай. – Покурить оставишь? – Хуй на лавочку поставишь? – А поставлю, отсосеешь? – А в бумажку завернешь?*

Несложно заметить, что такого рода перебранка уже утрачивает свой собственно коммуникативный, утилитарный характер, превращаясь в языковую игру, целью которой становится проявление своего рода острология. Тем самым обязывающие сложные стандартные диалоги максимально сближаются с ПВ когнитивно-культурного типа.

Встречаются также диалоги, свойственные для живой спонтанной повседневной речи просторечного характера, прагматически ориентированные, скорее, на юмористическую экспрессивность речи, например: – *Интересно. – Интересно, когда в троллейбусе (бане) тесно / – А потом? – А потом суп с котом / / – Дай! – Дай уехал в Китай и сказал «никому не давай / – Я?! – Нет, папа римский! / – Я. – Я последняя буква в алфавите / – Блядь! – Где?!*

Поскольку диалогические ПВ обладают двойной синтаксической прагматикой (вопроса и ответа) (подробнее об этом пишет: [Warchala 2007: 10], они могут дополнительно выполнять фатическую функцию.

Таким образом, в рамках прецедентных диалогов можно выделить три вида прецедентности:

1. Прецедентность целого диалога – воспроизводимым является весь диалог (как фразеосхема или как сверхфразовое единство), акция всегда вызывает ту же реакцию, например:
– *Ты какой рукой ешь (зад подтираешь)? Правой или левой? – Правой /левой. – А приличные люди (нормальные люди, я) вилкой (ложкой) / туалетной бумагой; – Я не люблю кошек (негров, геев)! – Ты просто не умеешь их готовить!*
2. Прецедентность вопроса или инициации разговора, допускающая широкую вариативность ответа (реакции) вплоть до произвольности, например:
– *Будь здоров! – Всегда здоров! / Здоровей видали! / И тебе того же; – Спасибо! – Не за что / Спасибо да или спасибо нет? / Спасибо в карман (в рот) не положишь / на хлеб не намажешь / в стакан не нальешь / – За спасибо ебут красиво.*
3. Прецедентность ответа при различно сформулированных, но однотипных вопросах или словесных провокациях, например:
– *От такого слышу; – Тем же концом по тому же месту! – Давай, до свидания! – Отцепись! – Отстань! – Отвянь! – Иди ты на хуй! – Все, закончили разговор; – Кончай базар! – Замнем для ясности; – Съехали с темы и под.*

Эти случаи уже надо рассматривать как особый тип ПВ – дефензивы и рипосты (о чем речь идет ниже).

Сложность семантико-прагматической типологизации прецедентных диалогов состоит в том, что в большинстве из них (за исключением чисто фатических) всякий раз реализуется несколько прагматических установок. Поэтому они, в отличие от ПВ, состоящих из единичной фразы, не могут быть однозначно отнесены к какому-то одному прагмасемантиче-

скому типу. Тем не менее этот тип ПВ также представляет собой важный компонент прецедентного фонда обыденного метадискурса.

В рамках функционально-прагматической методологии нами в свое время была предложена концепция типологизации дискурсивных стратегий, согласно которой было выделено четыре вида таких стратегий: наррация, дескрипция, экспрессия и прескрипция [Лещак 2017]. Данное деление позволяет группировать тексты на те, которые в лингвосемиотическом опыте семантически ориентируются на объект семиотизации, и те, которые ориентируются на ее субъект.

Процессы вербальной семиотизации, ориентирующиеся на объект, в зависимости от его характера, – это наррация и дескрипция. Наррация состоит в предикативной семиотизации динамического объекта речи, например, некоторого события. Она представляет собой повествование, в котором главную роль играют мышление о событии и его вербальное представление. Важными элементами здесь являются: ограниченные и конкретизированные пространство и время, наличие участников, их действия и отношения между ними, а также обстоятельства событийной ситуации. Как показало наше исследование, наррация не свойственна прецедентным высказываниям, но ее в обилии содержат прецедентные тексты такого типа, как: сказки, легенды, рассказы, мифы, анекдоты и т. п. Дескрипция предикативно вербализует статический объект; это описание, в котором главную роль играет сопровождаемая мыслительными процессами сенсорика. Суть данной дискурсивной стратегии заключается, прежде всего, в описании внешнего вида некоторого объекта, реже – его информационного (внутреннего) состояния. Дескрипция, как и наррация, также не свойственна прецедентным высказываниям. Дескрипция в обыденном диалоге и даже монологе (сплетне, письме) встречается гораздо реже, чем наррация, так как обе стратегии относятся к предметной информации, а прецедентность обычно сосредоточена на выражении субъективной позиции говорящего.

Иное дело экспрессивы и прескриптивы, ориентирующиеся на субъект в зависимости от характера его дискурсивной деятельности, поскольку они служат стратегии волеизъявления и выражения эмоций, чувств, эмоционально-когнитивных состояний субъекта, а также оценке его собственно когнитивных проявлений. Именно они являются основными дискурсивными формами ПВ. Даже если в прецедентных высказываниях мы иногда встречаем некое подобие нарратива (*И пили они долго и счастливо и умерли в один день*), то это не рассказ, а выражение размышлений, т.е. делиберативная экспрессия.

Экспрессия является орудием выражения эмоций, мысли и воли, точки зрения, мнения, состояния, отношения, оценки, желания. Главную роль здесь играют эмоции и волитивное самовыражение, например: *Бляха муха, Ёлки-палки, Ё-моё! Отвечаю! Все ништяк*. Прескрипция же – это речевое воздействие на получателя, дискурсивное влияние на реципиента. В данном дискурсивном процессе ведущую роль играет акт воли, направленный на получателя сообщения, а также цель, которой говорящий хочет добиться от реципиента, например: *Вперед и с песней! Давай на ты! Встал и вышел*. К экспрессивизмам отнесем и коммуникативные делиберации, вроде *Сбылась мечта идиота, Не всех дурных война убила* или *Если человек идиот, то это надолго*. Именно таким образом понимаемые экспрессия и прескрипция реализуются в коммуникативных ПВ.

Коммуникативные ПВ используются для формирования сообщения, а значит, выполняют, прежде всего, функцию прагматического оформления сообщения или выражения личностного отношения к сообщаемой или выражаемой информации. Они могут также выступать в роли самого экспрессивного или прескриптивного сообщения. Коммуникативные ПВ формируют стереотипное поведение участников обыденного метадискурса, помогают поддерживать своеобразный дискурсивный ритуал. Такие высказывания обычно не имеют непосредственного отношения к определенным функциям опыта, они относятся к области морали, этики, стереотипам поведения, выражают эмоционально-волитивную оценку опытных ситуаций, например: *Когда ж это закончится? Где ж это ты так нализался? Врешь, не уйдешь! Да ладно, сдуйся!*

По прагматике все прецедентные высказывания коммуникативного характера можно разделить на экспрессивизмы и прескриптивы. Это деление носит не классификационный, а типологический характер, а это значит, что нет жесткой границы между ПВ-экспрессивизмами и прескриптивными ПВ. Конечно, классические экспрессивизмы состоят в шаблонных суждениях, выражающих эмоциональные или эмоционально-когнитивные состояния говорящего, а классические прескриптивы – в суждениях о волитивных актах, интенционально направленных на воздействие на реципиента. Тем не менее, на пограничье этих двух типологических пространств можно выделить некий переходный тип – волитивные экспрессивизмы (декларативы), т.е. разного рода волитивные проявления интенционального характера.

Попытаемся типологизировать и проанализировать отдельно каждую из этих двух групп обиходно-бытовых коммуникативных прецедентных высказываний.

3.1. Прецедентные высказывания – экспрессивизмы

Прецедентные высказывания, отнесенные нами к экспрессивизмам, служат выражению эмоционально-волевого или когнитивного состояния субъекта речи, а также выражению его отношения к содержанию речи. Экспрессивизмы служат выражению суждений о собственных эмоциях, настроении, переживаниях, аффектах, касаются одобрения или неодобрения, оценки собеседника или предмета речи, а также собственных волевых состояний. Среди ПВ-экспрессивизмов можно выделить четыре подгруппы:

- эмотивы (эмотивные ПВ);
- реактивные экспрессивизмы (реактивные ПВ);
- активные экспрессивизмы (эмотивно-когнитивные ПВ) и
- декларативы (волево-экспрессивные ПВ).

Порядок выделения этих подгрупп не случаен и носит характер типологического шкалирования: от наиболее сильного проявления эмоций через их осмысление ко все большему проявлению волевых функций.

3.1.1. Эмотивные прецедентные высказывания

Первую группу экспрессивизмов образуют эмотивы (эмотивные ПВ), которые употребляются для демонстративного выражения субъектом суждения о своем эмоциональном состоянии. Эмотивы выражают понятийно освоенные эмоции, но, обычно, не называют их. Такое выражение эмоций может быть как опосредованным, предикативно-пропозициональным, так и условно-непосредственным, что существенно сближает этот тип предикативных знаков с вербальными экспрессивами (как называет этот тип знаков П. Чайковский [Czajkowski 2020]), а через них – с невербальными сигналами. Нередко именно этого типа ПВ многими учеными включаются в состав междометий, что порождает определенные теоретические сложности, связанные с дифференциацией статуса слова определенной части речи (например, междометия), языкового клише (устойчивого словосочетания как номинативной единицы) и ПВ как воспроизводимого предикативного знака. Показательно, что с семантической точки зрения ПВ понятийно наполнены и могут считаться суждениями (*Вот блин! Черт побери! Ни фигу себе!*), в то время как междометия (вербальные экспрессивы) в семиотическом отношении –

это знаки полупредикатов и обычно содержат в своей семантике лишь чистые представления об эмоциях (*Ой! Эх! Ай!*), волеизъявлениях (*Ну! Эй! Ша!*) или сенсорных ощущениях (*блям, кап-кап, му!*). Тем не менее, прагматика и синтаксическая функция существенно сближает эмотивы (особенно чисто аффективного типа) и междометия.

Некоторые ПВ этого типа можно (в зависимости от ситуативной привязанности или интенции субъекта речи) относить к разным подгруппам, т.к. здесь, как ни в одной другой разновидности ПВ, семантика совершенно уступает прагматике.

Беря во внимание семантику, эмотивы можно разделить на аффективы (максимально приближенные к междометным словам) и авторефлексивные эмотивы (содержащие суждения, т. е. следы рефлексии над собственным эмоциональным состоянием). Эмотивные ПВ могут передавать целую гамму эмоций. Они выражают их в общем виде, прямо не указывая на их положительный или отрицательный характер (многие из них семантически размыты) и, чтобы понять прагматику использования данной фразы, получатель должен отслеживать всю дискурсивную ситуацию. Иногда один и тот же эмотив может быть выражением целой палитры чувств: от ужаса или отвращения до удивления и восторга. Эмотивная экспрессия сосредоточена, прежде всего, на отправителе (связана с выражением собственных эмоций субъекта речи – интенциональностью). Что касается интенциональности, то она может быть только эпифеноменом, т. е. побочным эффектом коммуникации. Эмотив может произвести эмоциональный эффект на реципиента, но не этому служит. Эмотивы (особенно авторефлексивные) иногда могут заключать в себя некую предметно-оценочную информацию о причине эмоционального состояния.

А. АФФЕКТИВЫ

Аффективами принято считать те языковые единицы, которые служат прямой предикации эмоциональных состояний, т.е. представляющие аффективное состояние субъекта речи как событие. Аффективы, в отличие от других эмотивов, сами собой не описывают эмоций и не рассказывают о них, а лишь сообщают о непосредственном эмоциональном состоянии говорящего, но при этом они не представляют собой чистых знаков эмоции, т.е. не выражают эмоциональных состояний, как это делают междометия (вербальные экспрессивы). При этом следует отметить, что аффективы нередко содержат в себе матерную и бранную лексику. В семантическом плане это чаще всего:

- выражения неожиданности и удивления (приятного или неприятного):
Умереть – не встать! Едрит мадрит! Ёшкин кот! Ничего себе! Ни хера / фи́га себе / Ни хуя / хрена себе // Не себе ж хуя / хрена! Ё моё! Мать моя женщина! Мама дорогая! Мать честная! Мамма мия! Срань господня! Охуеть!
- неудовлетворенности, недоверия и разочарования:
Капец! Черт поберу! Вот беда / черт! Да ладно?! Ты что? Гонись! Блядь! Пипец / Пиздец! Бред! Ёб твою мать! Мать твою за ногу! Твою ж мать! Вашу мамашу! Ну не твою ж мать?! Твою дивизию! Шок! Ебать-тарахтеть! Етить-колотить!
- удовлетворения и радости:
Зашибись! Ништяк! Класс! Заебись! Ух ты, ух ты! Ес-ес-ес!
- равнодушия и отчаяния:
Плевать! Наплевать! Похуй! Не ебет!

Большинство аффективов представляют собой нечленимые или односоставные нераспространенные предложения, что позволяет их использовать совершенно арефлексивно и автоматизированно. В случае включения в аффектив какой-то дополнительной информации уже можно говорить о первых рефлексивных шагах.

Б. АВТОРЕФЛЕКСИВНЫЕ ЭМОТИВЫ

Авторефлексивные эмотивы выражают определенную степень рефлексии говорящего по поводу своего внутреннего эмоционального, умственного и/или физического состояния. Обыденная авторефлексия представляет собой сложный процесс, заключающийся в обращении внимания субъекта на собственное эмоциональное состояние. Данный процесс может вербализоваться с помощью ПВ и тогда представляет собой не столько непосредственную манифестацию эмоций в речи, часто сопровождающуюся невербальными проявлениями переживаний, сколько определенную когнитивную оценку этого состояния во временной перспективе, например:

С ума сойти! Охренеть можно! Я в шоке! Звезда в шоке! Все это (просто) невыносимо! Больно об этом говорить! Кайфую! Как хорошо! Мама, роди меня обратно! Ой, Вова, как мне хреново! Сил дамских нет // Нет больше дамских сил // Дамских сил моих не хватает! Зла не хватает! Это слишком для меня! Я (сегодня) вся на эмоциях! Я больше так не могу! // Я так больше не могу! Я не могу! Я этого

не вынесу! Щас спою! Я щас сдохну! У меня сейчас мозги взорвутся! Мне ваще все по фигу! Ебать мой лысый череп! Не понял юмора?! Ох, что ж я маленьким не сдох? Умереть не встать! Терпеть ненавижу.

К авторефлексивным эмоциям можно отнести также те выражения (полу)осмысленного эмоционального состояния, в которых появляется обобщенное или неопределенное указание на объект, причину или характер такого состояния, а также на адресат:

Просто пиздец какой-то! Полный пиздец! Ну ты достал уже! Ну ты даешь! Тыц-пердыц, моя радость; Интересное кино! Вот это приколы! Здравствуйте, я ваша тетя! Раскудрить твою налево! Едрить твою через коромысло! Да ёксель-моксель, трах-тибидох-тибидох; Ебицкая / ебическая сила! Да провались оно (все) пропадом! Пошло оно все к чертовой матери! Побери его чума! Гори всё синим пламенем! Заебало все это! Ну и насрать / наплевать! (Да и) фиг (хуй, хрен) с ним (ней)! Да пошло оно (все) на... (хуй, хрен, фиг)! Ебись оно (все) конем! Вот так пирожки с котятами! Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты.

Авторефлексивные аффективы могут выражать ту же палитру эмоциональных состояний, что и обычные аффективы, но в более предметно наполненном и синтаксически оформленном виде. В этом смысле каждый аффектив, к которому добавляется какая-то конкретизирующая его рефлексивная информация, может становиться авторефлексивным аффективом.

3.1.2. Реактивные прецедентные высказывания

Реактивные экспрессивизмы (реактивные ПВ) используются обычно как эмоциональная реакция на некоторый коммуникативный стимул (вопрос, побуждение или провокативное высказывание). Мы разделили их на три группы:

- релятивы (апробативы, дезапробативы, инсертивизмы);
- дефензивы и
- рипосты.

Первые представляют собой выражения отношения к предмету обсуждения. Вторые являются защитными реакциями в случае ощущения угрозы или словесной атаки, а последние считаются удачными контрвыпадами при таких атаках.

А. РЕЛЯТИВЫ

ПВ-релятивы служат проявлению позитивного, негативного или неопределенного отношения говорящего к предмету обсуждения. Они всегда носят реактивный характер: это либо реакции на некоторое событие, либо реакции на чье-то речевое поведение. Релятивы обладают повышенной экспрессивностью, и представляют собой ПВ, характеризующиеся либо одной из двух крайних прагматик отношения к сказанному или дискурсивной ситуации – одобрением / согласием (апробативы) или неодобрением / несогласием (дезапробативы), либо отсутствием однозначности такой оценки (а также уходом от необходимости выбора) – инсертивизмы.

- **апробативы**

С формальной точки зрения апробативы редко бывают прямым, коротким, утвердительным ответом на поставленный вопрос, вроде *Ага / Угу / Ес / Окей*, синонимичные общезыковому слову-предложению *Да*. Апробативные прецедентные высказывания представляют собой оценочные фразы, выражающие одобрение, согласие, подтверждение:

Конечно! А как же! Есть такое дело, Конюшня, Базара нет // Без базара! Без вопросов! Безусловно! Верно; Не вопрос; Все отлично! Все правильно! Точняк! Так и есть! Так и должно быть! Так и сделаем; Ясен пень! Ясен перец! Ясно как день! Лехко! // Легко! // В лехкую! Ну конечно; Нехуй снедать! Та же фигня, Говно вопрос, Всё пучком; Всё хоккей! И то правда; Хуй (хрен) с тобой, золотая рыбка; Согласен на все сто;

положительную эмоциональную реакцию на что-то, удовольствие, удовлетворение, восхищение, изумление и восторг:

Вот оно что! Вот это да! Вот это круто! Вот это по мне! Все тип-топ! Все деньги! Класс! Клево! (Это) (Просто) (мастер) класс! Еще бы! Какая прелесть! (Это) (дико) Круто! Мега круто! (Просто) супер! С ума сойти! (Это) так здорово! Обалдеть! Охуеть! Охуительно! Офигенно! Ништяк! Заебись! Жизнь налаживается (говорят обычно после нескольких выпитых рюмок);

положительную оценку происходящего или какого-то объекта, поддержку, комплимент, похвалу собеседника или лесть (т. е. целенаправленное одобрение из корыстных побуждений):

Красота! Мелочь, а приятно; Остатки сладки! Вот это по-нашему! Порядок в танковых войсках; Тут еще муха не еблась; Самое оно!

То что доктор прописал; Молодец! В точку! Наш человек! Красава! Красафчег! Умница дочка! Аффтар (Аффтор) жжот! Не голова, а Дом Советов; Будет тебе (ему / им) счастье (иногда иронически).

Сюда же можно отнести и фразеосхемы *X рулез / рулит* и *X нервно курит в сторонке*, где *X* – переменная. Но если первая фразеосхема предполагает прямую апробацию объекта через включение его имени в слот вместо *X*, то во второй роль *X* должно исполнять имя кого-то, кто признан номером один в вопросе, в связи с которым желают похвалить объект речи. При этом формула может носить и амбивалентный характер, т. к. «похвала» может касаться и негативных свойств: *Гитлер нервно курит в сторонке* (подразумевается: ‘в сравнении с нашим «героем»’).

При этом некоторые апробативы могут использоваться одновременно для выражения всех трех функций.

• дезапробативы

Противоположными по прагматике релятивами являются дезапробативы, которые представляют собой оценочные предикативные устойчивые фразы, выражающие экспрессию разных негативных эмоций говорящего, связанных с несогласием: отсутствием единства во мнениях и взглядах, разногласиями, отрицанием, недовольством, неодобрением, негативным отзывом или критикой чего-то, порицанием, неприятием мнения собеседника, упреками, выражением неприязни или возмущением.

Главная функция дезапробативов – это выражение несогласия со сказанным. С этой целью чаще всего используются такие ПВ, как: *Ни в коем случае! Не дай боже! Ни в жисть! Не дождетесь! Фигвам! Фигушки, Не прохондэ! А ху-ху не хо-хо?*

Разговорные и просторечные дезапробативы, в первую очередь, служат выражению отказа собеседнику или категорического несогласия со сказанным, т. е. решительного, иногда грубого эмоционально окрашенного мнения, не допускающего возражений и не содержащего объяснения причин отказа, например:

Не факт; Не пойдет! Ничего подобного; Давай без этого; Никак нет; (Да) нет конечно; Никаких гвоздей! Никоим образом; Ни в коем случае! Я на такое не подписывался; Никогда в жизни! Никакими силами; Ни в котором разе; На хуй нам оно (это) упало; Мне это не упало; Скажем дружно: на хуй нужно! Хрен маме вашей! Вот тебе хуй; Нафиг! / Нахрен! Нахрен надо? А нафиг(а)? / На хрена? Нехрен! Нахуй! Нахуй с пляжа! Харэ!

В различных синтаксических ипостасях (как собственно ПВ или как фразеосхемы) они могут выражать негативный отзыв, отрицательную оценку события, осуждение собеседника, неприятие его слов или поступков, например:

Это уже ни в какие ворота (не лезет)! Это уже ни в пизду, ни в Красную Армию! Что за детский сад?! Что за бред? (Че за / Какая) херня! Это (же) говно! (Это) (все) херня / хуйня // Хуйня все это! (Это) (же) (полный) пиздец; В гробу я это видел (в белых тапочках)! (Да) пошло все оно в задницу (в жопу // на хрен // на фиг)! Черти что и сбоку бантик; Что-то не впечатляет; Че-то не смешно; Чепуха! Ерунда! Чушь! Гониво! Хреново! Отстой! И в хуй не дует; И рядом не лежало; Не пришей к пизде рукав.

В ряде случаев ПВ-дезапробативы выражают более чем одну негативную информацию и тем самым представляют собой синкретические единицы, например, они могут выражать чувства:

- удивления и недоверия: *Вот (это) приколы; Вот это кино! (Да) ты гонишь! Ни хуя себе!*
- удивления и осуждения: *Где логика? Где это видано?! Охуеть можно! Поздравляю! Каких только дураков пизда не рождает! Кому война, а кому – мать родна;*
- возмущения и непонимания: *Не понял! Не догоняю! Уму непостижимо! в голове не укладывается! Ну как же так можно?*
- возмущения и огорчения: *Всю малину обосрали! Артель напрасный труд! До пизды дверца!*
- огорчения и недоумения: *Всё как-то не по-русски! Обижает, начальник!*
- огорчения и отчаяния: *Голый Вася (вассер / Василий)! Писец / пиздец подкрался незаметно; За что боролись, на то и напоролись; Дохлый (глухой) номер; Пиздец котенку – больше срать не будет.*
- огорчения и сожаления: *Умная мысль приходит опосля, Недолго мучилась старушка; Здравствуй, Вася, я снялася.*

• инсертивизмы

ПВ-инсертивизмы представляют собой третью возможность выражения отношения к содержанию высказываемого. Если апробативы выражают позитивное отношение, а дезапробативы – негативное, то инсертивизмы уже готовым высказыванием помогают субъекту продемонстрировать, прежде всего, свое амбивалентное отношение к предмету обсуждения (неоднозначность, неопределенность оценки). Следует под-

черкнуть, что это не нейтральная оценка ситуации, а, скорее, сомнение или неуверенность субъекта высказывания в достоверности или ясности смысла (*Как-то так, Ну где-то так – семь-восемь, Тудым – сюдым*), сложность и спорность вопроса (*Черт (хрен, хуй) его знает...; Тут черт ногу сломает; Тайна сия покрыта мраком; Об этом история умалчивает; Без сто грамм не разберешься; Хуй проссышь*). Как замечает А. Ревякина, «Акт сомнения – это субъективная, личностно окрашенная оценка события или явления» [Ревякина 2008: 43]. Сомнение может являться следствием возможного несоответствия факта действительному положению вещей, но также опасения, подозрения, иногда разлада, неуверенности, недоумения (*Надо подумать; Будет видно; Без понятия; Понятия не имею; Посмотрим; Будем посмотреть*). Интересно, что вышеприведенные примеры, в зависимости от ситуации, могут выражать неясность, спорность вопроса для говорящего, его колебания, раздвоенность или растерянность, в итоге – нерешительность. Инсертивизмы обычно содержат выражение неуверенности из-за отсутствия знаний:

(А) Бог (черт / фиг / хрен / хер / хуй / Аллах / пес //шут) его (тебя, вас, ее, их) знает (ведает), Одному черту (Аллаху, Богу) известно; Тайна сия покрыта мраком, а сие никому не ведано; Дело ясное, что дело тёмное, Ясно, что ничего не ясно; Хуй его знает, товарищ майор,

или невозможности предсказать ход событий:

Поди угадай // Поди узнай; Поживем – посмотрим / увидим; Будем посмотреть; Что тут скажешь?

Но с их помощью можно выразить также ощущение явного непонимания:

Ни хрена не понял; Не въезжаю! и что дальше? Нихт ферштейн;

или просто равнодушия к проблеме:

Мне лично это фиолетово (похую / по фигу / по херу / по барабану / до лампы / до лампочки / до одного места / до фонаря / до пизды / до фени); Мне один хуй (одноразово / монопенисуально); Меня не ебет (не пилит / не плющит).

Инсертивизмы также позволяют воздержаться от высказывания мнения или от окончательно определенного суждения из-за сомнения, отсутствия уверенности (*Давай в другой раз; Давай потом; Будем посмотреть; Замнем для ясности; Проехали*); *Не то, чтобы да, и не то, чтобы нет; Как сказать; Промолчу; Может и так, а может и не так; Слепой сказал: Посмотрим!*) или снять с себя ответственность за высказанное (*Жиза. Такова селяви! Такова селявуха! Вот такие дела; и ничего тут не попишешь*).

Но иногда инсертивизмы под видом нерешительности и колебания скрывают иронию (*Куды твое дело! О, бля, как?! Вот оно как, оказывается? Красиво жить не запретишь; Павлины, говоришь*), скептицизм (*Вот так значит? Сбылась мечта идиота; Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего*), растерянность (*Ну я прям не знаю, что и сказать*), а иногда даже чувство бессилия (*И что теперь делать? Приплыли! Приехали! Против лома нет приёма, Потом доказывай, что ты не верблюд*).

Инсертивизмы, помимо того, что позволяют воздержаться от высказывания согласия или несогласия через выражение неуверенности, иногда могут использоваться и при другом способе ухода от определенности, а именно – могут выражать вынужденное согласие или согласие при несогласии (*Как скажешь; Никуда не денешься; Выхода нет; Делать нечего; Что тут поделаешь? // Ничего не попишешь // Ничего тут не сделаешь // Жо паделаешь?*).

К инсертивизмам можно отнести также разного рода неявно оценочные высказывания, касающиеся поступков собеседника, к которым нет однозначного отношения, например фразу и *будет тебе (ему, им) счастье*, которую прибавляют к банальному или очевидному совету, обычно когда проблема собеседника представляется надуманной и несерьезной, или фразы с амбивалентной прагматикой, которые можно трактовать либо как скрытую издевку, либо как ироническое сочувствие, например: *Головка бо-бо, денежки тю-тю и во рту бяка*.

Б. ДЕФЕНЗИВЫ

Дефензивы представляют собой целый диапазон высказываний, целью которых является оборонительная тактика в ответ на коммуникативную угрозу со стороны собеседника, от чисто оборонительных фраз:

Я не при делах; в первый раз слышу; Ничего не знаю – моя хата с краю; Я не в курсах; Вот сейчас обидно было; Не надо нас ужко пужать, мы все и так у жопу жатые; Нашел дурака! Очень надо! Да ладно тебе; Их бин больной; Не виноватая я! Он сам пришел!

и укорительных текстов:

Это уже перебор! Это какой-то прикол? Ты шутишь, наверное? Опять двадцать пять; Сколько ты мне еще будешь нервы трепать? (Да) Ты не понимаешь! Да не знаешь ты ничего! Тебе легко сказать! // Тебе легко говорить! У тебя совесть есть? // Совесть у тебя есть? Лечиться надо! Закусывать надо;

через иронические замечания (чаще всего дезапробативного или инсертивного характера: в этой роли часто используются апробативы в значении дезапробативов, что позволяет выразить, отбить атаку, а с другой – выразить насмешку над глупым или неуместным вопросом или замечанием).

Ну конечно! Да, конечно! А как же! Кто бы сомневался? Ага, конечно! Ой как страшно! Что вы этим хотите сказать? Что вы имеете мне сказать? Я бы так не сказал(а); Сделаем вид, что я согласен; Сделаем вид, что я этого не слышал; Ну что тебе сказать, чтоб тебя не обидеть? Моя твоя не понимай; Ты прав, Аркадий: твоя жопа шире; В лесу что-то (большое) сдохло; Все довольны, все смеются, Да я просто так – поссать / погулять вышел; Испугал бабу толстым (голым) хуем; Напугал ежа голый сракой; Не учи отца ебаться! Не учите меня жить – лучшие помогите материально;

к более резким ответам, содержащим в себе решительный отпор атакующему:

Это все ложь, пиздеж и провокация; Не твое (собачье) дело, Не твоего ума дело! Хрен тебе; а ху-ху не хо-хо? Отцепись! Отстань! Отвянь! Отвали, моя черешня; Вот еще! Ага, конечно (сейчас/уже/щас) разбежался; Бегу и падаю! Уже бегу, волосы назад! Обойдешься! с какой стати? Без сопливых скользко; Заебешься пыль глотать; На дураков не обижаюсь;

вплоть до высказывания деструктивных пожеланий, скрытых угроз или призывов к агрессии и насилию, например:

Кого ты послал? Кого ты мудаком (дураком, идиотом...) называешь? На кого ты бочку катишь? На кого ты батон крошишь? Ты меня в чем-то обвиняешь? Что за предьявы? На / Вот тебе хуй! Засунь себе, знаешь куда, все эти свои.../ Засунь себе эти ... знаешь куда? в жопу себе засунь ...; А не пошел бы ты на? А не сходил бы ты нахуй? А давай сыграем в похер; Кого ебет чужое горе?

Являясь ответом на словесное нападение, они довольно часто представляют собой не всегда контролируемую чрезмерную и несоразмерную с поводом защитную реакцию. Дефензивы довольно часто сочетают элементы защиты от нападения с речевой агрессией и ответной атакой, чем сближаются с угрозами-атаками как разновидностями волитивных экспрессивизмов (в отличие от последних дефензивы – это всегда средства защиты). Иногда они имеют целью оскорбление, унижение собеседника в ответ на его агрессию или неприемлемое поведение, например: *Ты что, с дуба рухнул?! Ты что, с ума сошел?! У тебя что, (совсем) кры-*

*ша поехала (не все дома, с головой проблемы; с головой все в порядке)?
Совсем сдвинулся (свихнулся)? Обалдел (охуел), что ли? Ты ёбу дался?*

В. РИПОСТЫ

Рипосты (термин заимствован из фехтования, где *ripост* – это «ответный удар или укол после взятой защиты») [Словарь иностранных слов]) представляют собой обычно быстрые, считающиеся меткими или остроумными ответы на какой-то провокативный вопрос или замечание, например: *А то как же?! Какая прелесть! Вопрос, конечно, интересный; Я, конечно очень рад за Вас; У меня времени вагон; Я не смеюсь, мне просто смешно; Мне бы ваши проблемы; Не смешите мои тапочки! Пустяки, дело житейское.* Иногда рипост представляет собой перебивание слов собеседника, говорящего нечто провокативное или неприемлемое для слушающего, и содержит в себе элемент исходного высказывания или ответ на него:

(– Может не надо?) – Надо, Федя, надо!

(– Давай завтра) – Не надо меня завтраками кормить;

(– Подумай!) – Пусть конь думает – у него голова больше;

(– Садитесь!) – Сесть я всегда успею;

(– Как дела?) – Дела у прокурора, а у нас делишки;

(– Хуйня) – Кому хуйня, а нам сметана;

(– Я думал) – Индюк тоже думал, да в суп попал;

(– Мне кажется ...) – Когда кажется – креститься надо;

(– Я нечаянно) – За нечаянно бьют отчаянно;

(– а что главное?) – Главное, чтобы костюмчик сидел или Главное говорить рекс-некс-фекс, потому что это главное;

(– Даром) – Даром – за амбаром!

Рипосты нередко служат речевому осаждению чьего-то чрезмерного энтузиазма или хамства (т. е. фактически выполняют роль дезапробативов), например: *Хотеть не вредно // Мечтать не вредно* (как ответ на чьи-то неуместные желания), *Рот будешь открывать у стоматолога, Убейся об стену!* или *Засохни, гербарий!* (как попытка пресечь чью-то словесную атаку). Но иногда они могут обладать прагматикой скрытого апробатива – *Есть такое дело* (на вопрос о чем-либо, что требует ответа *Да*), *Дык елы-палы* (в ответ на выражение признания, восхищения и под). Но гораздо чаще они ближе к дезапробативам и дефензивам.

Рипосты, построенные по фразеосхеме: <Инвектив> – *От такого слышу!* <Инвектив!> – *Сам ты <Инвектив!>* используются как способ причи-

нить такой же моральный вред собеседнику, какой он причинил говорящему, например: – *Ну и дуручка. – Сам дурак; – Ты глупый – Не глупей тебя.* Но иногда рипосты такого типа строятся по принципу рифмованного едко-го ответа на словесную атаку: (*– Пошел на хуй!*) – *Кусай за хуй!*

Некоторые рипосты представляют собой также иронические или суггестивные ответы на фатические формулы, на которые отвечающему не хочется реагировать адекватно, например:

- (– Доброе утро!) – Утро добрым не бывает;*
- (– Здравствуйте!) – Забор покрасьте!*
- (– Привет!) – От приветов слышу!*
- (– Спасибо!) – Из «спасибо» шубу (шубы) не сошьешь // «Спасибо» в карман не положишь // «Спасибо» на хлеб не намажешь // За «спасибо» бьют (ебут) красиво // «Спасибо» в стакан не нальешь; // «Спасибо» в постель (кровать) не положишь;*
- (– Спасибо) – Соси большой (фонетическое преобразование традиционного рипоста Расти большой);*
- (– Здоров!) – Здоровей видали!*
- (– Будьте здоровы!) – И вам не хворать!*
- (– Слышь!) – На слышь гоняют мышь, догонишь попиздишь;*
- (– Как дела?) – Как сажка бела;*
- (– Как жизнь?) – Жизнь бьет ключом. и всё по голове;*
- (– Как жизнь?) – На букву х, не подумайте, что хорошо;*
- (– Кто там?) – Сто грамм!*
- (– Это кто?) – Конь в пальто!*
- (– Или как?) – Или как!*

а также на вопросы, кажущиеся отвечающему неуместными или не требующими ответа, поскольку, по его мнению, собеседник должен и так понимать, в чем суть проблемы, или же в принципе недостоин ответа (хотя в большинстве случаев такого рода рипосты – это просто элементарное хамство и обыкновенная словесная атака), например:

- (– В смысле?) – Трусы свисли! // В коромысле! (– Че?) – Хуй в плечо! (– А?) Хуй на. Возьми два. Барабанить будешь; (– Да?) – Пизда! (– Где?) – В пизде! // В Караганде // В пятом классе на труде; (Ну!) – На хую барашки гну! (– Дай дёрнуть) – Дёрни батьку за хуй! (– Дай спичку) – Поцелуй в пизду синичку; (– Встань(те)!) – Если я встану – ты у меня ляжешь; (– Ёб твою мать!) – Еби свою – дешевле обойдётся (будет)!*

Прагматика рипостов охватывает также иронические ответы на неуместное или чрезмерное проявление эмоций, волеизъявлений или умствования, например:

(– Ура!) – В жопе дыра! (– Есть?) – Есть на жопе шерсть; (– Ес!) – ОБХС; (– Ну!) – Не нукай, не запряг; (– Быстро!) – Быстро только кошки рождаются, (– Всякое бывает) – Да, и на е бывает, и на ё бывает! (– Дай) – Дай уехал в Китай, беги догоняй (и сказал никому не давай); (– Дай) – Если каждому давать, поломаются (переломится) кровать; (– Нельзя!) Если нельзя, но очень хочется, то можно;

а также выражение шутливого или игрового отношения к сказанному, например:

(– Садитесь!) – Спасибо, я пешком постою; (– Сколько?) – Ты что, краев не видишь?!

Нередко рипосты носят характер фразеосхем, например, в ответ на чьи-то советы, извинения, пожелания (X) может прозвучать *Засунь себе, знаешь, куда все эти свои X // Засунь себе свои X знаешь, куда?*

Обсуждая проблему рипоста, следует подчеркнуть, что это всегда спровоцированные ответы, проявляющие заученное или усвоенное остроумие или острословие, вошедшее в обыкновение. Они усваиваются, а затем становятся обычными и привычными вследствие многократного использования в типичных ситуациях в определенной группе. От угроз-атак, рассматриваемых нами ниже, рипосты, как и дефензивы, отличаются своим ответным характером, а от обычных дефензивов (о которых речь шла выше) – привязанностью к форме исходной фразы, реакцией на которую они являются. Обычно рипосты – это чисто людические функции и редко когда они бывают содержательными или осмысленными.

3.1.3. Эмотивно-когитативные прецедентные высказывания

Максимальная степень рефлексии среди всех экспрессивизмов содержится в эмотивно-когитативных (активных) ПВ, которые совмещают мыслительное содержание (чаще всего в виде полноценной пропозиции) с одновременным выражением эмоционального состояния субъекта и его отношения к высказанному. Данные языковые единицы не только способствуют естественности, живости речи, но и вносят определенно-го рода обоснования эмоциональной оценки или состояния. Мы назвали эти ПВ *активными* ввиду того, что они представляют собой не спонтанные реакции на раздражитель, как все остальные эмоциональные экспрессивизмы, а попытку активно высказаться по поводу своей эмоционально-оценочной позиции. В этом плане эмотивно-когитативные экспрессивизмы ближе всего подходят к когнитивно-культурным ПВ

и отличаются от них, прежде всего, своей чисто строевой коммуникативной ролью. Эмотивно-когитативные ПВ можно подразделить на пресуппозитивы (т.е. предположения очевидности), псевдоаргументативы (т.е. создание видимости аргументации) и делиберативные экспрессивизмы (оценочные замечания).

А. ПРЕСУППОЗИТИВЫ

ПВ-пресуппозитивы выражают эмоциональную оценку умственного состояния или знаний человека (себя самого, собеседника, реже – других) с позиции некоторого домысливаемого стандарта очевидности. В рамках пресуппозитивов в зависимости от степени эмоциональности семантики ПВ мы выделяем эмотивно-когитативные и собственно когитативные пресуппозитивы. Первые – это шаблонные фразы, выражающие чувство уверенности в очевидности и несомненности некоторого знания / информации, имплицитующие эмоциональное отношение и оценку возможных несогласных с его очевидностью и несомненностью:

И к бабке (гадалке) не ходи; Ясно как божий день; Проще пареной репы; Элементарно, Ватсон; Это как пить дать; Это как два пальца обоссать; Это как два пальца об асфальт (эвфемизм к предыдущей фразе), Как два байта переслать (аналогично), Сто процентов! Сто пудов! На все сто, Кто бы сомневался.

Данные фразы служат часто для неодобрения, выражения негативных эмоций по поводу совершаемых, по мнению говорящего, другими ошибок в элементарных вопросах. ПВ-пресуппозитивы довольно часто содержат явные эмоционально значимые маркеры в виде негативно окрашенных номинатов субъекта мыслительного действия, вроде: *Дураку понятно (ясно), что ...; Каждый дурак (это) знает (умеет); Коню // (Это же) коню понятно (ясно); Только дурак (дебил) не знает, что... .*

В то же время чисто когитативные пресуппозитивы таких явных маркеров эмоциональности и оценочности не содержат, что не значит, что они не содержат эмоциональной оценки:

Самой собой разумеется; Нечего и говорить; Все знают, что... ; Так и должно быть; Иначе и быть не может; Тут двух мнений быть не может; И разговора быть не может; Без (Вне) всякого сомнения; Известное дело, Знамо дело; Однозначно (этот пресуппозитив очень любит Владимир Жириновский).

Такого типа ПВ являются вводными конструкциями при представлении собственной уверенности и несомненности определенного мнения,

которое, с точки зрения говорящего, должно восприниматься как общеизвестная истина или как элементарное знание и в котором, по определению, нельзя сомневаться. Это помогает защитить свой взгляд и избегать дискуссий и тем самым принимать доминирующую позицию в коммуникации.

Б. ПСЕВДОАРГУМЕНТАТИВЫ

ПВ-псевдоаргументативы – это фразы, используемые в качестве не только маркера уверенности в своей точке зрения, но и как средство нажима на собеседника и придания большей убедительности своим словам в дискуссии через создание видимости наличия каких-то доводов, которые, тем не менее, опускаются. Они служат тому, чтобы говорящий мог обойтись при убеждении слушающего без рациональных аргументов и тем самым провозгласить очевидность истинности своего утверждения, например:

(Как) мне лично кажется...; На мой взгляд...; По-моему лично моему мнению...; Я лично считаю...; Даю голову на отсечение, Получается, что...; Судя по всему...; Выходит, что...: Все ведет к тому, что...; Я тут прикинул (хуй к носу)...; Вот мы тут посоветовались, и я решил... По себе знаю; Как сказал один умный человек..., Как говорят знатоки вопроса..., Как говорится..., Как говорят в народе..., К тому делу идет, что..., Из песни слов не выбросишь (последний «аргумент» позволяет свободно использовать в речи вульгаризмы).

Такие псевдоаргументативы используются для имплементации мнимых аргументов, целью которых является утверждение, доказательство, обоснование правильности сказанного без каких-либо рациональных или предметных доводов, опираясь исключительно на мнение, а в итоге – для достижения интерактивного эффекта, вследствие которого слушающий должен принять точку зрения говорящего на веру. Иногда подчеркивание личной позиции в обыденном метадискурсе служит не авторизации сведений (как в других макродискурсах), а лишь для того, чтобы высказанная после такой вводной фразы субъективно-эмоциональная оценка выглядела, как продуманная позиция.

Иногда же псевдоаргументативы являются средством выражения неприятия существующих принципов или мнений и/или используются для выражения своей собственной, индивидуальной, независимой от других точки зрения. В таких случаях псевдоаргументатив позволяет говорящему утвердиться в своем высоком самомнении. Плеонастичность тако-

го рода псевдоаргументов очевидна: если кто-то выражает мнение или взгляд, то это его личное мнение и его взгляд, и если он что-то говорит, то это именно он так считает.

Впрочем, иногда такого рода конструкции служат лишь для языковой игры. Так, например, при прецедентных высказываниях, восходящих к речи русских евреев, часто используется псевдоаргументатив *Как говорят (говорится) в Одессе*. Например: *Как говорят в Одессе, шоб вы так жили; Как говорится в Одессе, таки да; Как говорят в Одессе, это две большие разницы* и под.

В. ДЕЛИБЕРАТИВНЫЕ ЭКСПРЕССИВИЗМЫ

В наиболее полной мере когитативный аспект экспрессивных прецедентных текстов проявляется в воспроизводимых фразах, содержащих некоторое умственное наблюдение вместе с эмоциональной оценкой какого-то объекта, чаще всего лица, предмета или события. Если бы не их явно денотативный и коммуникативно ориентированный характер (т.е. ориентация на речевое общение), а также лаконичная форма, позволяющая использовать их как строевые единицы собственных высказываний, эти ПВ вполне могли бы быть отнесены к когитативно-культурному типу. Этому благоприятствуют четыре фактора: делиберативный характер предикации, притчевый смысл (подобие житейских мудростей), эстетизированная форма некоторых ПВ этого типа (ритмичность и рифмованность), а также производность некоторых делиберативных экспрессивизмов от других прецедентов – пословиц и цитат. Тем не менее, их краткость, коммуникативная ангажированность и нацеленность на оценку конкретного случая заставляют нас отнести их к разряду экспрессивизмов.

Это самая объемная по количеству примеров группа коммуникативных ПВ. Обычно прецедентные высказывания этой разновидности содержат наблюдения, замечания и оценочные рассуждения на тему:

- некоего лица как объекта обсуждения (иногда и самого себя), в т.ч. его состояния и внешнего вида

Он вас продаст и купит, и снова продаст; Без мыла в задницу влезет; и швец, и жнец, и вообще пиздец; Говно не тонет; В тебе есть одна хорошая черта – которая делит жопу пополам; Кому и кобыла невеста; Поздравляю тебя, Шарик, ты балбес! Ни сиськи, ни письки и жопа с кулачок; Руки из жопы растут; Во рту словно кошки насрали, Рудники проклятые замучили (при кашле); Нет баб, которые не дают, есть мужики, которые не умеют

братъ; Да, есть еще порох в пороховницах и ягоды в ягодицах; Я не такая — я жду трамвая; 120 – 120 – 120, где будем талию делать? Я самый больной в мире человек; Я мужчина хоть куда, в полном расцвете сил; Руссо туристо. Облико морале! Поздно пить Боржоми (когда почки уже отбиты); Не страшно стать дедушкой, страшно спать с бабушкой; Хорошего человека должно быть много;

- чьего-то (в т.ч. своего) поведения

Дурное дело нехитрое; Наглость – второе счастье; Нет ума – считай, калека; За рулём пизда – это не езда, Плохому танцору яйца мешают; Жаба давит; В жопу клюнул жареный петух; Время срать, а мы не ели; Без пиздюлей, как без пряников; Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал; Ловкость рук и никакого мошенничества; Заметьте, не я это предложил; Ветер в харю, я хуярю (а я шпарю); Что бы ни делать, лишь бы ничего не делать; Каждый судит в меру своей испорченности; Каждый сходит с ума по-своему; Были б мозги – было б сотрясение; Для бешеной собаки семь вёрст не крюк (не околица); Когда собаке делать нечего, она себе яйца лижет; Кто не рискует, тот не пьёт шампанского; Кто первый встал – того и тапочки; Береженого бог бережет, а не береженого конвой стережет; К пустой голове руку не прикладывают; Дурной пример заразителен; Секс не повод для знакомства; Кто девушку ужинает, тот её и танцует; Бабы на бабки падки; Остапа понесло; Крыша поехала; Лучшие перепить, чем недоесть; Лучшие потерять стыд, чем мочевой пузырь; Видеть вас – одно удовольствие, а не видеть – другое;

- каких-то событий, ситуаций или явлений:

Война войной, а обед по распорядку (расписанию); В хозяйстве всё сгодится; Эту песню не заглушишь, не уймешь; Водка без пива – деньги на ветер; Сколько водки не бери, а все равно два раза бегать; Весна покажет, кто где срал; Солдат спит – служба идет; Таможня дает добро; Я не настолько богат, чтоб покупать дешевые вещи; Мы строили, строили и, наконец, построили! Во жизнь пошла: на хуй некого послать! Было бы здоровье – остальное купим; Главное – вовремя подсуетиться; В нашем деле главное – вовремя смыться; Два раза переехать – всё равно что один раз погореть; Лучшие переесть, чем недоспать; Та же жопа – вид сбоку; Понеслась пизда по кочкам; Не трамвай – объедет; Знал бы прикуп, жил бы в Сочи; Все не так плохо как вы думаете,

все намного хуже; Это все хуйня по сравнению с мировой революцией; Вот где собака порылась; Аля-улю, гони гусей! Все пропало, шеф; Ебут и фамилию не спрашивают; Нас ебут, а мы крепнем; Если они думают, что они нам платят, пусть думают, что мы им работаем; Два солдата из стройбата заменяют экскаватор; Если в доме нету денег, привяжите к жопе веник; Большие народу – меньше кислороду; Лучшие выпить водки литр, чем сосать солёный клитор; Наше дело не рожать: снул, вынул – и бежать; Народ для разврата собрался; Вот, что крест животворящий делает! Дело пахнет керосином; День пропал не зря; Хуйня – война, главное – маневры.

Чаще всего их использование провоцируется речевой ситуацией, поэтому нередко делиберативные экспрессивизмы содержат в себе ключевые денотативные маркеры события – угроза слабому (*Солдат ребенка не обидит*), сорок пять лет женщине (*Сорок пять – баба ягодка опять*), проблемный вид лица (*Ну и рожка у тебя, Шарапов!*), женщина за рулем автомобиля (*Баба за рулем, как обезьяна с гранатой*), предложение взятки (*Я мзду не беру, мне за державу обидно!*), предложение поцеловать (*Я тебя поцелую, потом, если захочешь*), покупка водки (*Водка без пива – деньги на ветер*), невкусная еда (*Какая гадость эта ваша заливная рыба!*), дармовщина (*На халяву и уксус сладкий; За чужой счет пьют даже трезвенники и язвенники*) или цейтнот в делах (*Время, которое у нас есть, это деньги, которых у нас нет*). То, что этими фразами говорящий собственно сообщает о чем-то предметном для разговора или ситуации, делают их неотъемлемой частью коммуникации, в отличие от чисто когнитивно-культурных ПВ, которые лишь дополняют сказанное, коннотируют его и орнаментируют речь.

Делиберативные экспрессивизмы используются, прежде всего, как коммуникативно-людическое представление какой-то конкретной жизненной ситуации. Они призваны выразить отношение и мнение по поводу актуально происходящего. Чаще всего это отдельная воспроизводимая фраза, но иногда также фразеосхема, предполагающая различное реальное лексическое наполнение формулы. Например, если что-то упадет, иногда используется фразеосхема *Быстро поднятый(ая) X не считается упавшим(ей)*, где X – название упавшей вещи. Реакцией на информацию, что кто-то вступил в какую-то организацию или заведение может быть эмоционально-делиберативная фразеосхема *Вечно ты куда-то вступишь: то в говно, то в X*, где X – название организации. Классической реакцией на затянувшееся время года может быть фразе-

осхема *Когда уже кончится эта сраная зима (весна, лето, осень), и начнется эта сраная весна (лето, осень, зима).*

Некоторые ПВ такого типа носят характер не столько замечаний по поводу каких-то конкретных объектов или актуальных ситуаций, сколько обобщенных делибераций, что характерно, прежде всего, для когнитивно-культурных ПВ (обыденных сентенций, антипаремий, современных «народных мудростей»). Такие единицы занимают промежуточное место между этими двумя типами прецедентных высказываний. К делиберативным экспрессивизмам мы их относим в силу широкой известности, частотности их употребления в конкретных бытовых ситуациях для оценки текущих событий (что превращает их в активный знаковый запас обыденного социолекта), а также в силу их лаконизма и отсутствия у большинства из них явных признаков эстетической орнаментации:

Все бабы дуры; Все мужики сволочи; Весь мир бардак, все люди бяди; Женщина любит ласку, а машина смазку; Все там будем; Враг не дремлет! Не набешь – не проживешь; Выше хуя (жопы) не (под) прыгнешь; На каждую хитрую жопу есть хуй с винтом; Если врач сыт, так и больному легче; Спасение утопающих – дело рук самих утопающих; Счастливые трусов не надевают; Бабло побеждает зло; В каждой шутке есть доля шутки; Воровать – так миллион, ебать – так королеву; Как не крутись, а жопа сзади; Кто в армии служил, тот в цирке не смеется; Каждый дрючит, как он хочет.

Нередко делиберативные экспрессивизмы используются также в роли рипостов, т.е. как непосредственные реакции на появляющиеся в диалоге ключевые фразы, вроде:

(Если бы...) Если б у бабушки был хуй, она была бы дедушкой;
(Нельзя) Если нельзя, но очень хочется, то можно;
(Воды нет) Если в кране нет воды – значит, выпили жиды;
(Это от нервов) Все болезни от нервов, только сифилис – от любви (от удовольствия);
(Они ругаются матом) Русские не ругаются матом, они им разговаривают;
(Это еще сырое) Горячее не может быть сырым или Маринованное сырым не бывает;
(Главное иметь много друзей) Друзей не надо иметь, с друзьями надо дружить;
(Может поедим?) Есть – не срать: можно и подождать;
(Воды напейся) Ешь вода, пей вода – срать не будешь никогда;

(Пиво вредно) Пиво с утра не только вредно, но и полезно или Губит людей не пиво, губит людей вода;

(Кто ж пьет с утра?) С утра не выпил – день пропал; Не пьем, а лечимся;

(Это же мое / наше) Было ваше, стало наше;

(У меня последняя [о сигарете]) Ну последнюю даже милиция не берет¹.

Иногда триггером для использования таких единиц может быть что-то реальное действие или какое-то событие:

(Кто-то стучит в дверь) Кто стучится в дверь моя – видишь, дома нет никто!

(Кто-то снаружи дергает запертую дверь) Дверь – не зуб, нехуй ее дергать;

(Кто-то долго сидит в туалете) Не хочешь срать, не мучай жопу (хотя чаще это ПВ используют метафорически, когда кто-то занимается любимым делом);

(Кто-то угрожает уволиться) Незаменимых у нас нет;

(Кто-то предлагает поработать) От работы кони дохнут; Работа не хуй: стояла и стоять будет; Ты, работа, нас не бойся, мы тебя не тронем;

(Кто-то принес одну бутылку водки или предлагает сходить за бутылкой) Пошли дурака за бутылкой, так он одну и принесет;

(После выпитого первого тоста) Между первой и второй – перерывчик небольшой; Между первой и второй пуля не имеет права пролететь; Не вовремя выпитая вторая – загубленная первая (используются как намек налить во второй раз);

(Предложение закусить) После первой не закусывают;

(Сидящие за столом слишком долго закусывают и не пьют) Не превращайте пьянку в обжираловку;

(Кто-то ушел, не попрощавшись) Вот так: ни тебе «спасибо», ни мне «до свидания»;

(Темнота) Темно, как у негра в жопе; Темнота – друг молодежи;

(Кто-то неудачно сравнил) Ну ты сравнил хуй (жопу) с пальцем;

(Кто-то много обещает или многословен) Пиздеть – не мешки ворочать; Твоими бы устами, да хуй сосать;

¹ Показательно, что в аналогичном польском высказывании «роль» милиции выполняет другая категория «одаждивающих»: *Ostatniej nawey kurwa nie bierze.*

(Реакции на карточную масть) *Нет бубей, хоть хуем бей; Крести – дураки на месте.*

(При возникновении вопросов об оплате) *Утром деньги – вечером стулья;*

(Появились серьезные проблемы) *Пиздец подкрался незаметно (хоть виден был издали);*

(Кто-то просит сигарету) *Хуй, завернутый в газету, заменяет сигарету.*

Некоторые экспрессивизмы этого типа еще сохраняют свою связь с первоисточником (кинофильмом, произведением литературы, анекдотом, песней или автором афоризма), но количество людей, которым знакомы эти первоисточники, с каждым годом становится все меньше. Как видим, делиберативные экспрессивизмы – это такая разновидность эмоционально-когнитивных прецедентных высказываний, которая, с одной стороны, максимально сблизает их с релятивами и дефензивами (т.к. они часто используются в роли одобрений, неодобрений или защитных формулировок), а с другой, – максимально сближает коммуникативные прецедентные высказывания с культурно-когнитивными ПВ (делиберативами), т.к. практически каждое из них может использоваться, как современная обиходная пословица или поговорка. Фактически все зависит от референтивного или генерализирующего способа их использования.

3.1.4. Декларативные прецедентные высказывания (волитивные экспрессивизмы)

Последний вид экспрессивизмов, находящийся на пограничье этих последних и прескриптивных прецедентных высказываний, – это волитивные экспрессивизмы, которые представляют собой коммуникативные декларации проявления волеизъявления говорящего. Волитивные экспрессивизмы имеют скрытый побудительный характер и имплицитно желают говорящего достичь определенной цели. Они разделяются на фатические формулы, перформативы, угрозы-атаки и риторические вопросы.

Некоторые из экспрессивизмов этого типа находятся на пограничье собственно экспрессивизмов и прескриптивов. Однако мы относим их именно к этой группе, так как в них гораздо больше интенциональности (выражения эмоционально-волитивного состояния говорящего), чем ин-

тенциональности (собственно воздействия на собеседника). Даже в случае обращений или вопросов, можно говорить об их риторическом (а значит, автореферентном) характере.

А. ФАТИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ

Фатические формулы – это вид неинформативных прецедентных высказываний, направленных на установление, срыв и/или поддержание самого процесса общения, например: *Превед медвед! Давай, до свидания; Как делишки? Как ваше ничего?* Данные формулы не предполагают развернутого ответа и требуют всего лишь стандартного автоматического ответа, например: – *Привет! – Пока! – Нормально! Ничего!*

Условная неинформативность этих ПВ заключается в том, что данные языковые единицы не содержат семантики, прямо относящейся к предмету дискурсивного события и позволяют реализовать «общение ради общения». Это означает, что между собеседниками не происходит обмена содержательной информацией. Тем не менее, фатические формулы выполняют важную прагмасоциальную роль – они направлены на регуляцию коммуникативных отношений между собеседниками.

Следовательно, фатические формулы по функции разделяются на те, которые служат:

- установлению (инициации) контакта, завязыванию общения между собеседниками (по Р. Якобсону, они выполняют контактоустанавливающую функцию), обычно этому служат формулы приветствия, например:

Здорова! Здорова корова! Здрате / Здрасьте; Здрати мордасти! Здравствуй, здравствуй, друг (хуй) мордастый! Здравствуй, ёлка (жопа), новый год; Здрав будь боярин! // Будь здрав боярин! Здравствуйте всем! И снова здравствуйте! Превед // Привед // Приветик // Приветики; Привет, валет! Привет, мой свет! Наше вам с кисточкой.

К данной группе относим также фразы типа *Кого я вижу? Какие люди! Сколько лет, сколько зим?! Те же люди в том же месте*, так как прагматически они, с одной стороны, выражают радость от встречи с кем-то, с другой – желание начать общение. Противоположными по прагматике являются *Какие люди без охраны! К сожалению, мы рады вас видеть; Мы вас не ждали (не звали), а вы припёрлись* или *Явился, не запылился*, произносимые в ситуациях встречи с кем-то, кому не особо рады или в шутку;

- принятию инициированной кем-то коммуникации:
И тебе не хворать; И тебе того же; И тебе тем же по тому же месту; На связи; У аппарата; Я вас внematочно илюхаю; Кремль (Смольный // Москва) на проводе; Морг слушает; Аюшки;
- продолжению и поддержке общения:
Как дела? Как делишки? Как жисть? Как дела (жизнь) на личном фронте? Как поживаем? Как ты? Как сам? Как там? Что слышно? Что нового? Как оно? Как ваше ничего? Че как?

В зависимости от настроения и цели собеседника его ответ на вышеприведенные вопросы обуславливает течение дальнейшего общения, т. е. короткие, стандартные, автоматические ответы типа: *Хорошо / Ничего себе / в порядке / Нормалек / в норме / Все путем* и т. п., содержащие общую информацию о говорящем (иногда даже не соответствующую реальному положению дел), сохраняющие дистанцию и информирующие собеседника о желании закончить общение. Их целью является срыв контакта и отдаление от себя собеседника. Более развернутые ответы, содержащие вопросы, способствуют дальнейшему общению, будучи их преамбулой, например: *Отлично, а у тебя? Да как сказать, а что ты имеешь в виду? Смотря где, а тебя что интересует?* Также и негативные ответы бывают стимулом к дальнейшему разговору, например: *Да так себе / Не очень / Плохо / Хреново* и под., поскольку после них обычно следует выяснение, почему плохо вроде *А что случилось? а что не так?*

- контролю коммуникации и обращению внимания собеседника, например:
Ты меня вообще слышишь? А вот с этого момента поподробней; Но это уже совсем другая история; Вы меня услышали? Об чём задумался (детина)? Что (Чё) затих? Короче, дело к ночи; Короче, Склифосовский! Айн момент! Минуточку! Алё, гараж! Есть кто живой? Есть кто дома? Эй там на барже (на шхуне)! (лом не проплывал?);
- ритуализации контакта, когда использование фатических формул в коммуникации представляет собой обмен стандартными формулами, единственная цель которых заключается в создании видимости разговора из страха пустоты (*horror vacui*). Такое имеет место, например, в случае вынужденного разговора с малознакомым человеком:
Ну как? Что происходит? Чё как? Всё нормально? Всё путем? Ну как тут?
- прерыванию или завершению коммуникации, например:

Давай, до свидания! Прощай! Хаюшки! Покедова! Привет семье; Прости прощай; Гуд бай, май лав, гуд бай! Будут деньги – заходи; Будь здоров и не кашляй! Всех благ! Будьте здоровы, живите богато! Арривидерчи, Рома! Не поминайте лихом;

- введению в речь содержательных фрагментов (эти ПВ очень близки по прагматике к некоторым псевдоаргументативам и отличаются от них усиленной волиитивностью, ослабленной эмоциональностью и бессодержательностью):

Что я хочу сказать? И что хотелось бы еще сказать? Как бы тут лучше выразиться? Кстати, о птичках...; ... если можно так выразиться; ...не побоюсь этого слова...; ... и чтоб два раза не вставать...; Я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся и под.

Следует подчеркнуть, что данные фразы отличаются высоким уровнем стандартности, поэтому многие фатические формулы нередко входят в т. н. прецедентные диалоги.

Б. ПЕРФОРМАТИВЫ

Термин *перформатив* (от лат. *performo* – ‘создаю’, ‘образовываю’, ‘действую’) был введен в широкое употребление Джоном Остином и обозначает речевые акты, равноценные поступку, эквивалентные и равнозначные действию, выражающие одновременно акт речи и действия [Арутюнова 1990б]. Обычно говорят о перформативных глаголах, при помощи которых такие акты выражаются, например: *обещаю, клянусь, прошу, требую*. Семантическая специфика перформатива «состоит в том, что обычное повествовательное предложение используется с целью представления некоторого положения дел, т. е. с целью описания, сообщения, утверждения и т. п., а перформативное предложение служит не для описания действия, которое совершает говорящий, а для экспликации того, какое именно действие он совершает» [*Речевой акт*], таким образом говорящий берет на себя ответственность, декларирует что-то исполнить и одновременно «совершает, а не описывает или называет действие» [Арутюнова 1990б: 373]. Важно также подчеркнуть, что действия, называемые перформативными глаголами, совпадают с моментом речи и производятся в момент произнесения (поэтому чаще всего перформативность связывается не с глаголом как таковым, а лишь с его отдельными формами, чаще всего первого лица в настоящем времени). Следует подчеркнуть, что с прагмасемантической точки

зрения перформативность высказывания вовсе не обязательно должна выражаться перформативными глаголами. Достаточно, чтобы фраза заключала в своей семантике идею речевого действия, демонстрирующего некий акт воли (обещание, извинение, решимость, готовность, уверенность и под.). Понятно, что если перформативность привязана не столько к словам, сколько к словоформам, это может означать только то, что это прагматическое речевое явление, а значит, оно вполне может быть связано с прецедентными высказываниями как шаблонизированными речевыми знаками.

К данной группе декларативных прецедентных высказываний мы относим фразы, целью которых является:

- выражение благодарности, извинения и просьбы (зачастую показушных), например:
Пардон; Пардоньте; Спасибо; Спасибочки; Благодарствуйте; Данке шён, Извиняйте, дядьку; Виноват, исправлюсь; Миль пардон; Простите засранца; Я дико извиняюсь; Простите мой французский (используется при извинении за использование вулгаризмов);
- выражение локутивных актов:
В последний раз спрашиваю...; Я тебя русским языком спрашиваю; Я стесняюсь спросить ('спрашиваю'); в сотый раз тебе повторяю; Отвечаю...; Сам себя не похвалишь, ходишь, как оплеванный ('хваляю себя'); У матросов нет вопросов ('не спрашиваю');
- выражение пожеланий (часто используемые в тостах):
Всех благ! Желаю здоровья, остальное купим! Чтоб хуй стоял и деньги были! Чтоб у нас все было и нам за это ничего не было! Чтоб мы все были здоровы; Желаю, чтобы все!
- выражение обещаний, предупреждений:
Я больше так не буду; Щас спою! Хана всем! Ща порву! Ща кто-то схватит / отхватит! Ложись! Ховайся в жито! Получай, фашист, гранату; Кто не спрятался, я не виноват! На драку-собаку! или На кого Бог пошлёт (обычно перед тем, как что-то бросить в чью-то сторону); *Держите меня семеро!*
- выражение клятв, речательств:
Вот те крест! Чтоб я сдох! Чтоб я провалился; Провалиться мне на (этом самом) месте; Не сойти мне с этого места; Разрази меня гром; Побей меня Бог; Лопни мои глаза; Даю голову на отрез (на отсечение); Хочешь верь, хочешь не верь; Чтоб я жил на одну зарплату.

С целью придания своему обещанию ранга ритуальной сакральности используются клятвы, восходящие к т. н. воровским клятвам (подробнее об этом см.: [Зубков 2019: 112–133]):

Мамой клянусь! Гадом (сукой) буду; Блядь (бля) буду! Зуб даю! Я отвечаю; За базар отвечаю; Пацан сказал – пацан сделал; Век свободы не видать;

- декларация уверенности, надежды, решимости и готовности:
Живы будем – не помрём! Все будет хоккей / путем! Нас ебут, а мы крепчаем! Как-то будет! Еще так не было, чтобы как-то не было; Все будет чики-чики; Погибать, так с музыкой! Пусть мне будет хуже.

В. УГРОЗЫ-АТАКИ

Угрозы-атаки представляют собой воспроизводимые фразы, наполненные злословием, вербальной агрессией, содержащие в форме деклараций прямые выпады, угрозы, оскорбления в адрес собеседника. В этом смысле они одновременно весьма близки рассмотренным ранее обещаниям и прескриптивам, о которых речь пойдет далее.

С точки зрения стилистической и дискурсивной специфики угрозы-атаки всегда представляют собой нарушение этических и эстетических принципов культурного общения, так как имеют явную агрессивную направленность, представляют собой враждебные, грубые, оскорбительные и обидные для собеседника фразы, целью которых является причинение морального вреда адресату.

В прагмасемиотическом отношении угрозы-атаки опираются на следующую схему соотношения интенциональности и интенциональности: их глубинной и истинной прагматикой является выражение негативных эмоций (недовольства, раздражения, гнева, обиды и т. п.) и своего негативно-агрессивного отношения к адресату, но такая экспрессия завуалирована под попытку воздействовать на адресата, вызвать у него негативные чувства (страх, вину, злость и т. п.), обидеть его или дискредитировать его в глазах других. Через высказывание угроз, брани, а также призывов к совершению агрессивных действий угрозы-атаки подрывают авторитет собеседника, дестабилизируют его эмоциональное состояние и навязывают окружающим негативное мнение о нем. В некоторых случаях угрозы-атаки представляют собой речевые провокации, т. к. их задача вызвать агрессию со стороны собеседника. В таких случаях они служат как средство демонстрации силы говорящего, достижение им доминанции

и преимущества над собеседником. Они представляют собой активное самопроявление силы и служат средством дискредитации собеседника. Следует подчеркнуть, что такая агрессивная коммуникация с использованием угроз-атак нередко бывает спровоцированной определенным стимулом, например, каким-то предыдущим конфликтом. Такие словесные атаки нередко сопровождаются агрессивными жестами, позами и мимикой.

В прагматическом же плане волитивные прецедентные высказывания, определенные нами как угрозы-атаки, могут содержать:

- резкие констатации, имплицитные угрозы:
Ты меня услышал; Это было в первый и последний раз, Я сказал – ты услышал; Я с тобой не разговариваю; Ты для меня больше не существуешь; Я тебе больше ни слова не скажу, Рано радуешься; Напрасно старушка ждет сына домой; Ты только болтать умеешь; Ни хера ты не знаешь; в гробу я тебя видел; Я не с тобой разговариваю; а тебе вообще слова не давали; Было ваше, стало наше; За базар ответишь;
- атаки-претензии, инициирующие ссору (часто в форме риторических вопросов), и агрессивные предложения:
Вы такой умный... Вам череп не жмет? Чего тыришься, глаза ломаешь; Чё не нравится? Это счас что было? Где тебя носило? Куда лезешь?! Что, глаза открылись? Совесть, наконец, проснулась?! Бунт на корабле?! (Тебе) зубы (случайно) не жмут? а не хочешь ли в морду? // (А) в морду не хочешь? а ху-ху не хо-хо? Выйдем, поговорим / побазарим? Выйдем на пару слов? Жопа (попа) не сплнется? Липа не спонется? Кто-то что-то сказал или мне послышалось?! Ссышь, когда страшно?! Ты давно с дерева слез?
- выражение негативного отношения к адресату (непосредственная атака) или третьему лицу (опосредованная атака)²:
Как же я тебя (его // их) ненавижу; Какая гадость эта ваша заливная рыба; Меня от тебя (нее // его) тошнит; Не могу смотреть на тебя (него // них); Гнать его (тебя // их) сраной метлой (надо); Не тронь говна – вонять не будет; Я с ним на одном гектаре срать не сяду;
- атаки-оскорбления:

² Единицы этого типа непосредственно сближаются с дезапробативами.

Конюшня, твой дом родной, а ты в нем главная кобыла // Конюшня твой дом родной, а ты в нем главный // Конюшня твой дом родной, скотный двор твоя дача); Ты никто и звать тебя никак; Дурак / мудак твоя фамилия; Дядя ты дурак? Ты совсем ёбнутый или как? Ты дурак или прикидываешься? Дурак ты, и уши у тебя холодные; Козел тебя нюхал;

- обещания-угрозы:

Я тебе еще покажу! Смейся, смейся; Я тебе пойду /сделаю /скажу... (как реакция на чье-то обещание что-то сделать); Забью, как мамонта! Я тебя прибью! Сейчас прольется чья-то кровь; Глаз на жопу натяну! Пиздеть будешь в морге; Убить тебя мало! Всю жизнь на лекарства работать будешь; в твоём доме будет играть музыка, но ты ее не услышишь;

- проклятия и ругательства:

Чтоб вы так жили, как прибедняетесь; Чтоб ты сдох! Будь ты проклят! Черт бы тебя побрал! Чтоб ты усрался! Да провались ты сквозь землю! Чтоб тебя разорвало! Хуй тебе в рот (жопу)!

Несложно догадаться, что многие угрозы-агрессии могут входить в качестве компонентов в рассмотренные ранее дезапробативы или дефензивы или же использоваться в их функции. В принципе многие из рассматриваемых здесь экспрессивизмов обладают синкретической прагматикой, совмещая в своем содержании признаки одновременно нескольких типов.

Г. РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Риторические вопросы – это вопросы, содержащие утверждение, констатацию факта, не требующие ответа, так как подразумевают определенный, с точки зрения говорящего, общеизвестный и очевидный ответ, озвучивание которого не ожидается.

Вопросительная конструкция риторического вопроса, с одной стороны, представляет собой утвердительное предложение в вопросительной форме, ответ на который заранее известен. Вопросительная интонация способствует подчеркиванию информации, содержащейся в риторическом вопросе, намекает на дополнительную коннотацию, а также усиливает ее выразительность. С другой стороны, вопросительная форма совершенно условна. Интонация вопроса вообще не нужна, поскольку согласно семантике риторического вопроса – ответ очевиден.

В этом смысле риторические вопросы создают иллюзию размышления, рефлексии и максимально сближаются с культурными ПВ. Рассматривая предыдущие ПВ-экспрессивизмы, мы многократно включали в их число также высказывания, формально являющиеся риторическими вопросами. Тем не менее, мы выделили их здесь как отдельный подвид декларативов, имея в виду те из них, которые можно трактовать как своего рода эмоционально окрашенную рефлексию над предметом разговора. В этом смысле такие риторические вопросы можно было бы еще назвать *квазираздумьями*.

Прагматика риторических вопросов сосредоточена на:

- переживании или отчаянии из-за неверно идущих дел, например:
Сколько ж это будет продолжаться? До каких пор это будет продолжаться? Ну сколько же можно это терпеть? Когда ж все это кончится? Кого это интересует? Куда только милиция (власть) смотрит? Сколько раз тебе надо повторять? Если все так хорошо, то почему все так плохо? Что такое не везёт и как с этим бороться?
- раскаянии или упреках (нередко при моральном шантаже), например:
Что я сделала, чтобы заслужить такое? Чем я заслужила такое к себе отношение? Господи, где же я так нагрешил? Как же ты мог это допустить? Как же ты до этого дошёл? Что ты наделал(а) / Что ты натворила? Друг ты или портянка? Ты мне друг или нет? Ты меня уважаешь? Ты за любовь (женщин // дружбу // меня) не выпьешь? Оно тебе надо? Оно того стоило? и как теперь тебя после этого называть? и как ты после этого людям в глаза будешь смотреть? Ну и кто ты после этого?
- сомнениях и неуверенности, например:
Как жить? Что ж делать? Кто виноват? Куда податься? Куда пойти, куда податься, кого найти, кому отдалиться? и что дальше? и кому это нужно? Куда нас приведет эта дорога...? Киса, разрешите спросить вас как художник художника. Вы рисовать умеете?

В ряде случаев риторические вопросы фактически совмещают эту функцию с функциями декларативов (в частности, перформативов и угроз-атак), прескриптивов (предложений) или делиберативных экспрессивов (оценочных суждений):

Селянка, ты хочешь большой, но чистой любви? (заигрывание при флирте); Дорогие гости, а не надоели ли вам хозяева? Не пора ли

нам пора? (фактически синоним декларации *Пора уходить* или поступка, если фраза сопровождает уход); *Скажите, вы в мультиках не снимались?* (используется как атака или критика внешности); *Не послать ли нам гонца за бутылочкой винца?* (предложение выпить); *Разве можно ебать живого человека?!* (ироническая оценка чьих-то слов о сексе).

Будучи в структурно-семантическом отношении вопросами, риторические вопросы также представляют собой пограничное явление с интеррогативами как разновидностью второго типа коммуникативных ПВ – прескриптивов.

3.2. Прескриптивные прецедентные высказывания

Прескриптивы, в отличие от волитивных экспрессивизмов как предикативных знаков эмоциональных суждений, являются предикативными знаками суждений о волитивных актах и коммуникативными средствами воздействия на реципиента, т. е., с одной стороны, они выражают ожидания говорящего или его желания добиться определенной цели, а с другой, – заключают в себе речевые поступки субъекта, направленные на адресата. При этом интенциональность таких ПВ явно превышает их интенциальность. Здесь можно выделить две подгруппы: интеррогативы (т.е. прецедентные вопросы) и директивы (т.е. прецедентные побуждения к действию).

3.2.1. ПВ-интеррогативы

Интеррогатив – «речевой акт, в котором говорящий запрашивает информацию у слушателя» [Оксфордский толковый словарь по психологии], поэтому главной прагматикой интеррогативов является воздействие на адресата с целью реализации собственной коммуникативно-познавательной, поисково-информационной потребности. Их целью является узнать что-то новое, получить необходимую информацию, решить неясности, подтвердить суждение, дополнить или уточнить что-то (такой вопрос содержит известное, т. е. предпосылку ответа). Интеррогативы позволяют устранять неполноту, неопределенность, их цель – побудить к ответу,

объяснению, позволяющему пополнить недостаток знаний спрашивающего (*Что это такое и с чем его едят?*).

Интеррогативы, как и все вопросы, могут быть открытыми (*Который час? Сколько время? Вы к нам надолго? Как будем это решать?*), требующими более полного ответа, и закрытыми (*Ты идёшь сюда или нет? Да или нет? Ты мне веришь или нет? Мы договорились или нет?*) – т. е. таким, на который предполагается утвердительный или отрицательный ответ.

Следует учесть, что многие интеррогативы могут выполнять двойную прагматическую функцию, например: *Что/чѐ здесь/тут творится/происходит?* может быть и дезапробативом (как средство выражения негативного отношения к происходящему; ответ и вообще реакция на такой вопрос нерелевантны, что сближает его с риторическими вопросами), и угрозой-атакой (если вопрос задан с целью выражения своего неприятия участников происходящего и предполагает реакцию в виде прекращения неприемлемых действий), и собственно интеррогативом, если главной целью является получение ответа на поставленный вопрос. Такая полифункциональность наблюдается и в прецедентных высказываниях *Об чем задумался? И что ты про все это думаешь? А тебе оно зачем было нужно? А что тебе с этого?*, которые могут выполнять как фатическую функцию (установление, поддержка, проверка контакта), так и функцию интеррогатива, когда говорящий реально запрашивает у собеседника информацию.

Бывает и так, что интеррогативы с фатической окраской (*Как сам? Как жизнь? Как дела? Что слышать? Что как?*) используются для удовлетворения потребности выведать что-то, получить информацию, однако не непосредственным путем, а так, чтобы говорящий «проболтался» и нечаянно сообщил искомую информацию. Таким образом, интеррогативы могут быть средством манипуляции.

К собственно «предметным» интеррогативным прецедентным высказываниям можно отнести:

Что ты молчишь, как рыба от лед? Куда идем мы с Пятачком? Устим Акимыч, где это ты так нализался? а ты / он здесь каким боком? Ну и что ты теперь собираешься делать?

Интеррогативы могут также служить средством предъявления претензий и выяснения неясной ситуации, например: *А ты о чём думал? А ты куда смотрел? А ты где был? Ну и как всё это понимать?* (что их может, с одной стороны, сближать с угрозами-атаками, а с другой, – с риторическими вопросами, т.к. собеседник может испытывать большие за-

труднения с ответом на столь эмоционально и нелогически сформулированный вопрос). Хотя более организованный реципиент вполне может попытаться объяснить, о чем он думал, куда смотрел и как это понимать сейчас.

3.2.2. Директивные прецедентные высказывания

Директивы, согласно статье в Энциклопедии «Кругосвет», «имеют целью побудить адресата делать / не делать что-либо, предполагают наличие у говорящего соответствующего желания, а их пропозициональное содержание всегда состоит в том, что адресат совершит / не совершит некоторые действие в будущем. к этому классу относятся просьбы, запреты, советы, инструкции, призывы и другие виды побудительных речевых актов» [Речевой акт]. Соответственно, суть директивных прецедентных высказываний заключается в воздействии на адресата, попытке говорящего добиться от него совершения чего-либо, подтолкнуть его к действию или, наоборот, в попытке сдержать собеседника от нежелательного поступка. Цель обиходно-бытовых директив прямая и озвучена чаще всего непосредственно, иногда – грубо и даже вульгарно, и обычно она довольно четко распознается адресатом. Обиходно-бытовые прецедентные высказывания, относимые нами к числу директив, это в первую очередь разного рода акты побуждения, например,

- фатический призыв и сосредоточение внимания собеседника:
Шутки в сторону; а вот с этого момента поподробней; Дай пять; Ну, давай! Проходи, ложись, здравствуй! Кончай ночевать! Если что, звони; Не дай себе засохнуть; Есть такое слово: Надо! Слушай сюда; Смотри и удивляйся; Смотри и учись; Кушать подано. Садитесь жрать, пожалуйста;
- приказ и требование:
Замолчи свой рот! Пшел вон! Вперед и с песней! с вещами на выход! Пасть прикрой! Стой там и смотри сюда; Стой там и слушай меня здесь; Канай отсюда! Вынь хуй изо рта! Отставить разговоры! Упал, отжался! Дитям – мороженое, бабе – цветы; Я требую продолжения банкета!
- просьба, предостережение и предупреждение (в т.ч. дефензивное):
Перестань! Прошу тебя как человека; Спои (песню), птичка; Гюльчатаяй, открой личико, Будь человеком; На коленях умоляю; Окстись! Попустись! Отвянь! Не гони лошадей! Оставь(те) меня

в покое; Отъебись от меня! Иди в баню! Иди в жопу! Иди ты нафиг! Иди на хрен! Иди нахуй! Не ищи на жопу приключений! Вернись, я всё прошу! Не протягивай руки, а то протянешь ноги; Разговорчики в строю!

- совет, предложение, поддержка и подсказка:
Выслушай женщину и сделай наоборот; Никогда не говори «никогда»; Держи деньги в темноте, а деву в тесноте; Смотри и удивляйся; Смотри и учись; Будь проще и люди к тебе потянутся; Догадайся с трёх раз; а ты головой подумай; Не пора ли нам пора? Будь спок; Не парься; Не грузись; Не ссы, Маруся, я Дубровский; Не суется под клиентом! Не делайте из еды культа! Сливай воду! Забей хуй! Не ищи приключений на свою жопу!

Семантика их обычно касается побуждения адресата:

- к движению или к уходу:
Подь сюды, Ходи здесь, Ком цу мир! Иди сюда! (Пошел) вон! // Пшел вон отсюда! Шагай / Мотай отсюда! Шевели копытами! Шевелись! Катись! Катись на катере к едреной матери; Крути педали, пока не дали; Ноги в руки и пошел! Иди лесом! Свали в туман! Сделай так, чтоб тебя искали; Скройся с глаз моих! Уебен зи битте! Штирлиц, а вас я попрошу остаться;
- к воздержанию от высказываний (в частности, от лжи, глупостей или болтовни):
Не пизди! Не пиздеть была команда; Губы на крючок: Молчать пока зубы торчат! Не гавкай! Не тявкай! Ни гу–гу! Закрой / заткни рот / варежку / гаврушку / пасть / поддувало / ебало / форточку! Замолчи свой рот! Заткни фонтан! Не гони волну! Замолчал и сел! Не надо ля–ля; Только не надо снова; Только не начинай; Засунь язык в жопу (и молчи); Воротник поправь.... пиздеть мешает;
- к спокойствию или воздержанию от действий:
Не бойся! / Не боись! Не парься; Не грузись; Не бздеть / не бзди! Не заморачивайся; Не очкуй! Не гони лошадей! Расслабся! Попустись! Забей! Будь спок! Не ссы в компот! Не ссы! Не ссы, прорвемся! Плюнь и разотри; Кури бамбук! Сиди там и сопи в две дырочки; Даже не думай! Не рыпайся! Стоять-бояться! Дернешься, прибыль; Больше трёх не собираться; Не буди во мне зверя! Сливай воду!
- к разного рода действиям:
*Дай пять (предложение пожать руки);
Дай в зубы, чтоб дым пошел (просьба закурить);*

Девочки направо, мальчики налево (чаще всего при организации импровизированного туалета на природе);

Занимайте места согласно купленным билетам (приглашение сесть);

Кончай ночевать! (побудка);

Станция Березай: кому надо – вылезай (предложение выходить из транспортного средства);

Сова, открывай! Медведь пришёл! (просьба впустить в помещение или как сообщение о своем приходе),

Кушать подано – садитесь жрать, пожалуйста (приглашение к еде);

Выпьем, няня, где же кружка; Я требую продолжения банкета!

Раз пошла такая пьянка – режь последний огурец (предложение выпить).

Довольно частым случаем такого использования директивных ПВ являются формулы призывов выпить, используемых в тостах:

Ну поехали! с богом! За все хорошее; Не пьянства ради, а здоровья для; На посошок; За нас с вами и хуй с ними; За то, чтоб все были здоровы; За тех, кого с нами нет! За прекрасных дам; За тех, кто в море.

Активным источником обыденно-бытовых директив является армейский дискурс:

Шагом марш! Вперед и с песней! с песней шагом марш! Отставить разговоры! Разговорчики в строю! Упал, отжался! Стоять-бояться! Большие трёх не собираться; Не пиздеть была команда; Учись, салага! Сиди тихо, как говно в траве.

Директивы как побудительные по цели высказывания чаще всего структурно оформляются как восклицательные предложения, смысловое ядро которого содержит повелительную форму глагола, например: *держись, заглохни, заткнись, затухни, замолчи, засохни, расслабься* или другие формы глагола, а также формы других частей речи в значении повелительного наклонения, например: *Заткнулись все! Рот закрыли! Рот на замок! Молчать тебе сказано! Молчок! Тихо! Ша, манюня!* Роль директивных прецедентных высказываний могут иногда играть внешне не выглядящие как прескрипции инициальной части прецедентных диалогов, вроде: – *Шехерезада Ивановна!* (произносится в адрес партнера перед выходом из дома: ожидаемая реакция – *Я готова!*). Другой вид языковой игры с участием директивного ПВ: – *Если я не вернусь, счи-*

тайте меня коммунистом (также произносится перед уходом: ожидаемая реакция – *А если вернешься?* ответ – *Не считайте*).

Проанализировав исследовательский материал, мы пришли к выводу, что в области коммуникативных ПВ в основном встречаются эмоциональные и волитивные по прагматике единицы (когитативные весьма немногочисленны и всегда эмоционально окрашены), а также интенциальные и интенциональные формулировки по коммуникативной направленности. Это напрямую отражается в функциях, которые они выполняют:

- эмотивной – выражение эмоционального состояния говорящего,
- оценочной – проявление отношения говорящего к предмету речи,
- регулятивно-волитивной – оказание воздействия на реципиента и выражения волитивного состояния,
- фатической (контактной) – установление, поддержание, срыв коммуникации,
- конструктивной – оформление суждения или мнения говорящего,
- информационной – сообщение коммуникативно важной информации,

Следует подчеркнуть, что две последние функции являются вспомогательными функциями коммуникативных ПВ.

Когнитивно-культурные прецедентные высказывания в русском обыденном метадискурсе

4.1. Прагматическая и структурная типология когнитивно-культурных ПВ

Когнитивно-культурные прецедентные высказывания обладают потенциалом кумуляции культурного кода определенной общности людей, что становится чрезвычайно важным для процесса коммуникации, так как умение декодировать, «развертывать» проявляющиеся в языковой единице особенности культуры, аллюзии, метафоры, скрытые за ними ассоциации и смыслы, определяет успех коммуникации, позволяет отличить «своих» от «чужих», обуславливает принадлежность к той или иной субкультурной группе.

Когнитивно-культурные ПВ, как уже отмечалось, представляют собой типичный культурный знак. Под культурным знаком мы понимаем семиотическое выражение когнитивного обобщения и/или оценки, обладающие культурной ценностью в определенном социуме. Культурные знаки системно аутоотеличны, но ситуативно несамостоятельны. Все культурные ПВ представляют собой когнитивную информацию обобщенного плана, но никогда прямо не относятся к конкретной, реальной ситуации (к тому, что происходит «здесь и сейчас»). Их нельзя использовать самих по себе, без специальной привязки к конкретной ситуации. Они для этого слишком общи и отвлеченны. Культурные прецедентные знаки всегда «значат больше, чем они значат: с ними связываются семантико-прагматические оттенки, не вытекающие непосредственно из этих знаков как таковых» [Костомаров, Бурвикова 2005: 6]. Их содержание отвлечено от ситуации их применения, а смысл восходит к некоторому обобщенному знанию, почерпнутому из предшествующего коллективного опыта данного социума. Данные единицы в значительной части представляют собой литературный (цитаты и афоризмы), фольклорный (поговорки, пословицы, поговорки и присказки) и постфольклорный (антипаремии) языковой запас.

В нашем случае (т.е. в современном обыденном метадискурсе) основу такого запаса прецедентных высказываний составляют именно антипаремии и оригинальные постфольклорные сентенции.

С дискурсивной точки зрения все ПВ культурно-когнитивного характера можно разделить на общекультурные (канонизированные) и обыденные (неканонизированные) ПВ. Список классических (канонизированных) ПВ ограничен, но не закрыт: к ним принадлежат общеизвестные ПВ, цитаты и афоризмы, заимствованные из произведений искусства, массовой культуры, а также из различных цивилизационно-культурных опытных речевых ситуаций. К неканонизированным ПВ мы относим разговорно-просторечные постфольклорные сентенции, антипаремии, квазипрецидентные высказывания, а также всевозможные трансформированные цитаты, афоризмы и др. видоизмененные ПВ из канонизированного запаса. Трансформация классических ПВ может касаться как их формы, так и содержания (смысла), т.к. иногда в обыденном метадискурсе используются общекультурные прецедентные высказывания, но в переосмысленном (обычно травестированном или спрофанированном) виде. Впрочем, определение прецедентных высказываний как общекультурных или обыденных свидетельствует о сферах их распространения и использования, а не об их общеизвестности. Канонизированные ПВ (например, латинские сентенции или литературные цитаты), используемые в самых различных макродискурсах, кроме обиходно-бытового, могут в конечном итоге оказаться менее известны, чем разговорные и просторечные ПВ, функционирующие исключительно в обыденном метадискурсе, т.к. их знают только образованные люди, а эти последние известны всем.

ПВ культурно-когнитивного типа постоянно меняются, их запас обновляется со временем и по мере изменения дискурсивной среды индивида. Поэтому мы считаем, что обиходно-бытовые ПВ этого типа, в отличие от коммуникативных ПВ, свойственны носителям данной этноязыковой культуры в разной степени. Но даже если носитель языка сам не склонен вставлять в свою речь такого рода культурные коннотации, то на уровне пассивного владения языком он их сравнительно легко распознает, особенно, если речь идет о канонизированных культурных ПВ: *Баба с возу – кобыле легче; Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет! Аппетит приходит во время еды*. Все они актуализируют в сознании участников дискурса сходные культурные коннотации определенного типа (если они принадлежат к тому же культурному кругу). Основная масса когнитивно-культурных ПВ носит ярко выраженный

культурно значимый характер. Это всевозможные максимы, «мудрости», афоризмы и сентенции, паремии и антипаремии, присказки и приговорки, необходимость в которых возникает тогда, когда в дискурсе появляется некая стандартная когнитивная ситуация необходимости или возможности обобщенной оценки происходящего, обладающая в картине мира модельным решением. Такие ПВ являются средством вербализации некоторых культурных ценностей познавательного, эстетического, мировоззренческого, этического или экономического характера. Интересующие нас обыденно-бытовые прецедентные высказывания в основном функционируют в ситуациях неофициального общения и выполняют ряд культурно-коннотативных функций, которые мы попытаемся обсудить ниже.

С точки зрения дискурсивной стратегии культурно-когнитивные ПВ отличаются от коммуникативных прецедентных высказываний тем, что это разного рода делиберации (рассуждения) – когитативы или медитативы, в то время как подавляющее большинство ПВ коммуникативного типа представляет собой эмотивные и декларативные экспрессии. Поэтому их можно еще называть *делиберативами* или *делиберативными прецедентными высказываниями*.

Если говорить о порождении когнитивно-культурных ПВ, то в отличие от коммуникативных (утилитарных) прецедентных высказываний, которые обычно возникают в ходе устного и в значительной степени синергетического ситуативно-речевого опыта, делиберативы строятся обычно в меру осознанно (кибернетически) по определенным схемам и нередко с использованием уже существующих в языковой системе ПВ, порожденных в рефлексивных макродискурсах, например, общественно-политическом, художественном, реже – экономическом или философском, и крайне редко – научном. С точки зрения формальной структуры и происхождения все культурно-когнитивные прецедентные высказывания можно разделить на оригинальные и конструктивные (конструктивизмы). Образование оригинальных ПВ ничем не отличается от образования канонических пословиц, поговорок, сентенций и афоризмов. Важна простота синтаксической и морфологической структуры, семантическая емкость, обобщенность смысла и некоторая парадоксальность (часто также ритмика или рифма). То, какие из созданных таким образом высказываний станут ПВ, зависит от случая и успешности первого применения. Оригинальная форма прецедентного высказывания вовсе не значит, что оно обязательно появилось в ходе оригинальных мыслительных операций в обиходно-бытовом ма-

кродискурсе (хотя такие тоже есть). Это могут быть единицы, целиком заимствованные из различных внешних источников (например, *Кто ест мало, живёт долго, ибо ножом и вилкой роет мы могилу себе* или *Нет такого мужа, который не мечтал бы хоть на час стать холостяком!*..). Форма же конструктивизма явно вторична и напрямую отсылает к языковому прецеденту, на основе которого было построено данное ПВ: *Дайте мне точку опоры, иначе я переверну землю!* (*пьяный Архимед*). Обычно это контаминации или трансформации разного рода знаков остроумия. К числу конструктивизмов мы относим трансформации (переделки) традиционных «мудростей», обладающих познавательными или квази-познавательными качествами, например: *Будешь много жить – скоро состаришься* (< *Будешь много знать – скоро состаришься*). Конструктивизмы представляют собой не только необычную или неожиданную реконструкцию формы исходного ПВ, но также являются результатом определенной умственной деятельности: семантической переработки, уточнения, дополнения уже известного высказывания или его кардинального изменения, например: *Одна голова хорошо, а с мозгами лучше; Одна голова – хорошо, а две – неприлично (некрасиво)* (< *Одна голова – хорошо, а две – лучше*). *Большому кораблю дольше тонуть* (< *Большому кораблю – большое плавание*).

ПВ, производные от других, ранее функционировавших прецедентных высказываний, формально обыгрывающие мотивирующую их единицу, в литературе предмета часто определяются исследователями как «антипословицы», «антипоговорки», «антифразы», «антикрылатые фразы», «антиафоризмы», «антикрылатые выражения» и под. Если данные жанры сопоставлять с их традиционными аналогами, можно прийти к выводу, что вторые могут представлять собой «кризис жанра». Актуализация и деформация прецедентных высказываний неизбежна, так как язык все время меняется, чтобы удовлетворять новые языковые потребности пользователей. Немаловажным фактором является также роль массовой культуры, так как процесс возникновения прецедентных высказываний, их варьирования и актуализации в последнее время ускорился благодаря сети Интернет, особенно – свободному общению людей в социальных сетях в режиме быденного дискурса.

Если говорить об источниках материала для таких обиходно-бытовых конструктивизмов, то в первую очередь следует указать фольклорные жанры:

- пословицы: *Любишь кататься – люби и саночки возить* + *Назвался груздем – полезай в кузов* > *Любишь кататься – полезай в кузов*;

- поговорки: *Сытый голодному не товарищ* > *Сытый конному не пеший* или *Запас карман не тянет* > *Запас жопу не ебёт*;
- фразы из сказок: *И жили они долго и счастливо и умерли в один день* > *И пили они долго и счастливо и умерли в один день*;
- цитаты из литературных произведений: *Красота спасет мир* («Идиот», Ф. М. Достоевский) > *Пока красота спасет мир, уроды его погубят*; *В человеке должно быть все прекрасно* («Дядя Ваня», А. П. Чехов) > *В женщине все должно быть прекрасно! Не суйте в нее что попало!*; *В жизни всегда есть место подвигу* («Старуха Изергиль» М. Горький) > *В жизни всегда есть место поводу!*
- цитаты из кинофильмов и мультфильмов: *Кто возьмет билетов пачку, тот получит водочку!* («Бриллиантовая рука») > *Кто возьмет билетов пачку, тот получит денег тачку*; *Ребята, давайте жить дружно!* («Кот Леопольд») > *Ребята, давайте жить дружно! Иначе все вы попадете в ад!*
- цитаты из песен: *Ты меня на рассвете разбудишь* («Сага» из оперы «Юнона и Авось», слова А. А. Вознесенского) > *Ты меня на рассвете раз будешь...*

Кроме вышеприведенных примеров, источником ПВ могут являться:

- высказывания известных личностей:
Хотел как лучше – а пошел нахуй; *Хотели как всегда, а получилось хуже*; *Хотели как лучше, а получилась девочка*; *Хотели как лучше, и получилось* [*Хотели как лучше, а получилось, как всегда*, В. С. Черномырдин];
Кузькина мать зовет! [*Я вам покажу кузькину мать!* – фраза, приписываемая Н. С. Хрущеву + советский слоган времен Великой Отечественной войны *Родина-мать зовет!*];
Скажи мне, кто я, и я скажу тебе, кто ты // *Скажи мне, чей Крым и я скажу, кто ты* [*Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты*, Еврипид, а также аллюзии к двум прецедентным высказываниям – *Кто прозывается (обзывается), так сам и называется* и *Крым – наш!*];
Нельзя в одну штанину войти дважды [*Нельзя дважды войти в одну и ту же реку*, Гераклит из Эфеса];
- политические лозунги:
Гениталии всех стран – соединяйтесь < *Пролетарии всех стран соединяйтесь*;
Мы придем к победе кому нести чего куда < *Мы придем к победе коммунистического труда*;

- *Пионерка – всем ребятам примерка < Пионер – всем ребятам пример,*
Папуас папуасу друг, товарищи и корм < Человек человеку друг, товарищ и брат;
- цитаты из Библии:
Не водкой единой пьян человек [< Не хлебом единым жив человек];
Каждой твари по харе [< Всякой твари по паре],
И сказал он, что это хорошо и к утру просохнет [< и увидел Он, что это хорошо].

Одним из известнейших в России авторов многих такого рода конструктивизмов является актер, певец и радиоведущий Николай Фоменко, которому принадлежат такие афоризмы, ставшие впоследствии популярными прецедентными высказываниями, как *Наши поезда самые поездатые поезда в мире; Мужчина имеет право налево; Днем с огнем, вечером – разогнем; Пиво с утра не только вредно, но и полезно; Если хочешь поработать – ляг, поспи, и все пройдет!* или *Пионерка всем ребятам примерка*. В силу того, что Фоменко озвучивал свои афоризмы по «Русскому Радио», многие из них фольклоризировались, стали анонимными и закрепились в обыденном узусе: некоторые из них стали делиберативными экспрессивизмами, некоторые – когнитивно-культурными прецедентными высказываниями, а некоторые так и остались афоризмами и с ними можно ознакомиться в Интернете в письменном виде.

Здесь следует обратить внимание на немаловажное обстоятельство: многие ПВ-делиберативы, распространяясь среди участников обыденного метадискурса и вовлекаясь в чисто коммуникативные речевые ситуации, т.е. используясь как собственно коммуникативно значимая реплика в диалоге или монологе, постепенно переходят в разряд экспрессивизмов делиберативного подвида (что уже было показано ранее). Однако это не единственная возможность делиберативов преобразоваться в коммуникативный знак. Как показал наш анализ, нет ни одного разряда коммуникативных прецедентных текстов, в котором бы не было единиц, возникших как культурно-когнитивное ПВ.

Но что значит, что эти единицы возникли как культурно-когнитивные ПВ? Основу этого обстоятельства составляют два фактора: их делиберативность и сентенциальность. По прагматике и степени актуализации значения или формы все прецедентные высказывания когнитивно-культурного характера можно разделить на две подгруппы: ПВ-остроумия и ПВ-острословия.

Остроумие и острословие имеют ряд сходных черт: выражают изощренность мысли и изобретательность, находчивость говорящего. Суть их построения заключается в нарушении разного рода стереотипов и шаблонов (социальных, поведенческих, мыслительных, логических, языковых) и одновременно в вызове данным нарушением комического, иррационального эффекта. Они часто строятся на оксюмороне, т. е. на соединении исключающих друг друга элементов, создающих абсурдность, что приводит к эффекту неожиданности или т. н. эффекту «обманутого ожидания».

Несмотря на все сходства, нельзя отождествлять остроумие с острословием (что иногда встречается в литературе предмета), поэтому произведем попытку отличить оба термина в контексте прецедентных высказываний. Согласно словарю Д. Н. Ушакова, остроумие – это «изошренность мысли, изобретательность в нахождении удачных, ярких, красочных или смешных выражений, а также удачных решений, действий» [Толковый словарь русского языка]. По мнению И. Канта, остроумие (*ingenium*) сродни способности суждения, но в отличие от нее (как способности «находить для общего (для правила) особенное» и «замечать различия в многообразном, отчасти и в тождественном»), остроумие заключается в способности «придумывать для особенного общее», а также «замечать тождество многообразного, отчасти и различного» [Кант 1994, 7: 227]. Реципиента радуют и веселят такие находки остроумия, иногда они могут казаться парадоксально обнаруженными или парадоксально выраженными «истинами» или «мудростями». Как пишет Кант, остроумие «ищет выдумок», это «приятное, излюбленное и ободряющее занятие» и оно «очень изобретательно в поисках *модного*, т.е. принятых правил поведения, которые нравятся только новизной и, не успев *укорениться*, сменяются другими, столь же преходящими формами» [там же: 250]. Заметим, что философ писал об этом в 1798 году.

Отметил Кант и особый вид остроумия, основанный на игре слов и чистой парадоксальности, которое он называет «плоским» и «капризным» [там же: 251]. Мы называем этот второй тип *острословием*. К сожалению, ни Ушаков, ни другие составители словарей русского языка не заметили различия между *остроумием* и *острословием*, считая их синонимами. На существенное различие этих понятий обратил внимание не ученый или философ, а писатель Михаил Жванецкий: «Существует два понятия: острословие и остроумие. Острословие – обработка слова, каламбур. а остроумие – восприятие души» [Альперина], «(...) мне кажется, что уходит ум из юмора. Это острословие, а есть остроумие. Вот

остроумие, мне кажется, более интересное. Потому что оно, может быть, и не так смешно, но все-таки когда участвует в этом ум, то всегда это можно употребить еще где-нибудь» [*В круге света*]. Если мы проанализируем следующие фразы, то обратим внимание на одну интересную деталь – связь острословия, с одной стороны, с находчивостью и блеском, а с другой, – с грубостью, пошлостью, плоскостью, казарменностью, а также со скучностью и дешевизной:

Блеца острословием, ребята наперегонки занимали её внимание (Антонина Иванова, *Служу Отечеству*).

В рассуждениях о местном острословии принято выделять такие свойства, как грубость и находчивость (Елена Грицак, *Парки и дворцы Берлина и Потсдама*).

Предпочтение же себе завоевал московским острословием, которое плоско и пошло культивировал с детских лет (Владимир Лопухин, *Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел*).

Его говорок, его хохоток, его трескучее острословие – всё это работало на образ грубоватого старого друга семьи, нагрянувшего с неоценимым подарком для младшенького (Владимир Набоков, *Просвечивающие предметы*).

Сколько одних кривляк прокормил, извергавших на него тонны грошового скучного острословия с ухмылкой какого-то непонятого превосходства (Татьяна Москвина, *Энциклопедия русской жизни. Моя летопись: 1999-2007*).

*Не сближаю ли библейский афоризм с казарменным острословием: «Солдат спит, а служба идёт»? (Валентин Пикуль, *Честь имею. Том 1*).*

Сравним два прецедентных высказывания: *Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным* и *Человек человеку волк, а зомби зомби зомби*. Первая фраза в сущности банальна, но она отражает распространенные в быту социально-экономические стереотипы об эгоизме и снобизме здоровых и богатых и зависти к ним бедных и больных, демонстрирует их в лаконичной и емкой форме, а также, что важнее всего, заставляет слушающего «примерять» эту банальность на себя. Это типичное остроумие, создающее правило там, где есть лишь разрозненные случаи и штампы мышления. Однако в сравнении с чистой игрой слов в острословном ПВ *Человек человеку волк, а зомби зомби зомби*, фраза о здоровых и богатых выглядит, как глубокомысленное наблюдение.

Различие между остроумием и острословием можно проиллюстрировать также на следующих сходных по типу образования конструктивных ПВ: *Не откладывай на завтра то, что можешь сделать послезавтра* (созданного на основе трансформации ПВ *Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня*) и *Мойте руки, перед и зад* (на основе трансформации ПВ *Мойте руки перед едой*). В первом случае лексическая субституция, диаметрально меняющая темпоральное направление «откладывания», вносит существенный иронический смысл, декларирующий противоположные деловые устремления и устанавливающий иную иерархию ценностей (отдых вместо труда), во втором же случае смысл, скорее, тривиален, а комический эффект возникает из-за неожиданности смены синтаксиса предложения, в котором обстоятельство времени заменяется однородными дополнениями, а также игрой омоформы *перед*, т. е. подмены предлога существительным. В результате, фраза комична не столько на уровне смысла, сколько на уровне формы. А значит, первое ПВ, в котором актуализированным и прагматически нагруженным оказалось, прежде всего, значение, мы отнесем к остроумию, а второе, в котором основная смысловая нагрузка приходится на форму, – к острословию. Рассмотрим оба типа культурно-когнитивных прецедентных высказываний подробнее.

4.2. Прагматика, семантика и структура ПВ-остроумий

Остроумие заключается в точности и неожиданности суждения, высказанного в лапидарной и эстетической форме к месту и вовремя. Именно внесение в нужный момент комментария, построенного на интересной и необычной ассоциации, обуславливает, по мнению некоторых исследователей, тактичность остроумия. Однако в области обыденного дискурса тактичность остроумных ПВ нерелевантна, так как здесь нередко используются вульгаризмы, ненормативная лексика, иногда само содержание сказанного несоизмеримо с понятием такта, например, в случаях, когда речь идет о сексе, межличностной вражде или тюремном сроке: *Нам татарам один хуй: что ебать подтаскивать, что ебанных оттаскивать; Легче полчаса помолчать, чем всю ночь упрашивать; У соседа корова сдохла – мелочь, а приятно; Раньше сядем – раньше выйдем.*

Так же, как и острословие, остроумие – это тоже умение метко использовать слова, проявляющееся в быстрых и моментальных реакциях, построенных на нарушении штампов и клише, рамок и стандартов, разрыве существующих шаблонов, смене ракурса ситуации, игре ассоциациями, оригинальности и уникальности сказанного. В обоих случаях используются: абсурд через преуменьшение, сопоставление несопоставимого, смешивание разнородных элементов (низких и высоких, официальных и обиходных), преувеличение и гиперболоа, игра слов (добавление, вставка в ПВ неожиданного, нового слова, перемена мест звуков / слогов / слов, буквализация – использование прямого смысла, игнорируя прагматику ситуации).

Но при этом остроумие основывается на поиске необычных взаимосвязей между различными элементами картины мира (понятиями и представлениями о явлениях, предметах, людях, ситуациях), раскрытии их неочевидных, не бросающихся в глаза свойств, игре ассоциаций между ними. Целью обыденного остроумия является не столько формальная игра слов, сколько нарушение мыслительных стереотипов с целью создания комического или сатирического эффекта. Поскольку деятельность человеческого сознания опирается на фреймы, являющиеся когнитивными коррелятами стереотипных ситуаций, комический эффект достигается намеренным вводом изменений в структуру фреймов и, одновременно, в систему отношений фрейма. Причем речь идет не о приемах игры слов, как в чистом остроловии, а именно об игре коммуникативной, являющейся результатом нарушения принятых схем. Комическое базируется на сочетании предписанности, исходящей от стереотипного, и изменчивости, диктуемой именно данной языковой игрой. Остроумные ПВ по прагматической направленности можно разделить на когнитивы (остроумные делиберации) и адвисивы (остроумные наблюдения в форме советов).

А. КОГНИТИВЫ

Когнитивы представляют собой обобщения, свеобразные современные «народные мудрости», а по прагматике и семантике напрямую сближаются с описанными ранее делиберативными экспрессивизмами, используемыми как непосредственные реакции на происходящие события. Некоторые из них, наиболее лаконичные и/или известные, очень сложно однозначно отнести к одной из этих двух групп, тем более что нередко такие когнитивы содержат в себе ритм и рифму, чем сближаются с одно-

строчной поэзией и усиливают орнаментально-эстетическую, коннотативную функцию ПВ-остроумий:

Лучше раз в год рожать, чем каждый день бриться; Счастье не в деньгах, а в их количестве; Главное – прокукарекать, а там хоть не рассветай; Хорошая болезнь склероз: ничего не болит и каждый день новости; Нам татарам один хуй: что ебать подтаскивать, что ебанных оттаскивать; Солнце вышло из-за ели... время срать, а мы не ели; Почем Вы, девушки, красивых любите; Так они и жили: спали врозь, а дети были; Кто носит майку «Адидас» – тому любая баба даст.

В отличие от этих полужестких – полуделиберативов, большинство когнитивных ПВ структурно или семантически более сложны и их безусловное и точное воспроизведение не всегда возможно в спонтанной устной речи, особенно как денотативный фрагмент собственной речи. Поэтому намного чаще они используются именно в письменном виде (например, в сети или в виде разного рода настенных надписей).

Девушка – это пуля со смещенным центром тяжести: попадает в глаз, проходит в сердце, бьет по карману и выходит боком; Если женщина называет мужчину самым умным, значит, она понимает, что второго такого дурака она не найдет; Если утром жена с Вами не разговаривает – значит, пьянка удалась; Женщина хочет многого, но от одного, а мужчина – одного, но от многих; Есть три типа людей: те, кто умеют считать и те, кто не умеют; Кто курит – кончает раком, а кто бросает курить – оттягивает свой конец.

Однако принципиальное отличие ПВ-делиберативов от коммуникативных ПВ заключается не в их форме (длине, сложности структуры или наличии эстетических просодических элементов), а в их прагматике: если доминирует прагматика предложения, это делибератив, если прагматика речевой ситуации – коммуникативное ПВ.

Когнитивы в семантическом плане представляют связь между элементами действительности в форме оригинальных наблюдений, а сам процесс узнавания закодированного смысла определяет уровень лингвокультурной компетенции собеседника. Многие ПВ этого типа построены на игре ассоциаций, необычности или неожиданности сказанного, но при этом отсылают к фоновым культурным знаниям. Данные культурные знания являются дополнением шутки: говорящий, отсылая реципиента к определенным культурным знаниям, порождает диссонанс, который заключается в неадекватности, необычном сочетании элементов и вызывает необычный семантический результат и, в итоге – смех. При этом,

что вполне естественно для обыденного дискурса, «мудрости», заключающиеся в ПВ-когнитивах, нередко отражают характерные для обиходно-бытового сознания предрассудки, стереотипы и культурные штампы, проблемы бытовых отношений, разного рода нетерпимость – ксенофобию, гомофобию, мизогинию и под., например:

Большой живот не от пива, а для пива! Всех баб не перебеешь, но надо к этому стремиться; Каждая женщина это захватывающая книга, читать которую интересней вверх ногами; Странный женщины народ: даешь в руку, берет в рот; Женщину нужно носить на руках, а уж на шею она сама сядет; Всех денег не заработаешь – часть придется украсть; Стыдно не обижать, стыдно быть обиженным! (в тюремном жаргоне обиженный – осужденный, наказанный за что-то сокамерниками актом мужеложества); У России только два союзника – армия и флот. И только два противника – США и остальные пидарасы.

или, наоборот, представляют их в ироничной или саркастической форме, например:

Отсутствие у Вас судимости – это не Ваша заслуга, это – наша недоработка (сарказм по поводу отношения власти к свободолюбию);

Если у итальянцев национальное блюдо – пицца, то у русских – напизца (намек на российское пьянство);

Американцы работают, если платят хорошо, а русские работают, если платят – хорошо (об эксплуатации россиян работодателями);

Серп и молот – коси и забивай (намек на советскую систему отлынивания от труда);

Больше бумаги – чище задница (считается заповедью бюрократов и бухгалтеров);

Две вещи ненавижу – расизм и негров (ироничное представление псевдотолерантности);

Россия – страна парадоксов: тут геи борются за свои права с пидарсами! (намек на отношение россиян к власти);

Почему на лошадей ставят, а на людей кладут? (о моральном состоянии общества).

Решающим фактором отнесения многих такого рода «народных мудростей» к обыденному дискурсу является либо их семантика, либо внутренняя форма. Тематически и мотивационно интересующие нас когнитивы чаще всего касаются «сниженной» или табуированной тематики, например:

- употребления алкоголя:

Водка – враг, а солдат врагов не боится; Деньги не роскошь, а средство для пропивания; Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт; Водка – сила, спорт – могила; Водка лучше хлеба, ибо грызть не требуется; Водку мы пьём для запаха... дури своей хватает; 100 грамм не стоп-кран, дернешь не остановишься;

- секса:

Даже самые длинные и красивые женские ножки все же где-то заканчиваются; Если девушка не только красивая, но и умная, значит трахать её не только приятно, но и интересно; Почему Вы, девушки, красивых любите; Всех баб не перебеешь, но надо к этому стремиться; Девушка – как пачка сигарет: один открывает, а другие пользуются;

- преступности и агрессии:

Пока мужики работают, вор крадет; Закон – тайга, прокурор – медведь; Тюрьма не школа, прокурор не учитель; Лохи – не мамонты... Не вымрут; Стыдно не обижать, стыдно быть обиженным! Лучшие стучать, чем перестукиваться; Ёж птица гордая: пока не пнешь – не полетит; Кто с мечом к нам придет, тот в орало и получит;

- смерти (когнитивные ПВ часто возникают в области черного юмора):

Под лежащий камень мы всегда успеем; Если вас целуют в лоб, значит вы сыграли в гроб; Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрёт; О смерти прошу Тебя, Господи! Не откажи, ведь не для себя прошу;

- физиологических действий, отправлений или табуированных частей тела:

Хорошо быть кискою или собакою, где хочу – пописаю, где хочу – покакаю; В баню ходят только те, кому чесаться лень; Когда решишь тряхнуть стариной, смотри, чтобы он не отвалился; Каков стол – таков и стул.

Иногда поводом для отнесения ПВ к обыденно-бытовым оказывается наличие обценной лексики в их форме и/или языковой агрессии в их прагматике:

Всегда приятно видеть человека, уверенной походкой идущего на хуй; Посланный нахуй обратно не возвращается. 4-й закон Ньютона; Ебал я эту жизнь. и мне не понравилось; Жизнь – замедленный прыжок из пизды в могилу;

и под.

ПВ когнитивного типа представляют собой чаще всего автономные инновационные фразы, не представляющие собой прямой переделки какого-то оригинала, но иногда это конструктивизмы и в них могут использоваться в качестве строевого материала какие-то языковые клише, фразеологизмы или прецедентные высказывания:

Конечно, счастье не зависит от количества денег, но лучше плакать в лимузине, чем в автобусе и Счастье не в деньгах, а в их количестве (< Не в деньгах счастье);

Если раздуть свои радости до размеров неприятностей, то можно и от них получать наслаждение (< раздуть нечто до каких-л. размеров),

Поздно мы с тобой поняли, что вдвоем вдвойне веселей (< Поздно мы с тобой поняли, что вдвоем вдвойне веселей),

Эй, моряк, ты слишком долго плавал, мне теперь тебя не опознать (< Эй, моряк, ты слишком долго плавал, я тебя успела позабыть);

Серп и молот – коси и забивай (< серп и молот);

Труд превратил обезьяну в человека не для того, чтобы он стал лошадью (< Труд превратил обезьяну в человека);

Лучше поздно, чем никому, – сказала старая дева, отправляясь в роддом (< Лучше поздно, чем никогда)

Что на своей груди пригреешь, то всю жизнь шипеть и будет (< Пригреть змею на груди).

Б. АДВИСИВЫ

Адвисивы – это остроумные рекомендации культурного характера, нередко имеющие директивную структуру (повелительное наклонение), но в отличие от коммуникативных директив имеющие целью не столько спровоцировать собеседника на что-либо или прямо побуждать к определенному действию, сколько помочь «умным» советом, поддержать ставшей уже воспроизводимой смешной «народной мудростью», а еще чаще – просто пошутить и приукрасить речь. В классификации речевых актов В. В. Богданова адвисивам приписываются следующие признаки: «неинституциональный, адресатно-иницирующий, не побуждающий к информированию, не основанный на власти или социальном положении, (ориентированный) не в пользу адресанта» (цит. по: [Сусов 2009: 130]).

Адвисивы отличаются от когнитивов своей прагматической императивностью и перлокутивной направленностью. Обычно это назидания,

наставления, поучения или «мудрые» шуточные советы, нередко используемые как надписи на плакатах (дома или в офисе) или как тосты:

Заходи тихо, говори четко, проси мало, уходи быстро; Улыбайтесь – шеф любит идиотов! Не рой яму другому, используй ту, которую он вырыл для тебя; Бери большие, кидай дальше, пока летит – отдыхай; Не кури, не бухай, занимайся спортом: черви любят здоровую пищу; Гася свет, не забывайте уходить; Врежем дуба раньше срока; Не откладывай на завтра то, что можно выпить сегодня; Доверяй, но проверяйся!

В отличие от когнитивов адвисивы чаще призваны продемонстрировать остроумие и чувство юмора говорящего, чем реально воздействовать на собеседника. Как и все остальные культурные ПВ, они призваны позиционировать личность говорящего в социальной среде и выполняют не коммуникативную, а чисто презентативную функцию:

Ешьте-ешьте, дорогие гости... а на базаре всё так дорого (всё равно свиньям отдавать); Брось, комиссар, не донесешь. Да не меня, а автомат; Пускай тебя ебёт собака злая, а не такое солнышко, как я.

Если говорить о формальной стороне ПВ-остроумий, то некоторые из них являются производными от других, классических ПВ, при этом, как можно заметить, основным приемом образования оказываются:

- лексические и конструктивные замены составляющих (субституция)

Ученье – свет, а поучений тьма; Лучшие один раз потрогать, чем сто раз увидеть, Не откладывай на завтра то, что можешь сделать послезавтра. Не откладывай на завтра то, что можно выпить сегодня; Не откладывай на завтра ту, что можешь уже сегодня! Не рой яму другому, используй ту, которую он вырыл для тебя; Поздно мы с тобой поняли, что втроем вдвойне веселей; Какков стол – таков и стул; Под лежащий камень мы всегда успеем; Деньги не роскошь, а средство для пропивания; Длинные ноги не роскошь, а средство передвижения, Тяжело в лечении, легко в гробу; Каждый человек – сам пиздец своего счастья; Нет повести печальнее на свете, чем повесть о заклинившем ресете и под.;

- дополнение оригинала продолжением или началом

Тише едешь – дальше будешь от того места, куда едешь; Не отрывайся от коллектива, а не то коллектив оторвется на тебе; Доверяй, но проверяйся! У соседа корова сдохла – мелочь, а приятно; Счастье не в деньгах, а в их количестве; Капля никотина убивает лошадь, а хомячка разрывает на куски; Тиха украинская ночь, но

сало надо перепрятать; Береженого Бог бережет, – сказала монашка, надевая презерватив на свечку; В ногах правды нет. Она где-то между; Умом Россию не понять, а другим местом очень больно; в жизни всегда есть место подвигу, – главное держаться от этого места подальше; Как много девушек хороших, но тянет что-то на плохих и др.

Подробнее на способах образования культурно-когнитивных конструктивизмов остановимся при анализе структуры острословных ПВ, поскольку подавляющее большинство такого рода делиберативов – конструктивизмы.

4.3. Прагматика, семантика и структура ПВ-острословий

Острословие – это способность ярко и смешно вербально реагировать на провоцирующие тексты или ситуации. Это находчивая и сравнительно инновационная речь, обычно построенная на формальной игре слов. Нередко острословие связано с формальными квазиноминативными процессами, т.е. речевыми процедурами, за которыми не стоит реальный номинативный процесс, а лишь трансформация уже существующих номинативных единиц с целью придания им более комической или необычной формы:

Байкодром Космодур (вм. Космодром Байконур), Бахчифонтанский сарай (вм. Бахчисарайский фонтан), Бронетемкин Поносец (вм. Броненосец Потемкин), Ледовое попоище или Блядовое поебище (вм. Ледовое побоище), Париж Соборской Богоматери (вм. Собор Парижской Богоматери), Цивильный серюльник (вм. Севильский Цирюльник), или же с полупредикацией (и поэтому сродни разного рода присказкам): Рот фронт! – Фронт в рот!

Острословные прецедентные высказывания основываются на своеобразной более или менее глубокой языковой игре, призванной вызвать скорее эстетическое (а конкретно – комическое), чем собственно этическое или познавательное удовольствие, чем и отличаются от остроумий:

Финита, бля, комедия; и такая поебень целый день; Человек человеку волк, а зомби зомби зомби; Вдруг откуда ни возьмись появился В>Рот>Ебись...; Девки, в кучу, девки, в кучу – я вам чучу отчебучу; Не суйся в воду возле химзаводу; Рожденный ползать на голову не нага-

дит; Родила царица в ночь Толе – сына, Коле – дочь; Своя Наташка ближе к телу; Дружба – дружбой, а ноги врозь; Борься и искать – найти и перепрятать; Главное, ребята, перцем не стареть; Что посмеешь, то пожмешь; Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не ругали; Счастье есть – оно не может не быть; Обделались легким испугом; Житель Непала – это тот, кто зачат не палкой и не пальцем и под.

В основе острословия лежит обычно омонимия, омоформия, паронимия (и прочие созвучия), а также такие процедуры, как деформация (трансформация) фонетической или деривативной структуры лексической единицы, рифмовка, использование семантического контраста, добавления / усечения, контаминация, намеренные оговорки, реже – сарказм и ирония, семантическая игра слов, основанная на двусмысленности, нередко доводящие речь до абсурда. Цель острословия – вызвать сиюминутный смех (без особой рефлексии) и сделать себя центром внимания. В большинстве случаев острословные ПВ являются конструктивизмами (как и некоторые остроумия), но, в отличие от последних, обычно не заключают в себе каких-то качественно новых мыслей.

Острословные ПВ выполняют двойственную функцию: во-первых, это экспрессивные маркеры ситуативного настроения, а во-вторых, эстетические орнаментальные средства обыденной коммуникации.

Экспрессивность острословных ПВ служит самовыражению субъекта, проявлению его психического, как когнитивного, так и эмоционального состояния. По мнению Е. Вольф, «Экспрессивность связана с эмоциональной оценкой, хотя и не исчерпывает ее. Она, как правило, возникает в тех случаях, когда оценка появляется как непосредственная реакция на событие. В речевых актах экспрессивность оценочных выражений направлена на то, чтобы усилить эмоциональное воздействие на собеседника, иными словами, увеличить перлокутивный эффект оценочного высказывания» [Вольф 2002: 52]. При этом экспрессивность должна рассматриваться «как свойство не отдельных слов, а высказывания в целом» [там же]. Экспрессивность, понимаемая таким образом, вполне соответствует роли, выполняемой острословными прецедентными высказываниями, которые служат в первую очередь средствами выражения эмоционального отношения к ситуации. Такого рода шуточные прецеденты вызывают узко ситуативный комический эффект и почти ничего не вносят в содержание разговора или в семантику дискурсивной ситуации. Эстетическая суть острословных ПВ заключается в содержащейся в них языковой игре (рифме, ритме, эвфонии, лексических

контаминациях, семантических абсурдизмах и пр.). Они построены на нарочитом усложнении или трансформации исходной фразы, формальной или семантической игре слов или на одних созвучьях. Проблемность этого типа культурных ПВ заключается в том, что их когнитивный смысл обычно полностью или почти полностью «подавлен» формальной языковой игрой, поэтому такие тексты играют, прежде всего, развлекательную роль в коммуникации, т. е. выполняют чисто людическую функцию. Именно контраст с семантикой оригинального высказывания усиливает интенсивность сути конструктивизма при острословии, а формальное сходство с ним придает ему комический эффект даже в случае сомнительной смысловой ценности фразы, например:

Не плюй в колодец – вылетит не поймаешь; Кто к нам с чем зачем – тот от того и того; На безрыбье и слона из мухи сделаешь; Сытый конному не пеший; На корове седло – кобыле легче; Лысый голодному не товарищ; Жуй солому пока горячо; Жил-был у бабушки ёб твою мать; а вы и ухом не моргнули; Типун вам на ваш великий и могучий русский язык.

Как видим, для некоторых конструктивизмов смысл основан на абсурде, который заключается в использовании противоречащих по смыслу начала и концовки, что в итоге только усиливает эффект неожиданности, оправданный при острословии, но обычно неоправданный при остроумии.

Несложно убедиться, что с семантической точки зрения лишь немногие острословия можно хоть как-то квалифицировать в тематическом отношении. Они касаются, прежде всего, таких сфер обиходно-бытового опыта, как:

- секс или апелляция к сексу

Взялся за зад, не говори, что не рад; Щель оправдывает средства; в рогах правды нет; Бабу с возу – кобылу в позу; Баба с возу – давай другую; Взялся за член, не говори что чечен; Взялся за зад, не говори, что не рад; Большому кораблю – большую кораблиху; Была не была, а лишь бы дала! Хуй-железо, пока горячо; Глупый пингвин робко прячет, умный – гордо достает; Любишь кататься – люби и катайся; Нет в жизни счастья, как в пизде зубов; Язык до клитора доведет; Не все то солнышко, что встает; Не все то сиськи, что на груди растет; Секс без дивчины признак дурачины; Без труда не всунешь и туда! Зубов бояться – в рот не давать; Кончил в тело, гуляй смело; Солнце, воздух, онанизм укрепляют организм; Кому тошно, а кому и в попу можно; Сделал дело – вымой тело; Сунул в тело – двигай смело!

- физиологические процессы или апелляция к физиологии
Без бумажки ты какашка; Нет в жизни счастья, как в пизде зубов; Сколько дерьма, аж в голове не укладывается! Это говно нам на руку; и на безрыбье – жопа соловей; Вышел Вася на крыльцо – почесать своё яйцо; На пожаре и хрен – водопровод; Все течет, все из меня;
- насилие или агрессия
Гостей встречают по одежке, а провожают по морде! Уходя, гасите всех; Большому кораблю – большая торпеда; Гостей встречают по одежке, а провожают по морде! Семь раз об дверь, один раз об рельс; Дареному коню – в зубы! Хорошо зафиксированный больной в анестезии не нуждается; Каждой твари – по харе;
- потребление алкоголя
Хуже водки лучше нету; Семь раз отпей, один раз заешь; Не водкой единой пьян человек; Никогда не откладывай на завтра то, что можно выпить сегодня.

Большинство же острословий, построенных на чистой игре слов и смысловом абсурде, вообще невозможно определить в содержательном отношении. Этим острословия разительно отличаются от культурных ПВ, отнесенных нами к т. н. остроумиям, в которых содержание и смысл более-менее очерчены.

Отдельного рассмотрения требуют мотивационно-прагматические и структурно-деривационные аспекты возникновения ПВ-острословий, поскольку практически все они являются конструктивизмами, т.е. производными от других прецедентных высказываний. Такие языковые единицы чаще всего образованы трансформационным или контаминационным способом.

Под трансформационным способом мы понимаем образование острословного прецедентного высказывания вследствие структурных (лексических, синтаксических, фонологических) преобразований уже существующих ПВ. В рамках этого способа можно отличить несколько приемов: субституцию (лексическую, фразовую, фонетическую), усечение, отрицание, перестановку компонентов, образование аналогов по формальному сходству или смешение перечисленных приемов.

Самым продуктивным видом трансформации является субституция, т.е. подмена компонентов ПВ-источника по принципу семантической преференции субъекта или на основании фонетического сходства (в этих случаях чаще всего имеет место прием паронимазии). При лексической субституции в исходном ПВ заменяется одна или

более лексических единиц при сохранении общей синтаксической структуры:

Волка овцы кормят (Волка ноги кормят); Дареному коню в глаза не смотрят; Жареному коню в жопу не смотрят (Дареному коню в зубы не смотрят); И девки целы, и парни сыты (И волки сыты, и овцы целы); На обиженных водку возят (На обиженных воду возят); Семь раз отпей, один раз заешь (Семь раз отмерь, один раз отрежь); Ученье – свет, а неученье – армия (Ученье – свет, а неученье – тьма); Взялся за зад, не говори, что не рад; Взялся за член, не говори что чечен (Взялся за гуж, не говори, что не дюж); Кто к нам с мячом придет, тот от мяча и погибнет; Кто к нам с чем зачем – тот от того и того (Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет); Любишь кататься – люби и самочку возить (Любишь кататься – люби и саночки возить); Язык до клитора доведет (Язык до Киева доведет); Конец – тела венец (Конец – дела венец); Уж климакс близится, а Германа все нет (Уж полночь близится, а Германа все нет); Папуас папуасу друг, товарищ и корм (Человек человеку друг, товарищ и брат); Не все то солнышко, что встает; Не все то сиськи, что на груди растет (Не все то золото, что блестит); Ложись девка большая и маленькая (Ловись рыбка большая и маленькая); А вы и ухом не моргнули (А он и глазом не моргнул); Лысый голодному не товарищ; Сытый конному не пеший (Сытый голодному не товарищ); Жуй солому пока горячо (Куй железо пока горячо); Яйца от курицы недалеко падают (Яблоко от яблони недалеко падает).

Разновидностью лексической субституции является фонетическая (паремическая) субституция, заключающаяся в замене фонетически сходных (созвучных) слов и форм (паронимов). Часто такая субституция основывается на рифмовке заменяемых элементов:

Все хорошо, что хорошо качается (Все хорошо, что хорошо кончается); Берегись тестя с молотом (Береги честь смолоду); В жизни всегда есть место пофигу (В жизни всегда есть место подвигу); в тихом омуте черви водятся (В тихом омуте черти водятся); Вот тебе, бабушка, и юрки в дверь (Вот тебе, бабушка, и Юрьев день); Дева мастера боится (Дело мастера боится); Друг познается в биде (Друг познается в беде); Конец – телу венец (Конец – делу венец); Мой дядя самых честных грабил (Мой дядя самых честных правил); Не суй взнос не в свое дело (Не суй нос не в свое дело); От бобра бобра не ищут (От добра добра не ищут); Пожужем – увидим (Поживем – увидим); После сраки кулаками не машут (После драки кулаками не

машут); с мылом рай и в шалаше (С мылым рай и в шалаше); Семь раз об дверь, один раз об рельс (Семь раз отмерь, один раз отрежь); Слезать с дивчины – признак дурачины; Секс без дивчины признак дурачины (Смех без причины – признак дурачины); Встречают по одежке, провожают по утру (Встречают по одежке, а провожают по уму); Щель оправдывает средства (Цель оправдывает средства); в рогах правды нет (В ногах правды нет); Семь бед – один reset (Семь бед – один ответ); Уходя, гасите всех (Уходя, гасите свет); Взятся за муж, не говори, что ингуш (Взятся за муж, не говори, что не дюж); Все лишнее – детям (Все лучшее – детям); Утро вечера дряннее (Утро вечера мудренее).

Еще одним видом субституции является фразовая субституция. К этому приему мы относим случаи, когда в исходной фразе новым фрагментом заменяется целая конструктивная часть:

Ты хочешь и рыбку съесть, и на хуй сесть (косточкой не подавиться); Баба с возу – давай другую; Баба с возу – кобыла в курсе дела; Баба с возу – лошадь в курсе (кобыле легче); Чем дальше в лес, тем ближе вылез (больше дров); Что посеешь, потом хрен найдешь (то и пожнешь); Любишь кататься – люби и катайся (саночки возить); Без труда не всунешь и туда! (вытащишь рыбку из пруда); Если гора не идет к Магомету, так не пошла б она нахуй! (то Магомет идет к горе); Не суйся в воду возле химзаводу (не зная броду).

Самой сложной разновидностью субституции является образование аналогов по формальному сходству, т.е. полная замена всех или почти всех лексических компонентов с сохранением одной синтаксической структуры:

Зубов бояться – в рот не давать (Волков бояться – в лес не ходить); Ищи негра ночью! (Ищи ветра в поле!); На пожаре и хрен – водопровод (На безрыбье и рак рыба); Не спеши, а то успеешь! (Не спи, а то замерзнешь!).

Среди менее продуктивных трансформационных приемов образования конструктивизмов, можно назвать также усечение, т.е. удаление фрагмента исходного высказывания, ведущее к его частичному или полному переосмыслению:

Без труда не вытащишь (рыбку из пруда); И днем и ночью кот ученый все ходит поц (еци кругом); Все течет, все из меня (ется); Не зная броду, не суй (ся в воду), Дареному коню – в зубы! (не смотрят).

Данное явление нельзя путать с традиционными народными паремиями, известными и закрепленными в лексиконе в усеченном варианте,

которые обычно сохраняют общий смысл исходного варианта и используются просто как упрощенные варианты, например: *Бабушка гадала, надвое сказала, (то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет); Гол как сокол, (а остер как топор): Голод не тетка, (пирожка не поднесет); Ни рыба, ни мясо, (ни кафтан, ни ряса).*

Очередными непродуктивными видами трансформации исходного ПВ являются: отрицание – использование семантического контраста компонентов исходного ПВ через замену единиц антонимами, оппозициями, добавление или удаление частицы не (результатом оказывается острословное ПВ со значением, противоположным к исходному):

В гостях хорошо, а дома плохо (лучше); Долг платежом страшен (красен); Не все хорошо, что хорошо кончается; Не сжигайте мостов перед собой (за собой); Плохому танцору яйца помогают (мешают)

и перестановка компонентов исходного ПВ, которая ведет к изменению семантики:

В каждой доле есть правда шутки (В каждой шутке есть доля правды); Дальше едешь – тише будешь (Тише едешь – дальше будешь); Две головы хорошо, а одна лучше (Одна голова хорошо, а две лучше); Пусто место свято не бывает (Свято место пусто не бывает); У семи детей нянька без глаза (У семи няnek дитя без глаза); Что немцу здорово, то русскому – смерть (Что русскому здорово, то немцу смерть).

В примере *На голом теле – здоровый дух (В здоровом теле здоровый дух)* можно найти одновременно и перестановку, и лексическую субституцию.

Под контаминационным способом мы понимаем возникновение нового острословного прецедентного высказывания вследствие объединения как минимум двух элементов – частей различных паремий, фразеологизмов, цитат, афоризмов, лозунгов и т. п. (для нашей работы мы принимаем узкое понимание контаминации, предполагающее «наложение или скрещивание лексических или фразеологических единиц, морфологических парадигм и синтаксических конструкций» [Ефанова 2016]). В результате нарушения формы возникает новая единица, обладающая новыми формой, семантикой, а также прагматическими возможностями, например:

Одна голова сытому в колодец не плюет – данный пример представляет собой острословную контаминацию трех единиц: пословицы Одна голова хорошо, а две лучше, поговорки Сытый голодного не разумеет (не понимает) и пословицы Не плюй в колодец – пригодится воды напиться.

и хотя контаминация лишает исходные компоненты семантики и прагматики, но одновременно приводит к созданию формального и семантического каламбура, лишённого, однако, смысла.

Согласно литературе предмета ПВ для контаминации подбираются по принципу структурного тождества или подобия, а также функциональной или семантической близости [Бельчиков 1990]). Данная классификация не исчерпывает всех возможностей. Для обыденного дискурса количество и классификация использованных принципов является открытым вопросом, так как контаминации зависят от многих факторов: индивидуальных предпочтений, опыта, интеллектуальных возможностей субъекта и т. п. В ходе исследования мы обнаружили несколько схем контаминации представляющих собой комбинацию паремии с паремией, фразеологизмом, цитатой, афоризмом, лозунгом:

Кончил дело – баба с возу (Кончил дело, гуляй смело + Баба с возу – кобыле легче); Сто друзей на хлеб не намажешь (Не имей сто рублей, а имей сто друзей + Спасибо на хлеб не намажешь); Чем дальше в лес, тем больше дело мастера боится (Чем дальше в лес, тем больше дров + Дело мастера боится); Одна голова – хорошо, а два сапога – пара (Одна голова-хорошо, а две-лучше + Два сапога пара).

Это самый продуктивный вид контаминации. Аналогично образованы ПВ:

Что с возу упало, то не вырубешь топором; Любишь кататься – не садись не в свои сани; Дареному коню кулаками не машут; Баба с возу, и волки сыты! Баба с возу, потехе час; Баба с возу – вылетит не поймаешь; Яйцо курицу до Киева доведет; Береги честь смолоду, коли рожка крива; Большому кораблю и карты в руки.

К непродуктивным приемам можно отнести контаминацию паремии с фразеологизмом (*На безрыбье и слона из мухи сделаешь; Хорошо смеется тот, кто ржет как конь*) или паремии с лозунгом (*Ворон ворону друг, товарищ и брат*).

Во многих случаях образования ПВ-острословий можно наблюдать смешение перечисленных способов и приемов, т.е. гибридизацию:

В чужой женский монастырь со своим ходят [приращение (женский) с усечением (уставом) и отрицанием (устранение не)]; Кончил смело, гуляй мимо [перестановка компонентов (дело – смело) с субституцией (смело – мимо)]; Одна ласточка не долетит до середины Днепра [контаминация части поговорки и фрагмента цитаты с усечением (весны)]; Взятся за грудь – говори что-нибудь [лексическая и фразовая субституции с отрицанием]; Бабу с возу – кобылу в позу [фразовая

субституция с грамматической трансформацией (*бабу*); *Сладкий уксус бывает только в мышеловке* [перестановка (*уксус сладкий – сладкий уксус*) с контаминацией частей поговорки и пословицы]; *Работа не волк, работа – «ворк»* [фразовая субституция (*в лес не убежит – работа – «ворк»*) и паронимазией (*волк – ворк*)].

Вследствие контаминационных и трансформационных изменений в острословных ПВ происходит ряд семантических трансформаций. Под семантической трансформацией мы понимаем любые изменения, вследствие которых возникает новый смысл ПВ в соотношении со смыслом исходной единицы. В основе каждой такой трансформации лежит некий прагмасемантический мотив, например:

- создание качественно нового содержания и смысла на основе конструктивной узнаваемости старого ПВ:
Машу пальцем не испортишь; Фарш невозможно прокрутить назад; Ложись девка большая и маленькая; Каков стол – таков и стул; Взятся за грудь – говори что-нибудь; Язык до клитора доведет; в рогах правды нет; Уходя, гасите всех;
- семантическое переосмысление ПВ с целью создать новый смысл, но структурно аналогичный смыслу исходного ПВ, или придание нового смыслового оттенка существующему ПВ, например:
Блядку сексом не испортить; Кончил дело – баба с возу; Не водкой единой пьян человек; в жизни всегда есть место поводу; Тяжело в лечении, легко в гробу; Уж климакс близится, а Германа все нет; Любишь кататься – люби и самочку возить; Алкоголизм не пропьешь;
- наполнение новым, зачастую неожиданным или образным (нередко, вульгарным) содержанием старого смысла:
Не могёшь в воде пердеть, не пугай лягушек; Любишь кататься, люби и катись; и пили они долго и счастливо и умерли в один день; Кто к нам с чем зачем – тот от того и того; и на безрыбье – жопо соловей; Финита, бля, комедия; и такая поебень целый день; Запас жопу не ебет;
- попытка логически «исправить» или прагматически «актуализировать» уже существующие семантически стертые и прагматически неактуальные (по мнению говорящего) поговорки, например:
У семи нянек четырнадцать сисек; и овцы целы, и волки сыты... и пастуху вечная память; Когда гора не идет к Магомету, то не пошла бы она нахуй; Будешь много жить – скоро состаришься; Каждый человек – сам пиздец своего счастья; Будешь тише –

дольше будешь; Курица не птица – курица – это еда такая; Любишь кататься – купи проездной; Чем дальше в лес, тем больше извращенцев; Чем дальше в лес, тем больше сырья для бумаги; Чем дальше в лес, тем меньше свидетелей;

- ирония, насмешка над морализаторством паремий или пафосом сентенций, например:

Не имей 100 Друзей, а имей всех врагов; в ногах правды нет. Она где-то между; Сто друзей на хлеб не намажешь; Ворон ворону друг, товарищ и брат; Одна голова хорошо, а две – это Чернобыль; Никогда не откладывай на завтра то, что можно и не делать / что можно сделать послезавтра;

- логическая парадоксальность (разрыв существующих шаблонов) или абсурдизм с целью создания комического эффекта, например: *Что с возу упало, то не вырубил топором; Не плюй в колодец, вылетит – не поймает; Молчит, как рыба об лёд; Одна голова – хорошо, а два сапога пара; Чем дальше в лес, тем больше дело мастера боится; Сытый конному не пеший; а вы и ухом не моргнули; Яйца от курицы недалеко падают.*

С лингвистической точки зрения острословные прецедентные высказывания интересны тем, что многие из них представляют собой не столько вербализацию мысли, сколько ономаσιологический казус, т.е. своеобразный вербальный эпифеномен, побочный эффект контаминационного или трансформационного экспериментирования. Приступая к такой процедуре, субъект может не иметь представления, к чему она его приведет. Зачастую осмысление таких ПВ происходит уже после их создания. В это позволяет считать острословия-абсурдизмы продуктами чисто кибернетических процессов фразотворчества, а не нормальными речевыми продуктами, каковыми являются осмысленные острословия и остроумия.

С семантической точки зрения прецедентные высказывания культурно-когнитивного типа (делиберативы) не являются необходимыми для коммуникации. Однако, они выполняют в речи ряд вспомогательных, но не менее важных прагматических функций, беря во внимание специфику среды их функционирования, т. е. обыденный метадискурс. Здесь они выполняют следующие функции:

- парольную – позволяют продемонстрировать принадлежность к определенной группе, подчеркнуть разницу (в возрасте, уровне образования), отличить «своих» от «чужих». Такие единицы могут быть показателями принадлежности к определенной социокультурной группе и отсылать к внеязыковой информации, известной и понимаемой исключительно или преимущественно членами данной субкультурной группы. За прецедентным высказыванием культурного характера всегда стоит некое представление, которое является общим для всех представителей определенного сообщества, т. е. для носителей определенного типа менталитета;
- людическую (развлекательную) – ПВ (особенно острословия) придают шутливую тональность сказанному через разрыв существующих шаблонов, смену ракурса ситуации, игру ассоциаций, использование необычных взаимосвязей между различными элементами языка и/или картины мира;
- аргументативную – культурно-когнитивные ПВ используются в качестве своеобразных аргументов подтверждения сказанного, средства убеждения собеседника через апелляцию к истинам, завуалированным под общепринятые. Обычно «народная мудрость» используется как несомненная правда. В данном случае такой правдой становится остроумно осовремененная постфольклорная «мудрость»;
- оценочную – культурные ПВ позволяют дать оценку объекту, субъекту, дискурсивной ситуации с помощью уже готовой конструкции. Использование прецедентных единиц такого типа выражает нередко отношение к происходящим событиям и традиционным стереотипам и является одновременно оружием критики традиционной картины мира и проявлением свободы словесного творчества молодых людей;
- эстетическую – эту функцию выполняют, прежде всего, трансформированные ПВ (в первую очередь острословия), которые сами по себе представляют собой отстраненные и осложненные формы, вызывающие обычно положительные эмоции;
- орнаментальную – культурные ПВ служат украшению речи, оживлению беседы, приданию общению колорита непринужденности;
- экспрессивную – ПВ культурно-когнитивного типа служат самовыражению говорящего, проявлению его психического, как когнитивного, так и эмоционального состояния;

- персуазивную – поскольку ПВ обладают определенным культурным авторитетом, они используются с целью воздействия на поведение реципиента.

Подводя итог представленной типологии обиходно-бытовых (разговорных и просторечных) прецедентных высказываний, функционирующих в русскоязычном обыденном метадискурсе, можно их представить в виде целостного поля, образуемого на пересечении сферы действия трех ключевых информационных подсистем – эмоций, волеизъявлений и мышления, а также трех дискурсивных стратегий – эмоциональной экспрессии, прескрипции и делиберации (когнитивной экспрессии):

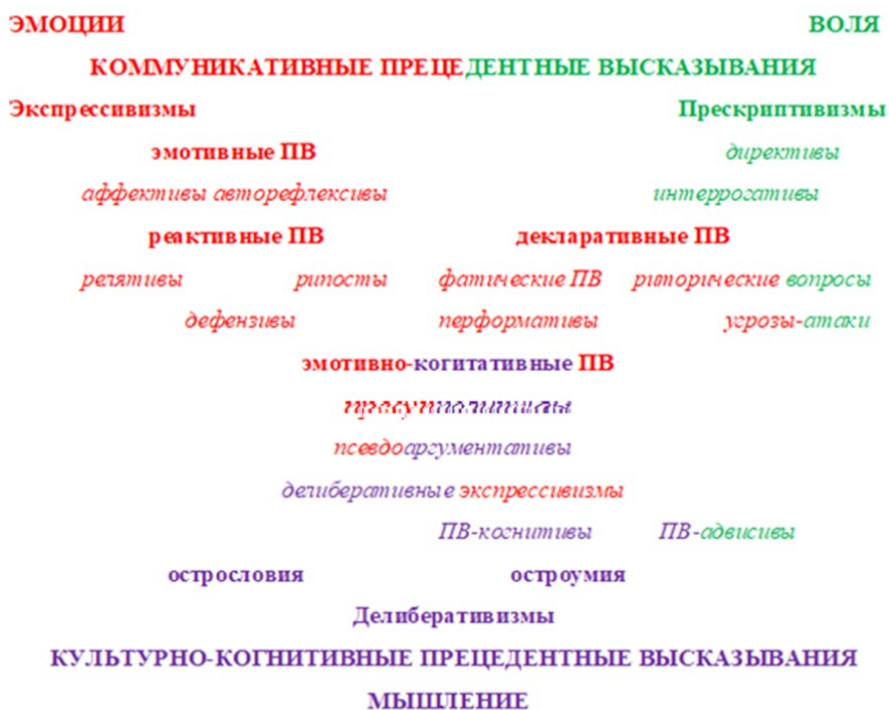

Рис. 4. Типологическая схема обиходно-бытовых прецедентных высказываний

Заклучение

Разговорные прецедентные высказывания обиходно-бытового происхождения довольно плодотворно употребляются не только в обиходной устной и письменной коммуникации (сетевой, в граффити или т. н. «туалетном юморе»), но и в некоторых СМИ (печатных, в т. ч. в качестве заголовков, радио- и телепередачах), рекламе, литературе, песнях, фильмах (особенно молодежных). В рекламе функционируют самые разнообразные виды обиходных ПВ, используемые в различных формах: от прямых цитат до довольно тонких аллюзий. В Интернете и СМИ часто можно встретить антипаремии, квазипрецедентные и окказиональные высказывания, которые создаются либо журналистами, либо пользователями социальных сетей и имеют все шансы стать обиходными ПВ. В сетевой коммуникации разговорные и просторечные прецедентные высказывания носят обычно пародийный, игровой, иронически-смеховой, анекдотический характер. Учитывая глобальную цифризацию, самым плодотворным средством распространения является сеть Интернет. Обиходные ПВ нередко используются на форумах и в социальных сетях в качестве заголовков постов, названий групп, названий видеороликов, подписей к мемам, в качестве статусов и хэштегов (например, #люньиразотри, #скольководкинебебри, #всехорошочтохорошокачается, #утрودобрымнебывает), а также как комментарии на форумах. Нередко разговорные ПВ используются и как аргументы в собственных рассуждениях (*Поэтому так всегда было и так всегда будет: гуляющий мужчина – молодец – «каждый мужчина имеет право на лево», а гуляющая баба – ***. Это природа и не нам менять её законы или и вот что еще интересно: то, что я переплатил, в дальнейшие платежи не засчитывается, как это делается, например, в «Янтарьэнерго», «Водоканале», «Калининградгазификация». В «Вест-Балт Телекоме» принцип проще: что с возу упало, то не вырубешь топором*). Как видим, интернет-пользователи не просто цитируют острология, но и пытаются осмыслить те из них, которые изначально никакого смысла не имели. Это классический пример страха пустоты (*Черный квадрат Малевича – это пирамида Хеопса. Вид снизу*).

Нередко на страницах Интернета появляются новые версии общекультурных, канонических ПВ, в которых меняется исходное значение,

одновременно с переосмыслением зафиксированных в них традиционных «истин». Таким образом, не меняя формы, пользователи начинают создавать собственные прецеденты, например: *Семь раз отмерь* – название одной из тем на форуме, посвященном пластической хирургии. На лицо усечение с семантической трансформацией. Начало классической поговорки *Семь раз отмерь – один раз отрежь* в контексте хирургической операции воспринимается дословно, благодаря этому заголовок становится броским и обращает внимание читающих на проблему, которой посвящен форум. Еще более ярко семантическая трансформация использована в меме, изображающем В. Путина, сидящего за штурвалом истребителя, с подписью *Есть только МиГ, за него и держись* (переосмысленная цитата из песни на слова Л. Дербенева). Аналогичная процедура несколько раз проделана в сети с цитатой из Н. Некрасова *Этот стон у нас песней зовется*, использованной в качестве комментария к песенному творчеству Ольги Бузовой, Родиона Газманова, Михаила Турецкого и к современной поп-музыке в целом.

Однако в большинстве случаев сетевое творчество, направленное на создание потенциальных прецедентных высказываний (особенно делиберативов), сосредоточено на формальных преобразованиях:

На халяву и рама сливочное масло; Время – деньги, а денег у нас нет! в здоровом теле – здоровый дух. На самом деле – одно из двух! Не говори «гоп», пока не вырыл другому яму! Яблоня от яблока недалеко падает; Баба с возу – мужик от счастья до коматозу! Девушка не воробей – залетит, не прокормишь; Кто поздно встает, тот рядом с метро живет; От труда сдохла рыбка из пруда; Кто рано встает, тот всех достает; Бог создал идиотов, Интернет сделал их равными; Путина бояться – в сортир не ходить.

Нетривиальное использование прецедентных высказываний, равно как и создание собственных афоризмов и сентенций, нередко становится для сетевого человека единственным способом выражения отношения к происходящим событиям и господствующим стереотипам, оружием критики традиционной картины мира и одновременно проявлением свободы словесного творчества. Можно сказать, что обыденные прецедентные высказывания стали значимым культурным маркером современности, так как они отражают не только сиюминутную моду, но и более долгосрочные тенденции.

Литература

- Anusiewicz, J. (1978). Konstrukcje analityczne we współczesnym języku polskim. Wrocław.
- Čermák, Fr. (1974). *Viceslovná pomenování typu verbum – substantivum v češtině (příspěvek k sintagmatice tzv. abstrakt)*. „Slovo a slovesnost”. 35. 287–306.
- Chlebda, W. (1993). *Frazematyka*, [w:] Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Współczesny język polski, red. J. Bartmiński. Wrocław. 327–334.
- Czajkowski, P. (2019). *Leksykalne wykładniki bezpośredniej ekspresji emocjonalnej w komunikacji*. „Studia Methodologica”. 49. 114–126.
- Czajkowski, P. (2020). *Ekspresja jako rodzaj werbalizacji i ekspresywy werbalne w ujęciu onomazjologicznym*. Studia Methodologica. 50. 100–112.
- Gardiner, A. (1954). *The Theory of Proper Names. A Controversial Essay*, London – New York – Toronto.
- Gos, E. (2006). *Co to jest tekst precedensowy?* „Przegląd Rusycystyczny”. Katowice. 4. 78–84.
- Hołówka, T. (1986). *Myślenie potoczne. Heterogeniczność zdrowego rozsądku*. Warszawa.
- Kita, M. (2007). *Gra funkcjami w języku potocznym*, [w:] Potoczność a zachowania językowe Polaków, pod red B. Bonieckiej i S. Grabiasa. Lublin. 33–45.
- Leszczak, O. (2008). *Lingwosemiotyczna teoria doświadczenia. Tom pierwszy. Funkcjonalno-pragmatyczna metodologia badań lingwosemiotycznych*, Kielce.
- Leszczak, O. (2010). *Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu*, Toruń.
- Machač, J. (1967). *K lexikologické problematice slovních spojení*, „Slovo a slovesnost”. 2. 137–149.
- Maslow, A. H. (1954). *Motivation and Personality*, New York: Harper & Row.
- Preyzner, M. (2006). *Uspójnianie tekstu*, Kielce.
- Saussure, F. de (2002), *Écrits de linguistique générale*, Paris.
- Szafernakier, A. (2006). *Precedensowe fenomeny kultury w przestrzeni intertekstowej: (na materiale publicystyki polskiej i rosyjskiej)*. „Acta Polono-Ruthenica”. 11. 379–387.
- Vlková, V. (1978). *K problematice tzv. multiverbizačních spojení*. „Slovo a slovesnost”. XXXIX. 104–114.
- Warchala, J. (1991). *Dialog potoczny a tekst*, Katowice.
- Warchala, J. (2003). *Kategoria potoczności w języku*, Katowice.
- Warchala, J., Furgalska-Skudrzyk, A. (2007). *Potoczność – kategoria rozmyta?* [w:] *Potoczność a zachowania językowe Polaków*, Lublin.

- Witosz, B. (2007). *Potoczność jako wartość w dzisiejszej kulturze*, [w:] *Potoczność a zachowania językowe Polaków*, pod red. B. Bonieckiej i S. Grabiasa. Lublin. 11–21.
- Алефиренко, Н.Ф. (2008). *Дискурсивная синергетика «живого» слова*, «Язык. Текст. Дискурс». 6. Ставрополь – Краснодар. 20–26.
- Альперина, С. Михаил Жванецкий: *Мы сидим, лежим, валяемся, но на правильном пути*, [в:] Биометрика, URL: <http://www.biometrica.tomsk.ru/ftp/life/gvan1.htm> [26.07.2021].
- Антонова, О.Н. (2010). *Антипословицы как средство функциональной модификации медиадискурса (на материале прессы Великобритании и США)*. «Вестник Самарского государственного университета». Самара. 3(77). 96–100.
- Аристов, А.Ю. (2008). Интерпретация лингвокультурного фона в произведениях англоязычных авторов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тольятти.
- Арнольд, И.В. (1999). Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Санкт-Петербург.
- Арутюнова, Н.Д. (1990б). *Перформатив*, [в:] Лингвистический энциклопедический словарь, под ред. В. Н. Ярцевой, Москва. 372–373.
- Арутюнова, Н.Д. (1990а). *Дискурс*, [в:] Лингвистический энциклопедический словарь, под ред. В.Н. Ярцевой. Москва. 136–137.
- Бабаян, В.Н., Круглова, С.Л. (2002). *Теория дискурса в системе наук о языке*, «Ярославский педагогический вестник». 3 (32). 1–5.
- Бажалкина, Н.С. (2016). *К проблеме различных подходов к пониманию дискурса в современном языкознании*. «Вестник Кемеровского государственного университета». 1 (65). 156–160.
- Баженова, Е.А. *Интертекстуальность*, [в:] Стилистический энциклопедический словарь русского языка, под ред. М. Н. Кожинной. Москва 2006. 104–108.
- Бельчиков, Ю.А. (1990). *Контаминация*, [в:] Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой. Москва. 238.
- Бжозовска, Д. (2010). *Дискурс и его коллокации*, [в:] *Дискурс в академическом пространстве*, под общ. ред. И. Ухвановой-Шмыговой, М. Сарновского. Минск. 10–11.
- Бирюкова, Н.С. (2005). *О типах прецедентных феноменов*. «Политическая лингвистика». 15. 60–66.
- Бобырева, Е.В. (2007). *Прецедентные высказывания религиозного дискурса*. «Известия Волгоградского государственного педагогического университета». 2. 3–6.
- Болотнов, А.В. (2012). *Самопрезентация языковой личности в публичном дискурсе: когнитивно-стилистический аспект*. «Вестник ТГПУ». 10 (125). 169–173.
- Боярских, О.С. (2007). *Прецедентное высказывание в газетном тексте: особенности читательского восприятия*. «Политическая лингвистика». Екатеринбург. 1/21. 85–69.

- Бриченкова, Е.С. (2007). Прецедентные высказывания в русскоязычном публицистическом дискурсе и их место в преподавании русского языка как иностранного: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Москва.
- В круге света / Михаил Жванецкий*. Эхо Москвы, 6.11.2018. URL: <https://echo.msk.ru/programs/sorokina/2309511-echo/> [26.07.2021].
- Вальтер, Х., Мокиенко, В.М. (2005). Антипословицы русского народа. Санкт-Петербург.
- Ван Дейк, Т.А. (1989). *Язык. Познание. Коммуникация*. Москва.
- Вардзелашвили Ж.А. (2000). *К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях, Славистика в Грузии*. «Вестник ТГУ». 1. Тбилиси. 62–68.
- Власов, С.В. (2011). *Оценочные универсалии публицистического стиля на примере работ В.Г. Распутина (10-е годы XXI века)*, [в:] Современная филология: материалы I Международной научной конференции. Уфа. 75–78.
- Вольф, Е.М. (2002). *Функциональная семантика оценки*. Москва.
- Воронцова, Т.А. (2008). *О соотношении понятий публичный дискурс – язык СМИ – публичная речь*. «Вестник Удмуртского университета». Ижевск. 3. 17–22.
- Высоцкая, И.В. (2012). *О прецедентном знаке*. «Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология». 11(6). 134–141.
- Высоцкая, И.В. (2013). *Спорные вопросы теории прецедентности*. «Критика и семиотика». Новосибирск. 1(18). 117–137.
- Головин, С.Ю. (1998). *Словарь практического психолога*. Москва.
- Голубева, Н.А. (2008а). *Деривационная активность концепта «прецедент»*. «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. Искусствоведение». 5. 259–264.
- Голубева, Н.А. (2008б). *Прецедент и прецедентность в лингвистике*. «Вестник ВятГУ». 3 (2). 56–61.
- Горбунов, А.Г. (2013). *Дискурс как новая лингвофилософская парадигма*. Ижевск.
- Горбунова М.В. (2012). *К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке*. «Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки». 27. 244–247.
- Григорьева, В.С. (2007). *Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты* Тамбов.
- Григорьева, Н.А. (2010). *Фразеосхемы с семантикой назначения*. «Вестник Новгородского государственного университета». 57. 22–25.
- Гриценко, Л.М. (2010). *Миромоделирующая функция прецедентных текстов в чат-коммуникации: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск*.
- Гришаева, Л.И. (2018). *Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения культурной информации*. «Политическая лингвистика». 1(24). 118–123.

- Гудавичюс, А.И. (1985). Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Воронеж.
- Гудков, Д.Б., Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва 2003.
- Гусейнова, Т.С. (2010). *Определение содержания дискурса*. «Вестник Челябинского государственного университета». 13 (194). Филология. Искусствоведение. 43. 26–33.
- Джанаева, В.В. (2006). *Функционирование инокультурных прецедентных текстов в российской прессе*, [в:] Язык. Текст. Дискурс, отв. ред. Н.А. Илюхина, Н.К.Данилова. Ставрополь. 130–136.
- Джанаева, В.В. (2008). *Инокультурные прецедентные высказывания в русском языковом сознании*. «Вестник Челябинского государственного университета». 16. 58–64.
- Должикова, С.Н. (2011). *Прецедентные феномены в английском языке*. «Сфера услуг: инновации и качество». 2. URL: http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2011_2_18.pdf [24.11.17].
- Дреготень, Е.А. (2020). *Виды прецедентных феноменов в разных лингвокультурных формах неофициального общения (на материале русского языка)*. «Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика». 20 (4). 418–422.
- Ефанова, Л.Г. (2016). *Контаминация. Часть 2. Основные разновидности контаминации*. «Вестник Томского государственного университета. Филология». 1 (39). 5–14.
- Жуков, А. В. (1984). Фразеологическая переходность в русском языке, Ленинград.
- Захаренко, И.В. (1997). *Р вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов*, [в:] Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей, под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. Москва. 1. 104–113.
- Захаренко, И.В., Красных, В.В., Гудков, Д.Б., Багаева, Д.В. (1997). *Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов*, [в:] Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей, под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова, Москва. 1. 82–103.
- Звегинцев, В.А. (1960). *Фердинанд де Соссюр*, [в:] История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Москва, ч. 1. 358–360.
- Золотарев, М.В. (2016). *Лингвопрагматические особенности прецедентных феноменов в современном молодежном дискурсе (на материале английского и русского языков)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саратов.
- Зубков, Е. (2019). *Русский уголовный дискурс. Книга вторая. Парадигматика русского уголовного дискурса и анализ российского уголовного антропогенного ландшафта*, Toruń.
- Иноземцева, Н.В. (2010). *Прецедентность и интертекстуальность как маркеры англоязычного научно-методического дискурса (на материале англо-*

- язычных статей по методической проблематике), «Известия Самарского научного центра Российской академии наук», Самара, 12 (3). 167–169.
- Иноземцева, Н.В. (2014). *Интертекстуальность и прецедентность как основные признаки англоязычного компьютерного дискурса*, «Вестник ОГУ». Оренбург. 11 (172). 147–151.
- Казак, М.Ю., Махова, А.А. (2011). *Медиатексты в аспекте теории интертекстуальности и прецедентности*. «Научные Ведомости. Серия Гуманитарные науки». 24 (119). 12. 175–182.
- Кант, И. (1994). *Антропология с прагматической точки зрения*, [в:] Кант, И. Собрание сочинений в восьми томах. 7, Москва. 137–374.
- Кант, И. (1994). *Критика чистого разума*, [в:] Кант, И. Собрание сочинений в восьми томах. 3 Москва.
- Карасик, В. И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград.
- Караулов, Ю.Н. (2007). *Русский язык и языковая личность*. Москва.
- Караулов, Ю.Н., Петров, В.В. (1989). *От грамматики текста к когнитивной теории дискурса*, [в:] Ван Дейк, Т.А. *Язык. Познание. Коммуникация*. Москва. 5–11.
- Кашкин, В.Б. (2010). *Введение в теорию дискурса*. Москва.
- Кибрик, А., Паршин, П. *Дискурс*, [в:] Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная энциклопедия, URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html [09.05.2018].
- Кильдяшов, М.А. (2015). *Теория интертекстуальности (лингвистические аспекты)*. «Вестник МГУКИ». Химки. 6 (68). 74–78.
- Коваленко, Е.В. Прецедентные тексты, http://wiki.uspi.ru/index.php/Прецедентные_тексты [24.11.2018].
- Колшанский, Г.В. (1977). *Лингво-гносеологические основы языковой номинации*, [в:] *Языковая номинация. Общие вопросы*, под ред. Б. А. Серебренникова и А. А. Уфимцевой. Москва. 99–146.
- Кормилицына, М.А. (2015). *Стилистическая контаминация в современном медиадискурсе (на материале печатных СМИ)*, «Проблемы речевой коммуникации». 1. 23–37.
- Костомаров, В.Г. Бурвикова, Н.Д., (2005). *След культуры в языке, или след языка в культуре*, [в:] *Речевое общение Специализированный вестник*. 7(15). Филологические дисциплины в высшей школе, под ред. А.П. Сковородникова и Л.В. Фарисенковой. Красноярск. 5–10.
- Кошелев, А.Д. (2015). *Когнитивный анализ общечеловеческих концептов*. Москва.
- Красных, В.В. (1997). *Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований*, [в:] *Язык, сознание, коммуникация*, Сб. статей, под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. Москва. 2. 5–12.
- Красных, В.В. (2002). *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций*. Москва.

- Кудрина, Н.А. (2005). *Интертекстуальность и прецедентность: к вопросу о разграничении понятий*. «Вестник ТГУ». 4(40). 5–11.
- Куклина, Т.В. (2005). Психо- и прагмалингвистический аспекты речевого поведения авторов (на материале текстов рецензий и политических выступлений). Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону. URL: <http://edu.znate.ru/docs/631/index-1615120-1.html?page=4> [03.05.2019].
- Кунин, А. В. (1970). Английская фразеология. Москва.
- Левина, Э.М., Якимова Е.М. (2019). *Прецедентные высказывания как актуализаторы культурных доминант (на материале региональной поэзии и семейных родословных)*. «Филологические науки. Вопросы теории и практики». Тамбов. 12 (9). 157–161.
- Лещак, О. (2002). Очерки по функциональному прагматизму: методология – онтология – эпистемология. Тернополь-Кельце.
- Лещак, О. (2000). *К проблеме понятия функции в функционально-прагматической методологии*, [в:] *Rozważania metodologiczne. Język – Literatura – Teatr*. Warszawa. 243–254.
- Лещак, О. (2008). Основы функционально-прагматической теории языкового опыта: аналитика, критика, типология. Тернополь.
- Лещак, О. (2009). *Функционально-прагматическая оценка терминов дискурс, используемых в современном русском языкознании*, [w:] *Problemy semantyki i stylistyki tekstu*. Łódź. 11-23.
- Лещак, О. (2013). *Дискурс как объект лингвосемиотический опыт и деятельность (дискурсные типы и картины мира)*, [в:] *La Table Ronde*. вып. 2. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск.
- Лещак, О. (2015). *Дискурс как функционально-прагматический вариант лингвосемиотического опыта*, [w:] *Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne*, pod red. A.Kiklewicza i I. Uchwanowej-Szmygowej. Olsztyn. 57–66.
- Лещак, О. (2016). Дискурсы реального опыта: homo vitalis – homo economicus – homo politicus. Тернополь.
- Лещак, О. (2017). *К проблеме функционально-прагматической типологизации дискурсивных стратегий*, [w:] *Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym*. Księga jubileuszowa dedykowana Panu Profesorowi Aleksandrowi Kiklewiczowi z okazji 60. urodzin, pod red. A. Dudziaka i J. Orzechowskiej. Olsztyn.
- Лещак, О. (2020). *Полупредикация и речевая номинация как ономасиологическая проблема*. „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica”. 12. 59–69.
- Лещак, О., Лещак, С. (2005а). *К проблеме идентификации, квалификации и типологизации лексических единиц (опыт методологического анализа)*. „Studia Rusycystyczne Akademii Świętokrzyskiej”. Kielce. 15. 67–76.

- Лещак, О.В. (1996). Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики. Тернополь.
- Лещак, С. (2006). Языковое клише: прагматика, семантика и структура аналитических номинативных неидиоматических знаков в современном русском языке. Кельце.
- Лещак, С. (2019а). *Прецедентный текст – прецедентное высказывание – цитатная лексема: проблема размежевания понятий*, [w:] System i norma w perspektywie lingwistycznej, pod red. P. Zbróga. Kielce. 163–175.
- Лещак, С. (2019б). Языковые прецеденты в художественном идиостиле Бориса Гребенщикова. Kielce.
- Лещак, С., Лещак, О. (2005б). *Ономастологический анализ сверхсловных неидиоматических знаков в современном русском языке*. „Studia Rusycystyczne Akademii Świętokrzyskiej”. 14. 151–167.
- Мазур, М. (1974). Качественная теория информации. Москва.
- Макаров, М. (2003). Основы теории дискурса. Москва.
- Макаров, М.Л. (1998). Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь.
- Матвеева, А.А. (2021). *Семантические и формальные характеристики прецедентных высказываний, функционирующих в дискурсе британских СМИ*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики». 14 (1). 84–89.
- Мифтахова, М.М. (2014). *Явление прецедентности как языковой феномен*, «Вестник Казанского юридического института МВД России». Казань. 2(16). 99–103.
- Морозова, И.С. (2013). *Высказывания о предложении (или предложения по высказыванию)*. «Историческая и социально-образовательная мысль». Краснодар, № 2 (18). 188–195.
- Мухтаруллина, А.Р., Азаматова, Г.Б. (2012). *Дискурсивные слова (на примере бытового общения)*. «Вестник Башкирского университета». Уфа. 17, 3(1). 1632–1634.
- Нагаева, Е.В. (2010). Фразеосхемы с вопросительным словом в английском языке: дисс... канд.филол.наук. Ростов-на-Дону.
- Незнаева, О.С. (2019). Прецедентные феномены в студенческом общении: механизмы появления и актуализация в различных речевых ситуациях. Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов.
- Одинцова, М.П., Шатрова, Е.В. (2004). *Образы языка в научном, обыденном и художественном дискурсах*. «Вестник Омского университета». 2. 92–95.
- Орлова, Н.М. (2014). *Библиейский текст как генератор прецедентности: книга пророка Ионы*. «Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика». 14 (3). 5–9.
- Орлова, О.В. (2012). *Миромоделирующий потенциал медиаконцепта и прецедентность в Интернет-дискурсе*. «Сибирский филологический журнал». 1. 163–169.

- Павликова, С.К. (2005). Русские и английские прецедентные высказывания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
- Панарина, Н.С. (2019). *Возможность применения психолингвистических методов к анализу динамики прецедентного высказывания*. «Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки». 4 (820). 23–37.
- Пекот, Т. (2010). *Три способа понимания слова «дискурс»*, [в:] Дискурс в академическом пространстве, под общ. ред. И. Ухвановой-Шмыговой, М. Сарновского. Минск. 14–15.
- Пермяков, Г. Л. (1970). От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). Москва.
- Петрова, Н.В. (2010). *Эволюция понятия прецедентный текст*. «Вестник Иркутского государственного лингвистического университета». Иркутск. 2(10). 176–182.
- Пиевская, И.М. (2007). *О типологии дискурса в рамках современной парадигмы языкознания*. «Территория науки». Воронеж. 2. 107–111.
- Попова, Е.С. (2014). *Текст и дискурс: дифференциация понятий*. «Молодой ученый». Казань. 6(65). 641–643.
- Присяник, О. П. (2018). Фердинанд де Соссюр: деміфологізація концепції. Харків.
- Рагимова, Ф.С. (2008). *Канонический способ актуализации прецедентного высказывания*. «Вестник Кемеровского государственного университета». Кемерово. 1. 45–50.
- Ревакина, А.В. (2008). *Способы выражения сомнения в русском языке (на материале повести Г.А. Вайнера «Бес в ребро» (1990))*. «Вестник БДУ». Минск. 4 (2). 43–46.
- Речевой акт*, [в:] Энциклопедия Кругосвет – Универсальная научно-популярная энциклопедия, URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHENO_AKT.html [13.08.2019].
- Речевые и ментальные стереотипы (1999). Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Материалы к коллективному исследованию, под ред. Т. М. Николаевой. Москва.
- Семененко, Н.Н. (2011). *Прецедентный потенциал паремий как проблема семантического исследования*. «Известия Волгоградского государственного педагогического университета». Волгоград. 2 (10). 17–23.
- Серио, П. (1999). *Как читают тексты во Франции*, [в:] Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. Москва. 12–53.
- Силантьева, В.Н. (2010). *Происхождение прецедентных текстов*. «Вестник АГТУ». 2/50. 106–111.
- Слышкин, Г.Г. (2000). От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. Москва.
- Солдаткина, Т.А. (2011). *Паремии с оценочным концептом в языковом сознании человека*. «Вестник Вятского государственного университета». Киров. 4-2. 38–42.

- Сорокин, Ю.А. (2003). *Комическое: в чем его суть?* [в:] Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении, под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград. 203–209.
- Сорокин, Ю.А., Гудков, Д.Б., Красных, В.В., Вольская, Н.П. (1998). *Феномен прецедентности и прецедентные феномены*, [в:] Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов, Москва, вып. 4. 5–33.
- Сорокин, Ю. А., Михалева И. М. (1997). *Цитаты как знаки прецедентных текстов*, [в:] Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей, под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. Москва. 2. 13–25.
- Сорокин, Ю. С., *Разговорный язык*, [в:] Краткая литературная энциклопедия. Москва: Сов. Энциклопедия. 1971, т. 6. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke6/ke6-1551.htm> [26.07.2021].
- Соссюр, Ф. де. (1990). Заметки по общей лингвистике. Москва.
- Степанов, Ю. С. (1997). Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва.
- Степанов, Ю.С. (1995). *Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности*, [в:] Язык и наука конца XX века. Сб. статей. Москва: РГГУ. 35–73.
- Супрун, А. Е. (1995). *Текстовые реминисценции как языковое явление*. «Вопросы языкознания», № 6. 17–29.
- Сусов, И.П. (2009). Лингвистическая прагматика. Винница.
- Тард, Г. (1996). Социальная логика. Санкт-Петербург.
- Тард, Г. (1999). *Мнение и толпа*, [в:] Психология толп. Москва. 257–408.
- Телия, В.Н. (1990). *Фразеологизм*, [в:] Лингвистический энциклопедический словарь, под ред. В. Н. Яревой. Москва. 559.
- Терещенко, А.В. (2016). *Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования*. «Вестник ТГПУ». 11(176). 76–83.
- Терещенко, А.В. (2017). *К вопросу о семантике и особенностях функционирования прецедентных высказываний в современной глянцево-прессе (на материале английского и русского языков)*. «Вестник ТГПУ». Томск. 11(188). 120–128.
- Тетерина, Ю.Ф. (2008). *Общение в рамках обиходно-бытового дискурса через призму концепта «смерть»*. «Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена». Санкт-Петербург. 86. 253–257.
- Торопцев, И.С. (1980). Словопроизводственная модель. Воронеж.
- Тортунова, И.А. *Роль поговорок и прецедентных текстов в современном рекламном дискурсе*. «Вестник новгородского государственного университета». Великий Новгород 2014. 77. 240–242.
- Трофимова, Г.К. (2004). Русский язык и культура речи. Курс лекций. Москва.
- Тубалова, И.В. (2011). *Специфика организации дискурсов повседневности*, «Вестник томского государственного университета». Томск. 4(16). 41–52.

- Тюрина, С.Ю. (2011). *Дискурс как объект лингвистического исследования*. «Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия Филология. Социальные коммуникации». 24 (63). 3. 242–246.
- Ухванова-Шмыгова, И. (2010). *Прошлое и будущее понятия «дискурс»*, [в:] Дискурс в академическом пространстве, под общ. ред. И. Ухвановой-Шмыговой, М. Сарновского. Минск. 11–14.
- Фокина, О.В. (2011). *Интертекстуальность СМИ как когнитивно-вербальный феномен*. «Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского». 6 (2). 699–705.
- Харченко, В.К. (2013). *Экспрессивы второй очереди в разговорном дискурсе*. «Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки». 20 (163), 19. 51–59.
- Хурматуллин, А.К. (2009). *Понятие дискурса в современной лингвистике*. «Ученые записки Казанского государственного университета». Казань. 151(6). 31–37.
- Чабаненко, М.Г. (2012). *Бытовой дискурс как экспликатор коллективной языковой личности молодежной коммуникации*. «Вестник КемГУ». Кемерово. 4 (52). 4. 201–205.
- Шмелев, Д.Н. (1976). Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. Москва.
- Шюц, А. (2004). *Обыденная и научная интерпретация человеческого действия*, [в:] Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. Москва. 7–50.
- Эмер, Ю.А., Гриценко, Л.М. (2013). *Прецедентный текст: жизнь и судьба*. «Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение». 3(11). 16–24.
- Юдин, Б.Г. *Гетерогенность*, [в:] Новая философская энциклопедия. URL: <http://terme.ru/termin/geterogennost.html> [19.06.2021].

Справочная литература и источники

- Армалинский, М. Русские бесстыжие пословицы и поговорки. URL: <https://www.libfox.ru/143266-2-mihail-armalinskiy-russkie-besstyzhie-poslovitsy-i-pogovorki.html#book>.
- Москвин, А.Ю. Большой словарь иностранных слов. Москва 2003.
- Оксфордский толковый словарь по психологии, под ред. А. Ребера. URL: <https://www.psyoffice.ru/6-487-interogativ.htm>.
- Национальный корпус (1978–2015). Национальный корпус русского языка.
- Национальный корпус (2009). Национальный корпус русского языка: из коллекции Ульяновского университета.
- Словарь иностранных слов русского языка. Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/51357.
- Словарь лингвистических терминов (2010)., под ред. Т.В Жеребило, Назрань.
- Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова (1935-1940); (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>.

